Валё Пер, Шёвалль Май

Розанна

I

Труп вытащили восьмого июля около трех часов дня. Он достаточно хорошо сохранился и наверняка пролежал в воде недолго.

То, что его вообще обнаружили, было чистой случайностью. То, что его нашли относительно быстро, оказалось весьма удачным и, конечно же, должно было помочь полиции при расследовании.

Пятнадцатиметровую разницу в уровнях между озерами Веттерн и Бурен компенсируют пять шлюзов. Внизу, перед воротами первого шлюза, имеется волнолом, своеобразный мол, защищающий камеру от ударов волн, которые поднимает восточный ветер на озере Бурен. Когда в тот год весной возобновилось судоходство по каналу, дно между первым шлюзом и волноломом начало заносить илом. Судам с трудом удавалось маневрировать, а винты поднимали со дна густые желто-серые тучи ила и грязи. Стало ясно, что придется что-нибудь предпринимать, и уже в мае управление канала потребовало у администрации водных путей землечерпалку. Письмо путешествовало от одного беспомощного чиновника к другому, пока наконец кто-то не переслал его в управление морского судоходства. В управлении морского судоходства решили, что эту работу должна провести одна из землечерпалок администрации водных путей, а администрация водных путей придерживалась мнения, что землечерпалки находятся в ведении управления морского судоходства. В конце концов кто-то в отчаянии решил поручить все это дело дирекции порта в Норчёпинге, которая вернула письмо управлению морского судоходства, откуда его мгновенно переслали дальше в администрацию водных путей. Все кончилось тем, что кто-то поднял телефонную трубку и набрал номер одного инженера, специалиста по землечерпалкам. Коллеги за глаза называли его Грязнуля. Он как раз знал, что из пяти имеющихся землечерпалок только одна по габаритам сможет пройти через шлюзы, и что эта землечерпалка сейчас находится в рыбном порту Граварны. Утром пятого июля это плавучее средство прибыло в Буренсхульт, где немедленно стало объектом пристального наблюдения местной детворы и одного вьетнамского туриста.

Через час на палубе появился кто-то из управления канала и отдал экипажу необходимые распоряжения, что заняло некоторое время. Следующим днем была суббота, землечерпалку пришвартовали у волнолома, а экипаж разъехался на уик-энд по домам. Состав экипажа был обычным для этого типа землечерпалок: механик, он же рулевой и капитан в одном лице; экскаваторщик и помощник. Двое последних жили в Гётеборге и уехали домой вечерним поездом из Муталы, механик был из Накки, за ним на автомобиле приехала жена. В понедельник в семь утра все уже были на палубе и через час начали работу. Около одиннадцати трюм наполнился и землечерпалка выдвинулась на глубокое место, чтобы освободиться от груза. На обратном пути пришлось пропустить белый экскурсионный пароход, проплывающий по озеру Бурен в западном направлении. У поручней толпились иностранные туристы и с энтузиазмом махали мужчинам на землечерпалке, сохраняющим каменные выражения на лицах. Пароход с туристами медленно поднимался по шлюзам к Мутале и озеру Веттерн, и к полудню вымпел на его мачте исчез за воротами последней камеры. Примерно в половине второго землечерпалка продолжила чистку дна.

Была прекрасная погода, тепло, время от времени дул нежный ветерок, по небу плыли белые летние облачка. На берегах канала и на волноломе собралось много народу. Бо́льшая

часть загорала, кое-кто ловил рыбу, несколько человек глазели на землечерпалку. Ковш как раз набрал очередную порцию ила со дна озера Бурен и медленно выныривал из воды. Экскаваторщик автоматическими движениями двигал рычаги, механик пил кофе в каюте, а помощник стоял, опершись локтем о грязный поручень, и сплевывал в воду. Ковш медленно поднимался.

Когда он показался над поверхностью воды, какой-то мужчина на берегу встал и сделал несколько шагов к землечерпалке. Мужчина размахивал руками и что-то кричал. Помощник прислушался, но толком ничего не понял.

— В ковше кто-то есть! Остановитесь! Человек в ковше!

Помощник растерянно уставился на кричащего мужчину, потом посмотрел на ковш, который уже находился над трюмом и вот-вот должен был вывалить свое содержимое. Из ковша хлестала серо-грязная вода. В последнюю секунду экскаваторщик остановил его над трюмом. Наконец помощник заметил то, что еще раньше увидел мужчина на берегу. Между зубьями ковша торчала белая рука.

Прошло десять минут, каждая из которых была длинной и прозрачной, как стекло. Началось замешательство, на берегу кто-то снова и снова кричал:

— Ни к чему не прикасайтесь, ничего не трогайте до приезда полиции…

Механик вышел из каюты и приблизился к ковшу, потом вернулся в кабину и уселся за рычаги экскаваторщика. Он отвел стрелу и открыл ковш. Помощник и какой-то рыболов подхватили труп.

Это была женщина, она лежала на спине на расстеленной клеенке у самого края волнолома, а вокруг стояла испуганная толпа и смотрела на нее. В толпе были и дети, им не следовало бы это видеть, однако никто не решался их прогнать. Всех присутствующих объединяло нечто общее: они уже никогда не смогут забыть, как выглядела эта женщина.

Помощник экскаваторщика вылил на нее три ведра воды. Позже, когда полицейское расследование зайдет почти в тупик, многие будут вспоминать его за это недобрыми словами.

Женщина была голая, без всяких украшений. На груди и животе кожа более светлая: наверное, загорала в бикини. У нее был широкий таз и сильные бедра. Груди маленькие, чуть обвисшие, с большими темными сосками. От талии к бедру тянулся розоватый шрам, других шрамов и родимых пятен на гладкой коже не было. Руки и ноги маленькие, ногти не накрашены. Лицо опухло, трудно было представить себе, как она выглядела в действительности. Брови темные и густые, рот казался большим. Волосы черные, не очень длинные, облепили голову. Одна прядь обвилась вокруг шеи.

II

Мутала — типичный шведский городок средней величины. Он находится в Эстергётланде на северо-восточном берегу озера Веттерн и насчитывает 27.000 жителей. Самый высокий полицейский чин в городе — советник полиции, он же занимает должность общественного обвинителя. У него в подчинении имеется один комиссар полиции, возглавляющий службу охраны общественного порядка и уголовный розыск. Коллектив городской полиции, кроме них, состоит из старшего криминального ассистента девятнадцатого класса, шести детективов и одной женщины. Один из детективов обучен фотоделу, а если возникает необходимость в проведении медицинского обследования, полиция, как правило, привлекает кого-нибудь из городских врачей.

Через час после объявления тревоги бóльшая часть местной полиции уже находилась на волноломе в Буренсхульте, невдалеке от портового маяка. Вокруг трупа столпилось много народу, и команда землечерпалки уже не видела, что происходило дальше. Она оставалась на борту, а землечерпалка была пришвартована кормой к волнолому.

За полицейским оцеплением у пристани собралась огромная толпа, по крайней мере раз в десять больше, чем на волноломе. На противоположном берегу канала стояло несколько автомобилей, среди них четыре полицейских и одна санитарная машина с красным крестом на задних дверях. На подножке сидели двое мужчин в белых халатах и курили. Казалось, они единственные, кого совершенно не интересует толпа у маяка.

На краю волнолома врач уже укладывал сумку и одновременно разговаривал с комиссаром, невысоким седоватым мужчиной по фамилии Ларссон.

— Ну, пока что я могу сказать не очень много.

— Нам оставить ее лежать здесь?

— Об этом мне следовало бы скорее спросить у вас, — ответил врач.

— Вряд ли преступление совершено именно здесь.

— Хорошо, в таком случае пусть ее отвезут в морг. Я вам позвоню.

Врач закрыл сумку и ушел.

— Ольберг, — сказал комиссар, — проследи, чтобы перекрыли весь округ.

— Да, конечно.

Стоящий у маяка советник полиции не проронил ни слова. Он не имел привычки вмешиваться в расследование, пока оно еще находилось на начальной стадии. Однако по пути в город он сказал комиссару:

— Ужасные синяки.

— Гм.

— Будешь меня регулярно информировать. Ларссон не сделал попытки даже кивнуть.

— Поручаешь расследование Ольбергу?

— Ольберг хороший работник.

— Да, да, конечно.

Разговор закончился.

Они приехали, вышли из машины и разошлись по своим кабинетам.

Советник полиции позвонил окружному начальнику в Линчёпинге.

— Я подожду, пока мы будем знать больше, — сказал окружной начальник.

У комиссара состоялся краткий разговор с Ольбергом.

— Прежде всего нужно выяснить, кто она такая.

— Да, — сказал Ольберг.

Он пошел в кабинет, позвонил пожарным и попросил дать ему двух аквалангистов. Потом прочел дело о краже со взломом в припортовом квартале. Ну, тут скоро все выяснится. Ольберг встал и пошел в дежурную комнату.

— Есть заявление о том, что кто-либо пропал без вести?

— Нет.

— А в розыске никто не числится?

— Никого, похожего на нее, нет.

Ольберг вернулся в кабинет и принялся ждать.

Через пятнадцать минут зазвонил телефон.

— Придется произвести вскрытие, — сказал врач.

— Ее задушили?

— Думаю, что да.

— Изнасиловали?

— Вероятно.

Врач немного помолчал, потом добавил:

— Ну так как?

Ольберг грыз ноготь на указательном пальце. Он думал об отпуске, который должен был начаться в пятницу, и еще о том, в какой восторг от всего этого придет его жена.

Врач неправильно истолковал его молчание.

— Вас это удивляет?

— Нет, — сказал Ольберг.

Он положил трубку и зашел за Ларссоном. Вместе они отправились к советнику полиции.

Через десять минут советник полиции обратился в окружное управление с официальной просьбой о проведении судебно-медицинской экспертизы. Управление связалось с государственным институтом судебной медицины. Прозектором оказался семидесятилетний профессор. Он приехал ночным поездом из Стокгольма, прекрасно выспался и был в отличном настроении. Вскрытие профессор проводил восемь часов, практически без перерывов.

Закончив работу, он дал предварительное заключение: «Смерть наступила в результате удушения. Половые органы серьезно повреждены. Сильное внутреннее кровотечение».

На письменном столе Ольберга начали понемногу накапливаться разные документы, связанные с расследованием этого дела. Все можно было выразить одной фразой: на дне канала возле шлюзов в Буренсхульте обнаружен труп женщины.

Ни в городе, ни в соседних полицейских округах не было зарегистрировано заявлений, что кто-то пропал без вести. Никто, соответствующий описанию мертвой женщины, в розыске не значился.

III

Было четверть шестого утра, шел дождь. Мартин Бек долго и тщательно чистил зубы, чтобы избавиться от свинцового привкуса во рту, и ему показалось, что это удается.

Потом он застегнул воротничок рубашки, повязал галстук и удрученно посмотрел на свое лицо в зеркало. Пожал плечами и вышел в холл, а оттуда направился в комнату, где бросил страстный взгляд на модель учебного парусника, которую, пожалуй, даже чересчур долго собирал накануне вечером, и вошел в кухню.

Он ходил по квартире тихо, словно крадучись, отчасти по старой привычке, отчасти — чтобы не разбудить детей.

Уселся за кухонный стол.

— Газет еще нет?

— Почтальон никогда не приходит раньше шести, — ответила жена.

На дворе уже рассвело, однако небо было затянуто тучами, и в кухне царил полумрак. Жена не включила свет. Она говорила, что экономит.

Он открыл было рот, но так ничего и не сказал — разгорелась бы ссора, а для этого был неподходящий момент, ограничившись тем, что тихонько барабанил пальцами по столу и глядел на пустую чашку с орнаментом из синих розочек. На краю чашка была надколота, вниз тянулась рыжая трещина. Эта чашка провела с ними почти всю их супружескую жизнь. Больше десяти лет. Жена редко что-нибудь разбивает, и уж вовсе нет ничего, что нельзя было бы склеить. Самое удивительное, что дети тоже пошли в нее.

Неужели такие вещи передаются по наследству? Жена сняла с плиты кофейник и налила кофе.

— Может, тебе хочется поесть?

Он перестал барабанить по столу, пил осторожно, маленькими глоточками. Сгорбившись, с подавленным видом сидел за столом.

— Тебе следовало бы немного поесть, — сказала она.

— Ты ведь знаешь, что утром я не могу есть.

— Но ты должен поесть, — продолжила она. — Особенно, если учесть, какой у тебя желудок.

Он нащупал кончиками пальцев на своем лице несколько пропущенных волосков, которые не удалось сбрить; они были короткие и острые. Молча пил кофе.

— Я могла бы сделать хотя бы бутерброды, — сказала она.

Через пять минут он тихо поставил чашку, поднял глаза и посмотрел на свою жену.

На ней была нейлоновая ночная рубашка, а сверху — коричневый махровый халат. Она сидела, опершись локтями на стол и подперев ладонями подбородок. Его жена была блондинкой, со светлой кожей и круглыми, немного вытаращенными глазами. Брови она обычно красила, но за лето они выцвели и теперь были такими же светлыми, как и волосы. Она была старше его на пару лет, и, несмотря на то, что в последнее время начала полнеть, кожа у нее на шее уже увяла.

Еще до того, как двенадцать лет назад у них родилась дочь, она ушла из мастерской какого-то архитектора, а потом у нее уже не появлялось желания снова устроиться на работу. Когда сын пошел в школу, Мартин Бек предложил ей найти работу на неполный день, однако она считала, что это невыгодно. Кроме того, ей нравился комфорт, и существование просто в качестве домохозяйки вполне ее устраивало.

Мартин Бек встал и задвинул под стол синюю табуретку. Он по-прежнему все делал бесшумно. Подошел к окну, за которым моросил дождь.

За автостоянкой под травянистым склоном тянулась автострада, блестящая и пустынная. В высотных домах на холме за станцией метро кое-где светились окна. В низком сером небе кружилось несколько чаек, кроме них нигде не было ни души.

— Куда ты едешь? — спросила она.

— В Муталу.

— Надолго?

— Не знаю.

— Из-за той девушки?

— Да.

— Как ты думаешь, это займет много времени?

— Я знаю об этом столько же, сколько и ты. Не больше того, что было в газетах.

— А почему ты должен ехать поездом?

— Все уехали вчера. Я сначала вообще не должен был этим заниматься.

— Естественно, они обращаются с тобой как всегда. Он глубоко вздохнул и посмотрел в окно. Казалось, дождь понемногу прекращается.

— Где ты будешь жить?

— В городской гостинице.

— А кто будет работать с тобой?

— Колльберг и Меландер. Я уже сказал тебе, что они уехали вчера.

— На автомобиле?

— Да.

— А тебе придется трястись во втором классе?

— Да.

Стоя к ней спиной, он слышал, как она встает и ополаскивает чашку с синими розочками и надколотым краем.

— Мне нужно на этой неделе заплатить за электричество и занятия ребенка верховой ездой в манеже.

— Может, тебе хватит денег?

— Ты прекрасно знаешь, что я не могу снимать с книжки.

— Да, я забыл.

Он вынул из кармана бумажник и открыл его.

Вытащил банкнот в сто крон, посмотрел на него, сунул обратно и вернул бумажник в карман.

— Я ужасно не люблю снимать деньги с книжки, — вздохнула она, — стоит только снять один раз и это будет началом конца.

Он снова вытащил сотенную, сложил ее, повернулся и положил на кухонный стол.

— Я упаковала тебе чемодан, — сказала она.

— Спасибо.

— И помни о своем горле. Погода в это время года коварная, особенно по ночам.

— Да.

— А этот отвратительный пистолет ты, конечно, потащишь с собой?

«Нет… да, сегодня как и всегда», — подумал Мартин Бек.

— Чему ты улыбаешься? — спросила она.

— Да так, ничему.

Он пошел в комнату, открыл ящик секретера и взял пистолет. Сунул его во внутренний карман на крышке чемодана и закрыл чемодан.

Это был обыкновенный девятимиллиметровый браунинг модели 07, которые изготовляют по лицензии на оружейном заводе в Хускварне. Оружие не из лучших, Кроме того, стреляет Бек очень плохо.

Он вышел в прихожую и надел непромокаемый плащ. Молча стоял с черной шляпой в руке.

— Ты не попрощаешься с Рольфом и малышкой?

— Называть двенадцатилетнюю девушку малышкой смешно.

— Мне так нравится.

— Зачем их будить… Они ведь знают, что я уезжаю. Он надел шляпу.

— Ну пока. Я позвоню.

— Пока. Следи за собой.

Он ждал на платформе поезд и думал о том, что нет ничего страшного, что ему приходится уезжать из дому, хотя он и не успел доделать паруса на модели учебного парусника.

Мартин Бек не был начальником отдела расследования убийств, и даже во сне никогда не представлял себе, что когда-нибудь может им стать. Более того, иногда он серьезно сомневался, удастся ли ему вообще дотянуть до комиссара полиции, хотя помешать ему в этом могла лишь собственная смерть или тяжелый служебный проступок. Он был старшим криминальным ассистентом и уже восемь лет работал в отделе расследования убийств. Многие считали его самым способным следователем во всей Швеции.

Половину всей своей жизни Мартин Бек прослужил в полиции. В возрасте двадцати одного года он начал службу в полицейском участке округа Якоб в центре Стокгольма. Прослужив шесть лет патрульным в разных полицейских округах Стокгольма, выдержал экзамен в полицейскую школу. Он был одним из лучших учеников и по окончании курса стал криминальным ассистентом. Тогда ему было двадцать восемь лет.

Годом раньше у него умер отец. Чтобы иметь возможность помогать матери, Мартин Бек съехал с комнаты в округе Клара в центре города и вернулся в квартиру своих родителей в Сёдермальме, откуда до центра было намного дальше. В то лето он познакомился со своей женой. Она вместе с подругой снимала домик на одном из островков в морском заливе недалеко от Стокгольма, а он в один прекрасный день случайно причалил там на своей байдарке. Она ему очень понравилась, и осенью, когда они уже ждали ребенка, в ратуше состоялась свадьба и Бек переехал в ее квартиру на острове Кунгсхольмен.

Когда дочке исполнился годик, от веселой, живой девушки, в которую он влюбился, уже почти ничего не осталось, и их супружеская жизнь понемногу стала серой и будничной.

Мартин Бек сидел на диванчике из зеленой кожи, которой обтянуты сиденья в поездах стокгольмского метро, и смотрел в залитое дождем окно, тупо и неприязненно размышлял о своей супружеской жизни, но когда понял, что начинает себя жалеть, тут же вытащил из кармана газету и попытался сосредоточиться на передовице.

Он выглядел уставшим, серый утренний свет отбрасывал на его загорелое лицо мертвенную тень. У него было худое лицо, высокий лоб и могучий подбородок. Губы под коротким прямым носом длинные и узкие, от их уголков тянулись две глубокие морщины, а при улыбке были видны белые здоровые зубы. Темные прямые волосы зачесаны гладко назад, они еще не начали седеть. Голубые глаза смотрели открыто и спокойно. Он был худощав, не очень высок и слегка сутулился. Некоторым женщинам он очень нравился, но большинству его внешность казалась самой рядовой. Одевался он не броско, а скорее даже чересчур скромно.

Воздух в вагоне был неподвижный и затхлый; Беку казалось, что его желудок как бы плавает в воде, — в метро это случалось с ним достаточно часто. Когда поезд подъехал к станции, откуда надо было подниматься на Главный вокзал, Бек уже стоял в дверях с чемоданом в руке. Он не любил ездить в метро, но к автомобилям чувствовал еще большее отвращение и, когда у него была хорошая тихая комната в центре города, ему совсем не нужно было пользоваться этим видом транспорта.

Скорый поезд в Гётеборг отъезжал с Главного вокзала в половине восьмого. Мартин Бек специально пролистал всю газету, но об убийстве не нашел ни слова. Он вернулся к рубрике «Культура» и начал читать статью об антропософе Рудольфе Штейнере[1], но еще в городе уснул над ней. Проснулся он вовремя и успел пересесть в Халльсберге. Свинцовый привкус во рту появился снова, Бек выпил три стакана воды, но избавиться от него так и не смог.

В Муталу он приехал в половине одиннадцатого, дождь уже прекратился. Бек был здесь впервые; в вокзальном киоске он купил пачку сигарет «Флорида», местную газету и поинтересовался, как пройти к городской гостинице.

Гостиница находилась на главной городской площади, в нескольких кварталах от вокзала. Короткая прогулка немного взбодрила Бека. В гостинице он вымыл руки и выпил бутылку минеральной воды, которую купил у швейцара. Несколько минут стоял у окна и разглядывал площадь со статуей, изображающей, как ему казалось, очевидно, Балтазара фон Платена.[2] Потом он направился в полицейский участок. Плащ надевать не стал, потому что участок находился на противоположной стороне улицы.

У входа он назвал свое имя дежурному, и тот направил его в кабинет на первом этаже. На двери висела табличка с надписью «Ольберг».

Мужчина, сидящий за письменным столом, был широкоплечий, коренастый, уже начавший лысеть. Синий пиджак он повесил на спинку стула и пил кофе из бумажного стаканчика. На краю полной окурков пепельницы медленно догорала сигарета.

У Мартина Бека была привычка проскальзывать в дверь незаметно, что многим действовало на нервы. Некоторые коллеги утверждали, что он обладает умением оказываться в комнате одновременно со стуком снаружи в закрытую дверь.

Мужчина за письменным столом тоже казался несколько ошеломленным, он поставил бумажный стаканчик на стол и поднялся.

— Меня зовут Ольберг.

Он вел себя выжидательно. Мартин Бек видел это и знал, почему он так поступает. Бек — специалист из Стокгольма, а мужчина за столом провинциальный полицейский, который не знает, как себя дальше вести. Последующие две минуты могут оказаться решающими для их дальнейшего сотрудничества.

— Не возражаешь, если мы будем на ты? Как тебя зовут по имени? — спросил Мартин Бек.

— Гуннар.

— Чем занимаются Колльберг и Меландер?

— Не имею понятия. Вернее, не помню.

— Они, наверное, выглядели так, словно собирались разделаться с этим делом в два счета?

Ольберг пригладил редеющие волосы, потом криво ухмыльнулся и сел во вращающееся кресло.

— Примерно так, — кивнул он. Мартин Бек уселся напротив, вынул сигареты и положил их перед собой на стол.

— Ты выглядишь уставшим, — сказал он.

— У меня накрывается отпуск.

Ольберг опорожнил бумажный стаканчик, смял его и бросил под стол, ухитрившись при этом попасть в корзину.

На письменном столе был ужасный беспорядок. Мартин Бек вспомнил свой собственный стол в полицейском участке округа Кристинеберг. Тот выглядел совершенно по-другому.

— Ну, — сказал Бек, — есть какие-нибудь новости?

— Абсолютно никаких, — ответил Ольберг. — Прошла уже неделя, а нам по-прежнему не известно ничего, кроме того, что сказали врачи.

По старой привычке он перешел на официальный тон.

— Смерть наступила в результате удушения. Имеются признаки грубого изнасилования. Преступник очень жестокий. Возможно, сексуальный маньяк.

Мартин Бек рассмеялся и встретил недоумевающий взгляд Ольберга.

— Ты сказал: «Смерть наступила…» Я тоже иногда так выражаюсь. Что ни говори, а нам все-таки приходится писать слишком много официальных служебных документов.

— Это плохо. — Ольберг вздохнул и почесал голову. — Мы выловили ее восемь дней назад, — сказал он, уставившись в стол, — и до сих пор не продвинулись ни на сантиметр. Не знаем, кто она такая, у нас нет ни одного подозреваемого и нам не известно, где это произошло. Мы не нашли ничего, что бы имело к ней хотя бы какое-нибудь отношение, абсолютно ничего.

IV

— Смерть наступила в результате удушения, — повторил Мартин Бек.

Он сидел за столом и рассматривал фотографии, которые Ольберг выгреб из кучи бумаг. На фотографиях были изображены шлюз, труп на клеенке и на столе в морге.

Мартин Бек положил фотографию, которую держал и руке, перед Ольбергом и сказал:

— Нужно обрезать и немного подретушировать это фото, здесь она выглядит получше. Потом придется обойти один дом за другим. Если она местная, должен же кто-нибудь ее узнать. Сколько человек ты можешь для этого выделить?

— Максимум троих, — сказал Ольберг. — Нас тут слишком мало. Трое в отпуске, а один в больнице со сломанной ногой. Кроме советника полиции, Ларссона и меня, в полицейском участке восемь человек.

Он посчитал на пальцах.

— Да, в том числе одна женщина. К тому же кто-то должен заниматься и текущими делами.

— В худшем случае нам придется тоже подключиться. Это займет кучу времени. Кстати, а как тут у вас обстоят дела с разными извращенцами, маньяками?

Ольберг задумчиво постукивал по зубам карандашом. Потом он выдвинул ящик письменного стола и достал оттуда лист бумаги.

— Одного мы допросили. Его задержали позавчера в Линчёпинге, но у него есть алиби на всю неделю. Это донесение от Блумгрена, он занимался всеми лечебницами.

Бумагу Ольберг положил в зеленую папку.

Минуту они сидели молча. У Мартина Бека начал побаливать желудок, он вспомнил вечные разговоры жены о регулярном питании. Вот уже почти двадцать четыре часа, как он ничего не ел.

Воздух в кабинете был тяжелым, почти осязаемым. Ольберг встал и открыл окно. Где-то рядом работало радио, и они услышали сигналы точного времени.

— Час дня, — сказал Ольберг. — Если хочешь есть, я могу попросить, чтобы нам что-нибудь принесли. Лично я голоден, как волк.

Мартин Бек кивнул, и Ольберг поднял трубку. Через минуту раздался стук в дверь, вошла девушка в синем халатике и красном фартуке и принесла поднос с едой.

Мартин Бек съел бутерброд с ветчиной и выпил несколько чашек кофе.

— Как, по твоему мнению, она туда попала? — спросил он.

— Не знаю. Днем у шлюзов всегда много народу, вряд ли это могло произойти средь бела дня. Возможно, ее бросили в воду с берега или волнолома, а завихрения от пароходных винтов утащили ее дальше от берега. Ее могли сбросить в воду и с судна.

— Какие суда проплывают через эти шлюзы? Небольшие грузовые суда и частные яхты?

— Яхты тоже, но их немного. В основном грузовые. Пароходы. Ну и, естественно, экскурсионные пароходики «Диана», «Юнона» и «Вильгельм Там».[3]

— Может, поедем к шлюзам? — предложил Мартин Бек.

Ольберг встал, взял отобранную Беком фотографию и сказал:

— Поедем. По дороге я отдам это фото в лабораторию.

Было уже почти три часа, когда они вернулись из Буренсхульта. В шлюзах было оживленное движение, и Мартин Бек предпочел остаться на берегу, чтобы, среди отдыхающих и рыбаков, наблюдать за судами.

Он поговорил с экипажем землечерпалки, побывал на самом конце волнолома и долго разглядывал шлюз. По озеру Бурен шла галсами яхта с маленьким парусом, и Бек сразу с

тоской вспомнил свою байдарку, которую продал несколько лет назад. На обратном пути в город он молча сидел в автомобиле и вспоминал, как в доброе старое время летом уезжал из Стокгольма в морской залив и плавал между островами.

У Ольберга на столе уже лежало восемь свежих копий из фотолаборатории. Фотограф отретушировал снимок, и лицо девушки выглядело так, словно она живая. Ольберг просмотрел фотоснимки, четыре копии положил в зеленую папку и кивнул.

— Хорошо, я дам их ребятам, и они сразу смогут этим заняться.

Когда он через минуту вернулся, Мартин Бек стоял у стола и поглаживал пальцем кончик носа.

— Мне нужно позвонить, — сказал он.

— Можешь зайти в кабинет в конце коридора.

Этот кабинет был больше, чем у Ольберга, с двумя окнами. Здесь стояли два письменных стола, пять стульев, два металлических ящика и маленький столик со старой, видавшей виды пишущей машинкой.

Мартин Бек сел за один из столов, положил перед собой сигареты и спички, открыл зеленую папку и стал просматривать документы. Ему не удалось выудить из них больше того, что он уже знал из разговора с Ольбергом.

Через полтора часа у него кончились сигареты. За это время он позвонил в несколько мест без всякого результата и поговорил с советником полиции и комиссаром Ларссоном; оба выглядели уставшими и подавленными. В тот момент, когда он сминал в руке пустую коробку из-под сигарет, позвонил Колльберг.

Через десять минут они встретились в гостинице.

— Ну и задал ты нам работенку. Хочешь кофе?

— Нет, спасибо. Чем ты занимался с утра?

— Побывал в редакции местной газеты и поговорил с одним редактором в Буренсберге. Он был убежден, что держит в руках сенсацию. Дело в том, что в Буренсберге десять дней назад должна была приступить к работе на новом месте одна девушка из Линчёпинга, однако она так и не появилась. Похоже, накануне она выехала из Линчёпинга и с тех пор как в воду канула. Однако никого эти не встревожило, так как известно, что она особа ненадежная. Тот газетчик знаком с ее шефом и решил провести собственное расследование, однако ему не пришло в голову поинтересоваться, как, собственно, выглядит эта девушка. Я поинтересовался; естественно, это не она. Это толстая блондинка, она еще не объявилась. Так и потратил целый день.

Он вытянул ноги, оперся на спинку стула и принялся ковыряться зубочисткой во рту.

— А чем мне заниматься теперь?

— Ольберг отправил своих людей поговорить с местными жителями, будет неплохо, если ты им поможешь. Когда появится Меландер, мы все обсудим с господином советником и Ларссоном. Зайди к Ольбергу, он скажет, что ты должен делать.

Колльберг допил кофе и встал.

— Ты тоже идешь? — спросил он.

— Нет, не сейчас. Скажи Ольбергу, что он найдет меня в гостинице, если что-нибудь понадобится.

В гостиничном номере Мартин Бек снял пиджак, разулся, развязал галстук и уселся на постель.

Погода улучшилась, на небе были редкие белые облачка. Комнату освещало послеполуденное солнце.

Мартин Бек встал, приоткрыл окно и задернул тонкие занавески, затем прилег на постель, засунул ладони под голову.

Думал он о девушке, лежавшей в иле озера Бурен.

Он закрыл глаза и увидел ее перед собой такой, какой она была на фотографии. Голая, узкие плечи и черные волосы, обвившиеся вокруг шеи.

Кто она, о чем думала, как жила? С кем встречалась?

Она была молодая и — в этом он был уверен — красивая. Наверняка она кому-то нравилась. Кто-то был близок с ней, а теперь думает о том, что с ней что-то случилось. Должны ведь быть у нее друзья, коллеги, родственники, возможно, братья или сестры. Никто, тем более молодая, красивая женщина, не может быть настолько одинокой, что ее отсутствие останется совершенно незамеченным и не встревожит ни одного человека.

Мартин Бек долго думал над тем, почему ее никто не разыскивал. Ему было жаль эту девушку, потому что никто не заметил ее исчезновения, и он не понимал почему. Возможно, она сказала, что куда-то уезжает? В этом случае может пройти много времени, прежде чем люди задумаются, не случилось ли с ней что-нибудь. Все дело в том, когда это произойдет.

V

Была половина двенадцатого дня, Мартин Бек находился в Мутале третьи сутки. С самого раннего утра он уже работал, хотя, насколько он мог судить, все это было ни к чему. Сейчас Мартин Бек сидел за маленьким письменным столом и перелистывал записную книжку. Несколько раз он протягивал руку к телефону: ему казалось, что надо бы позвонить домой, но каждый раз это как-то не получалось.

Не получалось вообще ничего.

Он взял шляпу, запер дверь и медленно спустился вниз по лестнице. Диванчики в холле гостиницы полностью оккупировали газетчики, на полу лежали две сумки с кинокамерами и два перевязанных ремнями штатива. У входа, стоя под стенкой, курил один из фотографов. Фотограф был молод, сигарета торчала у него изо рта, он поднял фотоаппарат к глазам и глядел в видоискатель.

Проходя мимо газетчиков, Мартин Бек опустил шляпу на лоб, ссутулился еще больше чем обычно и ускорил шаг. Сделал он это чисто автоматически, однако было здесь и что-то театральное. Один из журналистов спросил с неожиданно кислым видом:

— Послушайте, так сегодня вечером состоится ужин с отделом расследования убийств или нет?

Мартин Бек что-то пробормотал, сам не зная что, и направился к выходу. Еще не успев открыть дверь, он услышал слабый щелчок: фотографу все-таки удалось сделать снимок.

Он вышел из гостиницы и почти побежал по тротуару, но как только исчез из поля зрения журналистов, в нерешительности остановился и простоял секунд десять. Бросил окурок в водослив у тротуара, пожал плечами и направился к такси. Откинувшись на заднем сиденье, тер правым указательным пальцем кончик носа и украдкой посматривал в сторону гостиницы. Из-под полей шляпы он видел газетчика, который в холле обратился к нему с вопросом. Теперь этот репортер стоял у входа и смотрел на такси. Продолжалось это не больше минуты, потом он тоже пожал плечами и вернулся в гостиницу.

Пресса и сотрудники отдела расследования убийств частенько жили под одной крышей, и когда полиции везло и расследование быстро заканчивалось, устраивали, как правило, общий ужин, во время которого в основном пили пиво. Со временем это стало своеобразной традицией. Мартину Беку она не слишком была по душе, однако большинство его коллег придерживались иного мнения.

Хотя двухдневное пребывание в Мутале ничего не дало, однако в городе Бек уже кое-как ориентировался; по крайней мере, знал названия улиц. Престгатан, Дроттнинггатан,

Остермальм, Буренсгатан, и вот он уже на месте. Попросил водителя остановиться у моста, расплатился и вышел из машины. Подошел к перилам моста, облокотился на них и посмотрел вниз на канал с крутыми зелеными берегами, похожими на лестницы. Внезапно он вспомнил, что забыл попросить шофера написать в квитанции, откуда и куда тот его вез. Если вписать самому, могут возникнуть неприятности с бухгалтерией. Лучше всего впечатать на пишущей машинке, это обычно вызывает доверие.

Он все еще размышлял над этим, идя по тропинке на северном берегу канала к расположенному ниже озеру Бурен.

Утром несколько раз шел дождь, воздух был свежим и чистым. Мартин Бек остановился на крутом склоне, сделал глубокий вдох и почувствовал влажный аромат луговых цветов и мокрой травы. Этот запах напомнил ему детство, когда сигаретный дым, вонь выхлопов и аллергическая слизистая еще не лишили его обоняния. О своем детстве он вспомнил как об очень далеком прошлом.

Мартин Бек миновал все пять шлюзов и пошел дальше вдоль пристани. Между волноломом и первой шлюзовой камерой собралось несколько небольших судов, а на озере Бурен плавала пара яхт. Метрах в пятидесяти от конца мола громыхала и пыхтела землечерпалка. Над ней, как дозорные, большими кругами лениво летали несколько чаек. Видно было, как они вытягивают головы то в одну, то в другую сторону, напряженно ожидая, что поднимет со дна ковш. Бдительность и наблюдательные способности чаек были достойны удивления, так же как их терпение и оптимизм. Они напоминают Колльберга и Меландера, подумал Мартин Бек. Дойдя до конца волнолома, он остановился. Так, значит, она лежала здесь. По крайней мере, здесь положили обезображенное тело на клеенку, практически на всеобщее обозрение. Через несколько часов двое санитаров с носилками увезли ее, а еще через некоторое время один пожилой господин, специалист по таким делам, разрезал тело и копался в нем, а потом зашил для приличия; наконец все кончилось в холодильнике морга. Сам Мартин Бек мертвого тела не видел. Что ж, спасибо хотя бы за это.

Он вдруг осознал, что стоит, заложив руки за спину, и покачивается с пятки на носок и обратно. Это была его старая привычка, приобретенная еще в давние времена патрульной службы, ужасная привычка, от которой он никак не мог избавиться. Он стоял и смотрел себе под ноги на серый волнолом, с которого дождь давно смыл меловые линии, нанесенные в первые минуты расследования. Очевидно, он стоял долго, потому что вокруг произошли кое-какие изменения. Появилось и быстро приближалось белое экскурсионное судно. Когда оно проходило мимо землечерпалки, с палубы на нее уставились несколько объективов. Механик, в свою очередь, вышел из рубки и сфотографировал судно. Мартин Бек провожал судно взглядом и заметил несколько отталкивающих подробностей. У суденышка были красивые гладкие линии, но мачту обрезали, а вместо высокой, прямой трубы поставили какую-то странную жестянку, напоминающую шляпу. Внутри судна, где должна была ритмично работать почтенная паровая машина, урчало нечто, по всей вероятности, представляющее из себя обычный дизель. На палубе толпились туристы, почти все пожилые или среднего возраста, и почти у всех на головах были соломенные шляпы с цветными ленточками.

Теплоход назывался «Юнона». Бек вспомнил, что ему рассказывал Ольберг при их первой встрече.

На волноломе и по берегам канала постепенно собралось много людей. Некоторые ловили рыбу, другие загорали, но большинство наблюдало за теплоходом. Впервые за несколько часов у Мартина Бека появилась потребность что-то сказать.

— Он всегда проплывает здесь в это время?

— Ага, когда идет из Стокгольма. Сейчас у нас… Да, половина первого. Тот, что идет в противоположном направлении, проплывет позже, после четырех. Они встречаются в Вадстене, там же и причаливают.

— Так много народу, я имею в виду здесь, на берегу.

— Они приходят посмотреть на судно.

— И их всегда так много?

— Как правило.

Мужчина, с которым разговаривал Бек, вынул изо рта трубку и сплюнул в воду.

— Развлечение все-таки, — обронил он. — Стоять и глазеть на туристов.

Возвращаясь вдоль канала, Мартин Бек еще раз прошел мимо маленького экскурсионного теплохода. Он мирно покачивался в третьей шлюзовой камере. Часть туристов сошла на берег, одни фотографировали судно, другие сгрудились вокруг киоска на берегу, покупали вымпелы, открытки и пластмассовые сувениры, наверняка изготовленные в Гонконге.

Мартин Бек не стал убеждать себя в том, что у него мало времени, и привычное уважение к государственному бюджету заставило его вернуться в город автобусом.

Журналистов в холле гостиницы уже не было. У портье никаких сообщений для Бека не оказалось. Он поднялся к себе в номер и сел за стол у окна с видом на площадь. Собственно, следовало бы сходить в полицию, но он уже был там дважды этим утром.

Через полчаса он позвонил Ольбергу.

— Это ты? Хорошо, что ты позвонил. Приехал окружной начальник.

— Ну и что?

— В шесть он хочет устроить пресс-конференцию. Сильно озабочен.

— В самом деле?

— Он хочет, чтобы ты там тоже присутствовал.

— Хорошо, я приду.

— Ты приведешь Колльберга? Я не успел ему сказать.

— Где Меландер?

— Отправился с моими ребятами проверить одно заявление, которое мы получили.

— Что-то серьезное?

— Не очень.

— А все-таки…

— Нет. Окружной начальник побаивается журналистов. Извини, у меня тут звонит второй телефон.

— Хорошо, до встречи.

Мартин Бек угрюмо докурил сигарету. Потом посмотрел на часы и вышел в коридор. Остановился у третьей двери, постучал и по привычке беззвучно и быстро скользнул внутрь.

Колльберг лежал на постели и читал вечерний выпуск газеты. Он был в носках, без пиджака и с расстегнутым воротничком рубашки. Служебный пистолет валялся на ночном столике, завернутый в галстук.

— Да, сегодня мы уже скатились на двенадцатую страницу, — рассмеялся он. — Нелегко им, бедняжкам.

— Кому?

— Репортерам. «Мрачной тайной покрыто дьявольское убийство молодой женщины в Мутале. Не только местная полиция, но и опытные столичные детективы из отдела расследования убийств бродят в кромешной тьме». Не понимаю, кому все это нужно.

Колльберг был толстый, выглядел беззаботным и дружелюбным, что уже привело многих к роковым ошибкам.

— «Сначала создалось впечатление, что речь идет о рядовом преступлении, однако потом оказалось, что все не так просто. Отдел расследования убийств слишком скупо информирует, однако известно, что он разрабатывает несколько версий. Голая красавица в озере Бурен…» Да идите вы знаете куда…

Он быстро дочитал статью и бросил газету на пол.

— О Господи, красавица. Обыкновенная девушка с ногами в форме буквы Х, большим задом и маленькой грудью.

Мартин Бек поднял газету и рассеянно ее перелистывал.

— Что ты делал после обеда?

— А ты как думаешь? Ходил по домам. Допросил пятнадцать человек и чуть не свихнулся. Каждый говорит что-то другое, никто ничего толком не видит. Один начинает рассказывать, что видел в доме одноглазую кошку, другому мерещатся сразу три трупа и бомба с часовым механизмом. Никто ничего не знает.

Мартин Бек ничего не сказал. Колльберг вздохнул.

— Неплохо было бы иметь для такого дела бланки, — заявил он. — Мы бы могли сэкономить восемьдесят процентов времени.

— Гм.

Мартин Бек рылся в карманах.

Я некурящий, как тебе известно, — ехидно ухмыльнулся Колльберг.

— Через полчаса окружной начальник собирает пресс-конференцию. Хочет, чтобы мы тоже присутствовали.

— О Господи, ну и цирк предстоит! Он показал на газету и сказал:

— А что, если мы сами начнем задавать вопросы газетчикам? Тут вот один уже четыре дня утверждает, что утром преступника арестуют. А девушка выглядит попеременно то как Анита Экберг, то как Софи Лорен.

Он сел на постель, застегнул воротничок рубашки и начал обуваться.

Мартин Бек подошел к окну.

— Сейчас пойдет дождь.

— Я бы не сказал, что меня это удивит. — Колльберг зевнул.

— Ты устал?

— Я спал сегодня два часа. Лунной ночью пришлось прогуливаться в лесочке и искать того типа, который сбежал из психиатрической больницы.

— Ага, понятно.

— Ну вот. И только после того, как мы пробродили там почти семь часов, нам решили сообщить, что наши дорогие коллеги из округа Клара задержали его позавчера вечером в Стокгольме у самого королевского дворца.

Колльберг надел пиджак и положил пистолет в карман. Он быстро взглянул на Мартина Бека и покачал головой.

— Ты тоже сегодня какой-то грустный. Что-то случилось?

— Ничего особенного.

— В таком случае, вперед. Вся пресса мира ждет нас.

В кабинете, где должна была проходить пресс-конференция, уже собралось около двадцати репортеров. Кроме них, здесь присутствовали окружной начальник, советник полиции и Ларссон, а также телеоператор с двумя софитами. Ольберг отсутствовал. Окружной начальник сидел за столом и задумчиво рылся в каких-то папках. Остальные большей частью стояли. Стульев не хватало. Все одновременно разговаривали. Комната была маловата, воздух ухудшался с каждой минутой. Мартин Бек ненавидел давку и пристроился у стенки так, чтобы оказаться не среди тех, кто станет задавать вопросы, но и не с теми, кто должен будет на эти вопросы отвечать.

Прошло несколько минут, окружной начальник повернулся к советнику полиции и что-то ему сказал. Советник в свою очередь повернулся к Ларссону и произнес прекрасным суфлерским шепотом, который перекрыл шум всех разговоров в комнате:

— Черт возьми, где Ольберг?

Ларссон поднял телефонную трубку, и через сорок секунд примчался Ольберг. Глаза у него были красные, он вспотел и еще в дверях воевал с пиджаком, не успев в спешке его надеть.

Окружной начальник встал и слегка постучал по столу авторучкой. Это был долговязый красавчик, одетый с легкой претензией на элегантность.

— Господа, мне очень приятно, что на нашу импровизированную пресс-конференцию прибыло так много представителей прессы, а также других средств массовой информации, радио и телевидения.

Он слегка поклонился телеоператору, наверняка единственному из всех, кого он узнал.

— С удовлетворением могу заявить, что об этом трагическом и… я бы сказал, деликатном событии вы писали в соответствующем духе. К сожалению, имеются и исключения — погоня за сенсациями, ненужные домыслы, в то время как речь идет о таком… деликатном деле, как…

Колльберг зевнул во весь рот и даже не попытался прикрыться рукой.

— Все вы понимаете, что эта информация — надеюсь, мне не придется в дальнейшем это подчеркивать, — в высшей степени деликатная и…

С противоположной стороны переполненного кабинета Ольберг глядел на Мартина Бека голубыми глазами, полными меланхолии и понимания.

— …и именно поэтому… вопросы должны быть особо… деликатными.

Окружной начальник все говорил и говорил. Мартин Бек заглядывал через плечо репортеру, сидящему перед ним, и видел, как у того в блокноте вырастает огромная разукрашенная звезда. Телеоператор вяло висел на своем штативе.

— …а мы не будем и не хотим скрывать, что будем благодарны за любую помощь в расследовании этого… деликатного дела. Если быть кратким, мы хотим, чтобы нам подал руку помощи наш великий детектив — общественность, как выражаемся мы в полиции.

Колльберг зевал. Ольберг, казалось, вот-вот придет в отчаяние.

Мартин Бек принялся рассматривать присутствующих. Трех журналистов он знал, это были пожилые люди из Стокгольма; через минуту он узнал еще несколько человек. Большинство журналистов были людьми молодыми.

— Господа, результаты всего расследования вплоть до настоящей минуты полностью в вашем распоряжении, — заключил наконец окружной начальник и сел.

Больше ему, очевидно, сказать было нечего. На вопросы сначала отвечал Ларссон. Бóльшую часть вопросов задавали три молодых репортера, все время перебивая отвечающего и друг друга. Мартин Бек обратил внимание, что большинство журналистов сидит молча и вообще не делает никаких записей. Он подумал, что их отношение к людям,

проводящим расследование, основано на понимании и сочувствии. Фотографы зевали. В комнате из-за табачного дыма уже почти ничего не было видно.

Вопрос: Почему до сих пор не было ни одной пресс-конференции?

Ответ: Сотрудники, ведущие расследование, очень перегружены. Кроме того, публикация некоторых подробностей могла бы затруднить расследование.

Вопрос: Будет ли кто-либо арестован в ближайшее время?

Ответ: Не исключено, однако на данной стадии, к сожалению, мы не можем сказать ничего определенного.

Вопрос: Имеется ли у вас какая-нибудь версия?

Ответ: Мы можем сказать лишь то, что расследование идет точно по плану.

(После этой ошеломляющей серии полуправды комиссар уставился на окружного начальника, однако тот сосредоточенно изучал свои отполированные ногти.)

Вопрос: Некоторых из моих коллег подвергли критике. Полиция полагает, что эти коллеги умышленно или неумышленно исказили факты?

(Этот вопрос задал репортер с буйным воображением, чьи статьи произвели столь глубокое впечатление на Колльберга.)

Ответ: К сожалению, да.

Вопрос: Не произошло ли это потому, что полиция оставила нас, журналистов, без какой-либо достоверной информации? Причем сделала это нарочно, чтобы эту информацию мы добывали сами?

Ответ: Гм, гм.

(Некоторые менее болтливые репортеры начали уже проявлять признаки отвращения к происходящему.)

Вопрос: Вы идентифицировали жертву?

(Комиссар Ларссон быстро взглянул на Ольберга и предоставил право ответа ему. Потом сел и демонстративно вынул из кармана сигару.)

Ответ: Нет.

Вопрос: Можно ли предположить, что она из Муталы или окрестностей?

Ответ: Нет, вряд ли.

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому, что в этом случае мы бы наверняка смогли установить ее личность.

Вопрос: Только ли по этой причине вы полагаете, что она приезжая?

(Ольберг тупо уставился на комиссара, тот целиком был поглощен своей сигарой.)

Ответ: Да.

Вопрос: Дал ли какие-либо результаты осмотр дна озера и волнолома?

Ответ: Мы обнаружили целый ряд предметов.

Вопрос: Имеют ли эти предметы связь с преступлением?

Ответ: На это трудно ответить.

Вопрос: Сколько лет было жертве?

Ответ: Двадцать пять-тридцать.

Вопрос: Можете ли вы уточнить, сколько времени она уже была мертва, когда ее обнаружили?

Ответ: На это тоже нелегко ответить. От трех до пяти дней.

Вопрос: Вы предоставили для публикации в газетах словесный портрет. Нельзя ли получить более точный словесный портрет, более определенный?

Ответ: Он у нас имеется, пожалуйста. У нас также есть отретушированная фотография лица. Мы будем вам обязаны, если вы сможете ее опубликовать.

(Ольберг взял со стола листы бумаги и начал их раздавать. Воздух в помещении был тяжелый и влажный.)

Вопрос: На теле были какие-нибудь особые приметы?

Ответ: Насколько нам известно, нет.

Вопрос: Вы в этом уверены?

Ответ: Совершенно точно, на теле особых примет не было.

Вопрос: Обследование зубов дало что-нибудь?

Ответ: Зубы были здоровые.

(Наступила неловкая пауза. Мартин Бек заметил, что сидящий впереди него репортер пытается улучшить свою звезду.)

Вопрос: Что дал опрос жителей?

Ответ: Материалы в данный момент находятся в стадии обработки.

Вопрос: Можно ли предположить, что труп бросили в воду где-то в другом месте и к волнолому его принесло течением?

Ответ: Вряд ли.

Вопрос: Можно ли в таком случае сказать, что полиции предстоит расследовать идеальное преступление?

На этот вопрос ответил окружной начальник:

— Любое преступление вначале кажется идеальным.

На этом пресс-конференция закончилась. Когда Мартин Бек выходил из комнаты, его догнал один из пожилых репортеров, взял за рукав и спросил:

— Вы в самом деле ничего не знаете?

Мартин Бек покачал головой. В кабинете Ольберга двое сотрудников обрабатывали материалы опроса жителей.

Колльберг подошел к столу, несколько секунд глядел на протоколы опроса, потом пожал плечами.

Пришел Ольберг. Он снял пиджак и повесил его на спинку стула, потом повернулся к Мартину Беку и сказал:

— Начальник хочет с тобой поговорить. Он еще в кабинете.

Окружной начальник и советник полиции сидели за столом.

— Бек, — сказал начальник, — насколько я понимаю, в вашем пребывании здесь уже нет особой необходимости. У нас просто нет для вас работы.

— Да, вы правы.

— Кроме того, полагаю, теперь не имеет смысла проводить расследование именно здесь.

— Возможно.

— В общем, если быть кратким, я не буду вас здесь больше задерживать, тем более, что вы наверняка нужны где-нибудь в другом месте.

— Я того же мнения, — присоединился к нему советник полиции.

— Я тоже, — сказал Мартин Бек. Они обменялись рукопожатиями.

В кабинете Ольберга по-прежнему было тихо. Мартин Бек не стал нарушать эту тишину. Через несколько минут вошел Меландер. Он повесил шляпу на вешалку и с важным видом кивнул присутствующим. Потом подошел к столу, придвинул пишущую машинку Ольберга,

зарядил в нее лист бумаги и отпечатал несколько строчек. Подписался и вложил лист в один из скоросшивателей на полке.

— Есть что-нибудь? — спросил Ольберг.

— Нет, — ответил Меландер.

С момента своего появления он сохранял абсолютную невозмутимость.

— Завтра едем домой, — сказал Мартин Бек.

— Прекрасно, — прокомментировал Колльберг и зевнул.

Мартин Бек шагнул к двери, остановился и посмотрел на сидящего за письменным столом Ольберга.

— Пойдешь с нами в гостиницу? — спросил он. Ольберг вскинул голову и уставился в потолок. Потом встал и начал медленно надевать пиджак. С Меландером они попрощались в холле.

— Я уже поужинал. Спокойной ночи.

Меландер был человеком воздержанным. Кроме того, он экономил на еде и питался преимущественно сосисками и лимонадом.

Трое оставшихся расположились в ресторане.

— Мне один джин с тоником, — заказал Колльберг. — Английским!

Двое других заказали бифштекс, пиво и ржаной хлеб. Колльберг дождался своего джина с тоником и выпил его в три глотка. Мартин Бек вынул из кармана новое описание убитой и прочел его.

— Ну, так я пойду лягу, — сказал Колльберг.

— Ты не мог бы кое-что сделать для меня?

— С удовольствием, — ответил Колльберг.

— Я хочу попросить, чтобы ты сделал еще одно описание, лично для меня. Неофициальное. Описание не трупа, а человека. Подробное. Как если бы оно было прижизненным. Можешь не торопиться. Мне это не к спеху.

Колльберг помолчал минуту.

— Я понял, что тебе нужно, — наконец сказал он. — Кстати, Ольберг сегодня соврал прессе. У нее есть родимое пятно, на внутренней стороне левого бедра. Коричневое. Немного похоже на поросенка.

— Мы его не заметили, — сказал Ольберг.

— А я заметил, — кивнул Колльберг.

Перед тем как уйти, он сказал:

— Не огорчайся. Человек не может замечать все. Впрочем, я больше уже этим не занимаюсь. Забудь, что ты меня видел. Я был всего лишь призраком. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказал Ольберг.

Они ели и пили молча. Только позднее Ольберг поставил бокал и сказал:

— Ты положишь это дело под сукно? Так все и оставишь?

— Нет, — ответил Мартин Бек.

— Я тоже, — сказал Ольберг. — Ни за что.

Через полчаса они разошлись.

Придя к себе в номер, Мартин Бек обнаружил под дверью сложенный лист бумаги, развернул его и узнал аккуратный, разборчивый почерк Колльберга. Колльберга он знал хорошо, поэтому совершенно не удивился.

Он разделся, принял холодный душ и надел пижаму. Потом выставил ботинки за дверь, брюки положил под матрац, погасил верхний свет, зажег лампочку на ночном столике и лег.

Колльберг писал:

«О даме, которая тебя интересует, можно сказать следующее:

1. Рост 167 см, глаза голубые, волосы темно-каштановые. Зубы здоровые, на теле нет никаких послеоперационных шрамов или других особых примет, кроме родимого пятна на внутренней стороне левого бедра в четырех-пяти сантиметрах от промежности. Пятно коричневое, размером с десять крон, по форме напоминает поросенка. Возраст (по мнению прозектора, которое мне удалось вытащить из него по телефону) двадцать семь — двадцать восемь лет. Весила она пятьдесят шесть килограммов.

2. Телосложение такое: узкие плечи, относительно стройная талия, широкий таз и хорошо развитые ягодицы. Размеры приблизительно 82—58—94. Бедра сильные и длинные. Ноги: мускулистые икры, довольно сильные лодыжки, но не толстые. Стопы недеформированные, пальцы длинные, прямые. Мозоли отсутствуют, кожа на пятках затвердевшая, как если бы она ходила босиком, в босоножках, резиновых тапочках и т.д. Ноги очень волосатые. Постановка ног неправильная. При ходьбе наверняка сдвигала колени и выворачивала ступни наружу. Можно сказать, что она была привлекательной. Наверняка не толстая. Руки сильные. Кисти маленькие, пальцы длинные. Размер обуви 37.

3. Тело загоревшее. Видно, что загорала в открытом купальнике и в темных очках. На ногах носила босоножки.

4. Шея довольно короткая. Крупные черты лица. Большой рот, толстые губы. Брови густые, темные, прямые; ресницы более светлые, короткие. Нос прямой и короткий, достаточно широкий. На лице никаких следов косметики. Ногти на руках и ногах твердые, коротко обрезанные. Следы лака на ногтях отсутствуют.

5. В протоколе вскрытия (который ты, впрочем, уже читал) обращает на себя внимание следующее: она не рожала и абортов не делала. Убийство не сопровождалось обычным изнасилованием (следов спермы не обнаружено). Ела она за три-пять часов до смерти: мясо, картофель, клубника, молоко. Болезней или органических изменений не обнаружено. Некурящая.

Разбуди меня в шесть. Спокойной ночи».

Мартин Бек дважды прочел составленное Колльбергом описание, сложил лист бумаги и положил его на ночной столик. Погасил лампу и повернулся к стенке.

Уснул он, когда начало светать.

VI

Из Муталы они выехали рано утром, но горячий воздух уже дрожал над асфальтом. Шоссе перед ними было прямым и пустынным. Колльберг с Меландером сидели впереди, Мартин Бек устроился сзади у открытого окна и подставил лицо ветру. Перед отъездом он выпил кофе, и теперь неважно себя чувствовал.

Колльберг ведет машину скверно, рывками, подумал Картин Бек, но, по крайней мере, медленно. Меландер, сжимая в зубах трубку, без всякого выражения глядел в окно.

Минут сорок пять они проехали молча, наконец Колльберг кивнул влево, где между деревьев появилось озеро.

— Это озеро Роксен, — объявил он. — Три озера в центральной Швеции — Бурен, Роксен и Глан. Клянусь, это единственное, что я запомнил из того, что мне вбивали в голову в школе.

Остальные ничего не сказали.

В Линчёпинге они остановились у закусочной. Мартин Бек еще не хотел есть и остался в машине, а его коллеги пошли перекусить.

Завтрак поднял настроение Меландеру, и остаток пути они с Колльбергом болтали о том о сем. Мартин Бек молчал. У него не было желания разговаривать.

Когда они приехали в Стокгольм, он сразу отправился домой. Его жена сидела на балконе и загорала. Она была в одних трусиках от купальника. Услышав, что открывается входная дверь, она взяла с балконных перил бюстгальтер и встала.

— Привет, — сказала она. — Как съездил?

— Отвратительно. Где дети?

— Они поехали к воде. На велосипеде. Ты выглядишь бледным. Конечно, питался нерегулярно. Я приготовлю тебе завтрак.

— Я устал, — сказал Мартин Бек, — и не хочу завтракать.

— Но это будет быстро. Посиди пока, а я…

— Я ведь говорю, что не хочу завтракать. Пойду немного посплю. Разбуди меня через час.

Была четверть одиннадцатого.

Он пошел в спальню и закрыл за собой дверь.

Когда она разбудила его, ему показалось, что он спал несколько минут.

Было без четверти час.

— Я ведь сказал: через час.

— Ты выглядел таким уставшим. Тебе звонит старший комиссар Хаммар.

— Черт его побери.

Через час он уже сидел в кабинете шефа.

— Удалось что-нибудь выяснить?

— Нет. Мы не знаем абсолютно ничего… не знаем, кто она, не знаем, где ее убили, а тем более, кто ее убил. Знаем лишь, когда и как, но это все.

Хаммар положил руки на стол и, наморщив лоб, изучал свои ногти. Он был старше Мартина Бека на пятнадцать лет, уже немного располнел, у него были густые седые волосы и косматые брови. Это был хороший шеф, спокойный, иногда даже флегматичный; они всегда друг с другом ладили.

Комиссар Хаммар сцепил пальцы рук и посмотрел Мартина Бека.

— Поддерживай контакт с Муталой. Наверняка ты прав, у девушки отпуск, все думают, что она где-то путешествует, может быть, даже за границей. Возможно, пройдет не меньше двух недель, пока кого-то не начнет беспокоить ее отсутствие, если предположить, что у нее трехнедельный отпуск. Но рапорт я бы попросил тебя представить как можно скорее.

— Сегодня же ты его получишь.

Мартин Бек пошел к себе в кабинет, снял чехол с пишущей машинки, несколько минут полистал копии, подученные от Ольберга, и принялся печатать.

В половине шестого зазвонил телефон.

— Ты придешь домой к ужину?

— Вероятнее всего, нет.

— Неужели в мире больше нет других полицейских, кроме тебя? — начала его жена. — Почему всё должен делать только ты? Твой шеф разве не знает, что у тебя есть семья? Дети уже спрашивают, где ты.

— Ну, хорошо, может, мне удастся прийти в половине седьмого.

Через полтора часа рапорт был готов.

— Отправляйся домой и постарайся хотя бы немного выспаться, — сказал Хаммар. — Ты выглядишь уставшим.

Мартин Бек устал. Домой он приехал на такси, поел и сразу лег.

Уснул он мгновенно.

В половине второго ночи его разбудил телефон.

— Ты спал? Сожалею, что я тебя разбудил. Я только хотел тебе сказать, что уже все выяснилось. Он сам сознался.

— Кто?

— Хольм, сосед. Ее парень. Он совершенно потрясен. Ревность. Удивительная история, что скажешь?

— Чей сосед? О ком ты, собственно, говоришь?

— Как о ком? О женщине, которая жила на верхнем этаже. Я хотел тебе сказать, что теперь ты можешь спать спокойно и не ломать себе над этим голову… О Боже, я же все перепутал!

— Я слушаю.

— О черт! Да ведь ты этим не занимался. Это дело вел Стенстрём. Ради Бога, извини. До завтра.

— Хорошо, что ты мне позвонил, — сказал Мартин Бек.

Он снова лег, но уснуть не мог. Лежал на спине, смотрел в потолок и слушал, как его жена тихонько похрапывает. У него было чувство опустошенности и отчаяния.

Когда в спальню начало светить солнце, он повернулся на бок и подумал: «Завтра позвоню Ольбергу».

Утром он позвонил Ольбергу, потом звонил четыре-пять раз в неделю в течение месяца, однако им уже не о чем было говорить. Кто была та девушка, оставалось загадкой. Газеты уже перестали писать об этом преступлении, а Хаммар больше не интересовался, как идет расследование. Среди лиц, находящихся в розыске, по-прежнему не значилось никого похожего по описанию на нее. Иногда казалось, что она вообще никогда не существовала. Наверняка о ней забыли все, кроме Ольберга и Мартина Бека.

В начале августа Мартин Бек взял неделю отпуска и поехал с семьей на островок в заливе недалеко от Стокгольма. Вернувшись, занялся накопившимися текущими делами. Чувствовал он себя вялым и плохо спал.

Однажды ночью в конце августа он лежал в постели и смотрел в потолок. Поздно вечером ему позвонил Ольберг. Звонил из городской гостиницы, и по голосу казалось, что он был немного пьян. Они пару минут поговорили об убийстве, и, прежде чем повесить трубку, Ольберг сказал:

— Кто бы он ни был и где бы он ни был, мы должны его найти.

Мартин Бек встал и побрел босиком в гостиную. Он зажег настольную лампу и посмотрел на модель учебного парусника. Нужно было еще установить такелаж.

Он сел за письменный стол и вытащил папку из нижнего ящика. В ней лежало описание девушки, составленное Колльбергом, и фотоснимок, который сделал полицейский фотограф в Мутале, почти два месяца назад. Он знал описание почти наизусть, но снова медленно и внимательно прочел его. Потом разложил на столе фотографии и долго на них смотрел.

Закрыв папку и погасив свет, он сказал себе:

— Кто бы он ни был и кто бы она ни была, я должен это сделать.

VII

— Интерпол, черт бы его побрал, — сказал Колльберг.

Мартин Бек ничего не ответил. Коллъберг заглядывал ему через плечо.

— Эти идиоты к тому же еще пишут по-французски?

— Это тулузская полиция. Они кого-то ищут.

— Французская полиция, — сказал Колльберг. — Несколько лет назад я послал им через Интерпол заявление о розыске. Речь шла об одной соплячке из Юрсхольма. Три месяца они отмалчивались, а потом вдруг пришло длиннющее письмо от парижской полиции. Я, конечно, ни слова не понял и отдал его переводить, а на следующий день читаю в газете, что ее нашел один шведский турист. Нашел, еще чего. Она просто торчала в том знаменитом на весь мир ресторане, где высиживают все те шведские соплячки, которые занимаются этими делами бесплатно…

— «Le Dome».

— Точно. Так вот, сидит там эта девица с одним арабом, с которым она спит, причем торчит там каждый день уже полгода. Ну вот, а днем мне приносят перевод и я узнаю, что во Франции ее не могут найти вот уже три месяца и в настоящее время ее наверняка там нет. Д если и есть, то только мертвая. При «нормальном» исчезновении у них все выясняется максимум за две недели, в данном же случае, к сожалению, вероятнее всего произошло преступление.

Мартин Бек сложил письмо, взял его за уголок и опустил в один из ящиков.

— Что они пишут?

— Ах эти, из Тулузы? Испанская полиция нашла ее на прошлой неделе на Мальорке.

— И для этого им нужны такие печати и длинные письма?

— Да, — сказал Мартин Бек.

— Кроме того, твоя девушка наверняка шведка. Как мы с самого начала и думали. И все-таки странно…

— То, что никого не волнует ее исчезновение, откуда бы она ни была. Иногда я о ней думаю.

Колльберг постепенно сменил тон.

— Меня это выматывает, — заявил он. — Ужасно выматывает. Сколько раз ты уже узнал, что это не она?

— Если считать эту, двадцать семь раз.

— А будет еще больше.

— Конечно.

— Жаль ее, но ты не должен уделять этому так много времени.

— Да.

Хорошие советы наверняка легче давать, чем их выполнять, подумал Мартин Бек. Он встал и подошел к окну.

— Ну, а я лучше займусь своим убийцей, — вздохнул Колльберг. — Сидит, ухмыляется и обжирается. Это дело тоже любопытное. Сперва напивается, потом убивает жену и детей обухом, пытается поджечь дом и зарезать себя, а для полноты картины является в полицию, хнычет и жалуется на еду. Сегодня отправлю его к психиатру. И все-таки жизнь прекрасна, — добавил он и захлопнул за собой дверь.

Газон перед управлением полиции округа Кристинеберг начал понемногу желтеть. Небо было серым, ветер гнал по нему клочья дождевых туч. В оконное стекло хлестал ливень, с деревьев уже опали почти все листья. Было двадцать девятое сентября, решительно и неотвратимо наступала осень. Мартин Бек с отвращением посмотрел на свою наполовину выкуренную сигарету, подумав о своих слишком нежных бронхах и ужасном первом насморке холодного полугодия, которое вот-вот начнется.

— Бедняжка, кто же ты? — сказал он про себя. Он слишком хорошо знал, что надежда убывает с каждым днем. Может быть, им вообще не удастся выяснить, кто она, тем более найти виновного. Только он один может это сделать. У женщины, лежащей на клеенке на ярко освещенном солнцем волноломе, было по крайней мере лицо, а теперь у нее есть только безымянная могила. Убийцу он представлял себе как бы в тумане, без контуров и только ясно видел его руки, которые умеют душить.

Мартин Бек встряхнулся. Не забывай, что у тебя имеются три самых главных достоинства полицейского. Ты упрям, логичен и очень спокоен. Тебя нельзя вывести из равновесия, а к преступлению, которое ты расследуешь, у тебя отношение только профессиональное, каким бы это преступление ни было. Такие слова, как отвратительный, ужасный, дьявольский, относятся к лексикону газетчиков, ты не должен их употреблять. Убийцы вполне нормальные люди, только еще более несчастные и неуравновешенные.

Ольберга он не видел с того вечера, когда они сидели вдвоем в гостинице, но разговаривал с ним часто — последний раз ровно неделю назад — и еще помнил последнюю фразу:

— Отпуск… нет, пока не закончим это дело. Я уже сделал все, что мог, но буду продолжать, даже если мне придется вычерпать все озеро Бурен.

Ольберг слишком упрямый, подумал Мартин Бек.

— Черт возьми, — тихо пробормотал он и ударил себя кулаком по лбу.

Он вернулся к столу, сел, повернул кресло на четверть оборота и тупо уставился на лист бумаги в пишущей машинке, пытаясь вспомнить, что же собирался печатать в тот момент, когда явился Колльберг с сообщением из Франции.

Через шесть часов, без двух минут пять, он стоял в плаще и шляпе и со страхом думал о переполненном метро по дороге домой. Дождь все еще шел, и ему показалось, что он уже вдыхает тяжелый запах влажной одежды и его сжимает плотная масса чужих тел, усиливая в нем чувство, похожее на страх одиночества.

Без одной минуты пять пришел Стенстрём. Он ввалился внутрь, как обычно, без стука. Это было неприятно, но переносимо по сравнению с Меландером, который долбил в дверь, как дятел, или Колльбергом, который колотил в дверь так, что можно было оглохнуть.

— Есть сообщение для отдела розыска пропавших девушек. Пора бы уже послать благодарственное письмо в американское посольство. В конце концов, это твой единственный корреспондент.

Он посмотрел на розовый обрывок телетайпной ленты.

— Линкольн в Небраске. Откуда было предыдущее сообщение?

— Из Астории в штате Нью-Йорк.

— Это те, которые прислали подробное описание на трех страницах и забыли добавить, что речь идет о негритянке?

— Да, — кивнул Мартин Бек.

Стенстрём подал ему ленту и сказал:

— Тут есть телефон какого-то человека в посольстве, думаю, ты должен ему позвонить.

Радуясь, что появился предлог оттянуть мучения в метро, Мартин Бек вернулся к столу, но было поздно. У сотрудников посольства рабочий день уже закончился.

На следующий день, в среду, погода была еще хуже, чем накануне. С утренней почтой пришло запоздалое объявление о розыске двадцатипятилетней домработницы из никому не известного городка Ренг, очевидно, где-то на юге, в Сконе. Она не вернулась из отпуска.

До обеда одну копию описания Колльберга и отретушированные фотоснимки отослали советнику полиции в Веллинге, другую копию и фотографии отправили по адресу: Детектив-лейтенант Элмер Б. Кафка, Отдел расследования убийств, Линкольн, Небраска, США.

После обеда Мартин Бек почувствовал, что у него начинают опухать миндалины. Когда он пришел вечером домой, ему уже было больно глотать.

— Завтра уголовной полиции придется обойтись без тебя, я займусь тобой, — заявила его жена.

Он открыл рот, чтобы ей ответить, однако посмотрел на детей и промолчал.

С безошибочным инстинктом она начала укреплять свою победу.

— У тебя совершенно заложен нос… ты дышишь, как рыба, выброшенная на берег.

Бек коротко поблагодарил за ужин и занялся своими такелажными проблемами, работой, которая всегда его успокаивала. Он работал не торопясь и систематически, в голову не приходили никакие посторонние мысли. До него доносился звук телевизора из соседней комнаты, но Бек совершенно не обращал на него внимания. Через некоторое время в дверях появилась дочь, вид у нее был кислый, а на подбородке размазалась жевательная резинка.

— Тебе кто-то звонит. И как назло как раз посреди Перри Мейсона.[4]

Черт, надо будет переставить телефон куда-нибудь в другое место.

Черт, надо будет немного заняться воспитанием своих детей.

Черт, а что вообще можно сказать двенадцатилетней девочке, которой нравятся «Битлз» и у которой уже заметны груди?

Он побрел в гостиную с таким видом, словно просил прощения за то, что вообще родился, и там глупо уставился на мужественное лицо великого защитника закона и правосудия, которое занимало весь экран, потом вынес телефон как можно дальше, в прихожую.

Добрый вечер, — поздоровался Ольберг. — Послушай, мне, кажется, пришла в голову одна идея.

— Я слушаю.

— Помнишь, мы с тобой говорили об экскурсионных судах? Ну, тех, что летом проплывают здесь в половине первого дня и в четыре часа?

— Да.

— Я пытался на прошлой неделе опросить экипажи всех грузовых судов и частных яхт, но для этого у нас не хватает возможностей. А час назад один наш парень из патрульной службы сказал мне, что как-то летом он видел, как какой-то экскурсионный пароход проплывал мимо могилы Платена в западном направлении примерно после полуночи. Когда это было, он забыл, и вспомнил об этом только сейчас, когда я начал всех расспрашивать. Он несколько раз дежурил ночью в тех местах. Мне кажется это маловероятным, но он клянется, что не ошибается. Через день он уехал в отпуск и совершенно забыл об этом.

— Он узнал пароход?

— Нет, но ты послушай. Я звонил в Гётеборг и разговаривал кое с кем из судовой компании. Один из них сказал мне, что это может быть правдой, судно называлось «Диана», он дал мне адрес капитана.

Наступила пауза. Слышно было, как Ольберг чиркает спичкой.

— С капитаном я уже поговорил. Он сказал, что помнит эту историю даже слишком хорошо, хотя предпочел бы о ней забыть. Вначале им пришлось ждать почти три часа в Хевринге из-за тумана, потом у них лопнул какой-то паропровод в моторе…

— В машине.

— Не понял.

— В машине, а не в моторе.

— Ага. Так вот, им пришлось торчать восемь часов в Сёдерчёпинге, пока его не исправили. Это значит, что у них было около двенадцати часов опоздания, и по озеру Бурен они проходили уже после полуночи. Они не причаливали ни в Мутале, ни в Вадстене, а пошли прямо в Гётеборг.

— Когда это произошло? Какого числа?

— Капитан говорит, что это был второй рейс после дня Святого Яна, другими словами, это произошло в ночь с четвертого на пятое.

Последующие десять секунд оба молчали. Потом Ольберг продолжил:

— Четыре дня, прежде чем мы ее нашли. Я еще раз позвонил в судовую компанию и проверил, совпадает ли время. Они спросили, что меня интересует, и я попросил проверить, все ли туристы доехали до Гётеборга в целости и сохранности. А что, спросили они, разве кто-то туда не доехал? Пришлось мне сказать, что я не знаю. Они наверняка решили, что у меня с головой не в порядке.

С минуту опять было тихо.

— Как ты думаешь, это может иметь какое-нибудь значение? — наконец спросил Ольберг.

— Не знаю, — ответил Мартин Бек. — Возможно. В любом случае ты поработал прекрасно.

— Если все туристы добрались до Гётеборга в полном порядке, нам это ничего не дает.

В его голосе звучала удивительная смесь разочарования и скромного триумфа.

— Мы должны все это подробно проверить, — добавил Ольберг.

— Естественно.

— Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Я тебе позвоню.

Мартин Бек пару минут сидел, положив руку на телефон, потом наморщил лоб и, как лунатик, пошел обратно через гостиную. Тихо закрыл за собой дверь, сел перед моделью парусника, протянул к нему руку, но тут же ее опустил.

Так же сидел он и часом позже, когда пришла жена и отправила его в постель.

VIII

— Не стану утверждать, что ты выглядишь слишком здоровым, — сказал Колльберг.

Мартин Бек чувствовал себя как угодно, но только не здоровым. У него был насморк, горло и уши болели, в бронхах хрипело. Простуда развивалась точно по плану, и сейчас наступила самая неприятная стадия. Несмотря на это, он решил упорно сопротивляться простуде и удрать от домашней битвы, а поэтому провести весь день в кабинете. Во-первых, он не избежал бы утомительной заботы о себе, если бы остался лежать дома. Когда у его жены начали подрастать дети, она со всей имеющейся у нее энергией вжилась в роль домашней медсестры, и его регулярная простуда была для нее событием, с которым могли сравниться день рождения или большие праздники.

Кроме того, по какой-то загадочной причине ему было тягостно оставаться дома.

— Зачем ты явился, если тебе плохо?

— Я в полном порядке.

— Перестань слишком переживать из-за этой истории. Можно подумать, у нас это первое дело, когда расследование зашло в тупик. И к тому же не последнее, причем тебе это известно не хуже меня. От этого мы не станем ни лучше, ни хуже. Просто твой жизненный идеал — быть первоклассным полицейским.

— Я вовсе не переживаю.

— Не думай над этим столько, потому что можешь создать угрозу своим моральным устоям.

— Как это?

— Точно… дай только человеку время, так он способен додуматься до такого, что просто страх берет. Задумчивость — мать безысходности, — пояснил Колльберг и ушел.

Это был безрадостный и пустой день, полный чихания, сморкания и будничной работы. Дважды Бек звонил в Муталу, главным образом, чтобы подбодрить Ольберга, который при дневном свете сообразил, что его открытие не будет ничего стоить, если не удастся каким-то образом связать его с трупом у шлюзовой камеры.

— Человек склонен несколько переоценивать события, когда надирается, как свинья, а потом оказывается, что все это ни к чему. — Ольберг говорил это всхлипывая, кающимся тоном. Он был готов заплакать.

Исчезнувшая девушка из Ренга до сих пор не нашлась. Бека это не интересовало, потому что рост девушки составлял 155 см, у нее были крашеные волосы и прическа а ля Брижит Бардо.

В пять часов он сел в такси и поехал домой, но вышел у станции метро и остаток пути прошел пешком, чтобы избежать изнуряющего разговора о деньгах, который, несомненно, ожидал бы его, если бы жена увидела, что он приехал домой на такси.

Есть он ничего не мог, но вылил в себя чашку отвара ромашки. Для того, чтобы ко всему прочему еще и желудок разболелся, подумал Мартин Бек. Он прилег и сразу уснул.

Утром ему было немного лучше, он со стоицизмом выпил чашку кипятка с медом и съел один сухарик. Спор о состоянии его здоровья и несоразмерных требованиях государственного аппарата к своим сотрудникам затянулся, и когда он наконец добрался до управления округа Кристинеберг, было уже четверть одиннадцатого.

На его письменном столе лежала телеграмма.

Через минуту Мартин Бек впервые за восемь лет службы вошел в кабинет своего шефа без стука, несмотря на то, что над дверью горел красный свет.

Вездесущий Колльберг полусидел на краю стола и изучал план какой-то квартиры. Хаммар, как всегда, сидел в своем кресле, подперев подбородок рукой. Оба недовольно уставились на вошедшего.

— Я получил телеграмму от Кафки.

— Веселенькое начало трудового дня, — сказал Колльберг.

— Но у него такая фамилия. Это полицейский из Линкольна, города в Америке. Он опознал ту девушку из Муталы.

— Он что, сумел сообщить обо всем в телеграмме? — спросил Хаммар.

— По-моему, да.

Он положил телеграмму на стол. Все трое прочли текст на английском языке:

СОВЕРШЕННО ТОЧНО. ЭТО НАША ДЕВУШКА. РОЗАННА МАКГРОУ, 27. БИБЛИОТЕКАРЬ. ОБМЕН ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНФОРМАЦИЕЙ НЕОБХОДИМ КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ.

КАФКА, ОТДЕЛ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ

— Розанна Макгроу, — сказал Хаммар. — Библиотекарь. Этого мы не ожидали.

— А у меня была версия, — сказал Колльберг, — что она из Мьёльбю. Кстати, где он находится, этот Линкольн?

— В Небраске, где-то в центральной части США, — ответил Мартин Бек. — Во всяком случае, мне так кажется.

Хаммар еще раз прочел телеграмму.

— Что ж, займемся этим делом снова. По крайней мере, уже что-то есть. Но как, черт возьми, она попала в Муталу?

Он вернул телеграмму Мартину Беку.

Дополнительная информация придет по почте, а эта мало о чем нам говорит.

— Она говорит нам об очень многом, — сказал Колльберг. — Мы ведь тоже кое на что способны.

— Да, — спокойно подтвердил Хаммар, — но нам с тобой вначале нужно закончить это дело.

Мартин Бек вернулся к себе в кабинет, сел за стол и начал растирать лоб кончиками пальцев. Чувство триумфа, охватившее его, незаметно исчезло. Три месяца ему потребовалось для того, чтобы узнать то, что в девяноста девяти случаях из ста без всяких усилий становится известным с самого начала.

Посольство и начальство подождут. Он придвинул телефон и набрал номер в Мутале.

— Слушаю, — сказал Ольберг.

— Мы выяснили ее личность.

— Это точно?

— Похоже на то.

Ольберг ничего не сказал.

— Это американка. Из какого-то города Линкольн в штате Небраска. Хочешь записать?

— Да, пожалуйста.

— Ее звали Розанна Макгроу. Диктую по буквам: РУДОЛЬФ-ОЛАФ-СИГУРД-ЭРИК-АДАМ-НОРБЕРТ-НОРБЕРТ-АДАМ, следующее слово — большое МАРТИН-СЕСИЛ — большое ГУСТАВ-РУДОЛЬФ-АДАМ-ВИЛЬГЕЛЬМ. Записал?[5]

— Да, вроде.

— Ей было двадцать семь, она работала библиотекарем. Пока что мне больше ничего не известно.

— Как тебе удалось это узнать?

— Обычная ежедневная работа. Ее наконец-то начали разыскивать. Не через Интерпол, а через посольство.

— Пароход! — воскликнул Ольберг.

— Что?

— Пароход! Если здесь оказалась американская туристка, она должна была приплыть на пароходе. Возможно, не обязательно на том, моем пароходе, но наверняка на каком-то пароходе. Такие туристки у нас бывают.

— Мы не знаем, была ли она здесь в качестве туристки.

— Да, ты прав. Я сразу же этим займусь. Если она здесь кого-нибудь знала или жила в городе, я выясню это за двадцать четыре часа.

— Хорошо. Я позвоню тебе, как только узнаю что-то новое.

Мартин Бек закончил разговор тем, что чихнул в ухо Ольбергу. Он собрался попросить прощения, но на другом конце уже было тихо.

Несмотря на то, что голова болела по-прежнему и в ушах шумело, ему уже давно не было так хорошо, как сейчас. Он чувствовал себя как бегун за секунду до старта. Его волновало лишь то, что убийца стартовал раньше и получал фору в три месяца, а сам он не знал, в каком направлении бежать.

Где-то в глубине его мозга полицейского за этими мыслями о вероятных шансах и неизвестных величинах уже начал складываться план действий на ближайшие двое суток. Он знал, что теперь результаты наверняка будут, был уверен в этом так же, как в том, что в песочных часах пересыпается песок.

Три месяца он думал только об этом, о той минуте, когда наконец-то сможет начать расследование. До этой минуты он словно в кромешной тьме барахтался в болоте и вот теперь почувствовал под ногами первую надежную кочку. А следующая должна быть недалеко.

Он не рассчитывал на какие-либо быстрые результаты. Если бы Ольберг выяснил, что женщина из Линкольна работала в Мутале или жила у знакомых в городе, или еще где-то там ее видели, это удивило бы его больше, чем если бы убийца вошел к нему в кабинет и сам во всем сознался.

С другой стороны, он ждал многого от дополнительной информации из Америки, хотя понимал, что нужно набраться терпения. Он думал о всех тех разнообразных сведениях, которые должен будет постепенно получить от детектива из Америки, а также об Ольберге, который с таким упрямством придерживается почти бессмысленной версии, что женщина путешествовала на каком-то пароходе. Логичнее всего, конечно же, предположить, что труп кто-то привез к воде на автомобиле. Люди относятся к автомобилю как к новому божеству, которое способно выполнять любую работу, даже тайную перевозку трупов.

Бек начал думать о детективе-лейтенанте Кафке, о том, как он выглядит, и о том, похож ли полицейский участок, где он работает, на те, что всегда показывают по телевизору. Думал о том, который час нынче в Линкольне, и о том, где жила эта женщина, о том, что ее квартира закрыта, там тихо и на мебель надеты белые чехлы, а воздух, возможно, тяжелый, спертый, полный мелкой, неподвижной пыли.

Он вдруг понял, как мало знает о географии Северной Америки: совсем не знает, где находится Линкольн, а название Небраска ему говорило не больше, чем многие другие названия.

После обеда он зашел в библиотеку и посмотрел на карту мира. Линкольн он нашел быстро, город действительно находился в центре США и, вероятно, был довольно большой, но Мартин Бек не смог найти ни одной книги со статистическими данными о городах Северной Америки. С помощью карманного календарика он рассчитал разницу во времени и у него получилось, что она составляет семь часов. Сейчас была половина третьего, у линкольнского полицейского, стало быть, половина восьмого утра; мистер Кафка, вероятно, еще лежит в постели и читает утреннюю газету.

Стоя у настенной карты, от ткнул пальцем в черный кружок размером с булавочную головку в юго-восточном углу штата Небраска, почти на сотом градусе западной долготы от гринвичского меридиана и прошептал:

— Розанна Макгроу.

Он повторил это имя еще несколько раз, чтобы все время его помнить.

Когда он вернулся к себе в кабинет, Коллберг сидел на стуле и соединял скрепки в одну бесконечную цепочку.

Они не успели обменяться ни словом, как зазвонил телефон. Это была телефонистка.

— Центральная сообщает, что через полчаса с вами будут разговаривать из Соединенных Штатов. Вы будете на месте?

Оказывается, детектив-лейтенант Кафка сейчас не лежит в постели и не читает газету. Еще один преждевременный вывод.

— Из самой Америки, черт возьми, — сказал Коллберг.

Их соединили через сорок пять минут. Сначала раздавался лишь невнятный гул и шум, было слышно, как одновременно говорят сразу несколько телефонисток, и неожиданно пробился голос, удивительно громкий и четкий.

— Говорит Кафка. Это вы, мистер Бек?

— Да.

— Вы получили мою телеграмму?

— Да, спасибо.

— Вы все в ней поняли?

— Вы уверены, что это именно та женщина?

— У тебя произношение, как у настоящего американца, — подпустил шпильку Колльберг, слушая, как Мартин Бек говорит по-английски.

— Да, сэр, это Розанна, можете не сомневаться. Я установил ее личность меньше чем за час — благодаря вашему блестящему описанию. Я даже проверил это дважды. Дал описание ее подруге и бывшему парню Розанны, с которым она встречалась в Омахе. Они оба абсолютно уверены. Кстати, я послал вам по почте фотографии и кое-какие документы.

— Когда она уехала из дома?

— В начале мая. Хотела провести два месяца в Европе. Это было ее первое путешествие за границу. Насколько мне известно, она путешествовала одна.

— Вам известно что-нибудь о ее планах?

— Почти ничего. Об этом у нас не знает никто, но я могу дать вам одну зацепку. Она прислала своей подруге почтовую открытку из Норвегии, где написала, что собирается провести одну неделю в Швеции, а затем поедет в Копенгаген.

— В открытке было еще что-нибудь?

— Да, она что-то упоминала о путешествии на шведском пароходе. Какой-то круиз по озерам через всю страну или что-то вроде этого, точнее сказать нельзя.

Мартид Бек задержал дыхание.

— Мистер Бек, вы меня слушаете?

— Да.

Связь начала резко ухудшаться.

— Я понял, что она убита, — кричал Кафка. — Вы взяли преступника?

— Пока еще нет.

— Я вас не слышу.

— Надеюсь, вскоре мы его найдем, но пока еще нет, — сказал Мартин Бек.

— Вы застрелили его?

— Что?.. Нет, нет, не застрелили…

— О'кей, я вас слышу, вы застрелили этого подонка, — кричал человек с противоположного берега Атлантики. — Отлично. Я сообщу об этом в наши газеты.

— Вы меня не поняли, — в отчаянии простонал Мартин Бек.

Слабым шепотом донеслись до него сквозь шум эфира последние слова Кафки:

— О'кей, я вас прекрасно понял. Ваше имя я обязательно сообщу в газеты тоже. Я вам позвоню. Всего хорошего, Мартин.

Мартин Бек положил трубку. Весь разговор он провел стоя. На лбу у него выступил пот. Мартин Бек застонал.

— Слушай, чего это ты так раскричался? — спросил Колльберг. — Ты что, думаешь, это мегафон и тебя отсюда слышно в Небраске?

— В конце разговора была очень плохая связь. Он думает, что я застрелил убийцу. Собирается сообщить об этом в газеты.

— Сенсация! Завтра ты станешь там героем дня. Послезавтра тебя изберут почетным гражданином, а к Рождеству пришлют ключ от города. Позолоченный. Гангстеру Мартину, мстителю из панельной многоэтажки. Ребята умрут со смеху.

Мартин Бек сморкался и вытирал лоб.

— Ну, так что же он еще сказал, этот твой шериф? Или он только хвалил тебя, восхищался, какой ты молодец?

— Скорее, он хвалил тебя за описание. Сказал, что оно блестящее.

— Он уверен, что это именно она?

— Да, он проверил это у ее подруги и какого-то молодого человека, с которым она была обручена или что-то в этом роде.

— Ну что же дальше?

— Она уехала из дому в начале мая. В Европе должна была провести два месяца. За границу поехала впервые. Путешествовала одна. Из Норвегии прислала открытку подруге, писала, что побудет примерно неделю в Швеции, а потом поедет в Копенгаген. Сказал, что высылает нам ее фото и какие-то материалы.

— Всё?

Мартин Бек подошел к окну и посмотрел во двор. Он грыз ноготь.

— В открытке она также написала, что собирается совершить экскурсионную поездку на пароходе по шведским озерам.

Он повернулся и посмотрел на своего коллегу. Колльберг уже не улыбался, а насмешливый огонек в его глазах погас. Через минуту он очень медленно сказал:

— Так значит, она приехала на пароходе. Наш общий приятель из Муталы оказался прав.

— Похоже на то, — сказал Мартин Бек.

IX

Выйдя в Шлюссене[6] из станции метро на свежий воздух, Мартин Бек сделал глубокий вдох. Он, как всегда, плохо себя чувствовал после поездки в переполненном вагоне.

Воздух был чистый, небо ясное, с моря дул свежий ветерок. Мартин Бек перешел на противоположную сторону улицы и купил пачку сигарет. По пути к старому порту он остановился, закурил сигарету и облокотился на перила. У городской набережной стоял на якоре крейсер под английским флагом. Название он с такого расстояния прочесть не смог, но догадывался, что это «Девония». Стая чаек с криком дралась из-за каких-то кухонных объедков в воде. Он немного постоял, глядя на корабль, и пошел дальше по набережной.

На штабеле досок сидело несколько мужчин. Вид у них был хмурый. Один попытался дрожащими пальцами вставить сигарету в деревянный мундштук, но ему это не удалось, на помощь пришел сосед, у которого руки тряслись не так сильно. Мартин Бек посмотрел на часы. Без пяти девять. Ребятам нужно опохмелиться, подумал он, иначе они не ждали бы с таким нетерпением открытия магазина, чтобы принять свою порцию.

Он прошел мимо судна «Бора-2», которое загружалось у причала, и остановился на тротуаре напротив управления судовой компании. По улице двигалась бесконечная вереница автомобилей, так что перейти на противоположную сторону ему удалось только через несколько секунд.

Списка пассажиров, находившихся на пароходе «Диана» третьего июля, в управлении судовой компании не было. Очевидно, он в Гётеборге, его пришлют сюда как можно скорее. Список судовой команды и обслуживающего персонала он все же получил. Уходя, взял

несколько туристических брошюрок, которые читал по дороге в управление округа Кристинеберг.

На диванчике для посетителей уже сидел Меландер.

— Мое почтение, — поздоровался Мартин Бек.

— Доброе утро, — сказал Меландер.

— Ну и вонь от этой твоей трубки. Рад тебя видеть, хотя ты и отравил весь воздух. У тебя какое-нибудь дело?

— Если куришь трубку, меньше вероятность заболеть раком. Кстати, я слышал, что твои любимые сигареты «Флорида» в этом отношении самые опасные из всех. А здесь я нахожусь по службе.

— Проверь в агентстве «Американ Экспресс» почту, чеки, квитанции телефонных переговоров, в общем, все, что они тебе дадут, ты лучше меня знаешь, что нужно делать.

— Это точно. Как звали ту даму? Мартин Бек написал на листочке бумаги «Розанна Макгроу» и подвинул листок по столу к Меландеру.

— Похоже на воронье карканье, — заявил Меландер. — А как, собственно, это надо произносить по-английски? Гру?

После его ухода Мартин Бек открыл окно. Воздух был холодный, ветер раскачивал вершины деревьев и гнал по земле опавшие листья. Через минуту он закрыл окно, повесил пиджак на спинку стула и сел.

Придвинув к себе телефон, набрал номер центрального управления паспортов и виз. Если она проживала в гостинице, ее должны были там зарегистрировать. Ее должны были зарегистрировать в любом случае. Ему пришлось долго ждать, прежде чем там подняли трубку, а потом еще десять минут, пока вернется сотрудница. Карточку она нашла. Розанна Макгроу проживала в гостинице на Брункебергсторг с тридцатого июня по второе июля.

— Пришлите мне фотокопию, — распорядился Мартин Бек.

Не кладя трубку, он нажал на рычажок телефона, в трубке звякнуло и связь прервалась. Потом вызвал такси и надел пиджак. Положил в карман отретушированное фото Розанны Макгроу и вышел из кабинета. Через десять минут он приехал на Брункебергсторг, расплатился и вошел через стеклянную дверь в вестибюль гостиницы.

У стойки толпились шесть джентльменов. На лацканах у них были таблички с фамилиями, говорили они, перебивая друг друга. Вид у портье был несчастный, он с извинениями разводил руками. Спор, казалось, затягивается, и Мартин Бек уселся в кресло.

Он дождался, пока портье не удалось убедить неизвестно в чем джентльменов и вся группа исчезла в лифте, затем встал и подошел к стойке.

Портье со стоическим спокойствием перелистывал книгу гостей, пока не нашел имя, в самом низу соответствующей страницы. Он развернул книгу, чтобы Мартину Беку было удобнее смотреть. Она сделала запись красивым, четким почерком. Место рождения: ДЕНВЕР, КОЛОРАДО, США. Местожительство: ЛИНКОЛЬН, НЕБРАСКА. Откуда прибыли: НЕБРАСКА, США.

Мартин Бек просмотрел список всех гостей, которые зарегистрировались тридцатого июня. Выше Розанны Макгроу были имена восьми американцев. Все, кроме двух первых, указали, что прибыли из разных городов США. Первым в списке было имя Филлис, фамилия оказалась неразборчивой. Она указала, что приехала из Нордкапа, Швеция. Второй гость указал в соответствующей графе: Нордкап, Норвегия.

— Это была какая-то экскурсия? — спросил Мартин Бек.

— Секундочку, — сказал портье и задумался. — Нет, не помню, хотя это вполне возможно. Время от времени у нас останавливаются американские туристические группы. Они приезжают поездом из Нарвика.

Мартин Бек показал ему фото, но портье отрицательно покачал головой.

— К сожалению, у нас так много гостей…

Ее никто не опознал, но, тем не менее, визит в гостиницу был полезным. По крайней мере, теперь он знает, где она проживала, видел ее имя в книге гостей, а также видел ее номер. Второго июля она уехала из гостиницы.

— А потом? Куда она поехала потом? — спрашивал он себя.

У него ломило в висках, першило в горле. Интересно, подумал он, какая у меня сейчас температура?

Она могла поехать на экскурсионный пароход, могла отправиться туда еще тем же вечером, до отплытия парохода из Стокгольма. В брошюрке, взятой им в судовой компании, он прочел, что последнюю ночь перед отплытием можно провести на судне. В нем крепла уверенность, что она была на «Диане», хотя пока что это ничем не подтверждалось.

Куда запропастился Меландер, подумал он и потянулся к телефону, но в тот момент, когда он уже собирался набрать номер, раздался короткий размеренный стук в дверь.

Мелапдер остановился на пороге.

— Ничего, — сказал он. — Ни в «Американ Экспресс», ни в других агентствах. Она никуда не обращалась. Если ты не имеешь ничего против, я пойду поем.

Не услышав возражений, Меландер исчез.

Мартин Бек позвонил в Муталу, но Ольберга не было в кабинете.

Голова с каждой минутой болела все сильнее. Он поискал порошки от головной боли, встал и пошел попросить что-нибудь у Колльберга. В дверях на него напал приступ сухого кашля, и он долго не мог выдавить из себя ни слова.

Колльберг наклонил голову в сторону и окинул его заботливым взглядом.

— Ты кашляешь хуже, чем восемнадцать дам с камелиями. Иди ко мне, господин доктор тебя посмотрит.

Он посмотрел на Бека сквозь филателистическую лупу.

— Если не будешь выполнять советы господина доктора, долго не протянешь. Тебе нужно немедленно лечь. А перед этим выпей несколько добрых стаканчиков грога. Лучше всего три. Грог — единственное, что тебе поможет. Ты сладко уснешь и проснешься свеженьким, как рыбка.

— Я не люблю ром, — сказал Мартин Бек.

— Ну так приготовь грог из коньяка. А насчет Кафки не волнуйся. Если он позвонит, я о нем позабочусь. Английским я владею почти в совершенстве.

— Он наверняка не позвонит. У тебя есть что-нибудь от головной боли?

— Нет, но я могу предложить тебе шоколадную конфетку с ромом.

Мартин Бек вернулся к себе в кабинет. Воздух в помещении был плотный и неподвижный, но он не хотел напускать холод и предпочел не проветривать.

Когда через полчаса он позвонил Ольбергу, тот еще не вернулся. Он положил перед собой список экипажа «Дианы». Здесь было восемнадцать фамилий и адресов, рассеянных по всей стране. Шестеро из Стокгольма, у двоих адреса отсутствовали. Двое из Муталы.

В половине четвертого он решил воспользоваться советами Колльберга. Убрал документы со стола, надел плащ и шляпу.

По пути домой он зашел в аптеку и купил пачку порошков от головной боли, дома в кладовке нашел остаток коньяка, вылил его в бульонную чашку и отнес в спальню. Когда через минуту пришла жена с электрокамином, он уже спал.

Проснулся он рано, но остался лежать почти до восьми. Потом встал и оделся. Ему было намного лучше, от головной боли не осталось и следа.

Ровно в девять он открыл дверь своего кабинета. На письменном столе лежал конверт с красной наклейкой «ЭКСПРЕСС». Не раздеваясь, он раскрыл конверт.

Внутри был список пассажиров.

Её фамилию он увидел сразу.

Макгроу Р., мисс, США: одноместная каюта А7.

X

— Я знал, что прав, — заявил Ольберг. — Мне что-то подсказывало это. Сколько пассажиров там было?

— Судя по списку, шестьдесят восемь, — сказал Мартин Бек и написал это число шариковой авторучкой на листе бумаги, который лежал перед ним.

— Адреса есть?

— Нет, только страны. Надо будет проделать огромную работу, чтобы всех их разыскать. Естественно, некоторых можно сразу исключить. Например, детей и старушек. Кроме того, мы должны допросить экипаж и обслуживающий персонал. Это еще восемнадцать человек, но у этих, по крайней мере, есть адреса.

— Ты говорил, что, по словам Кафки, она путешествовала одна. А ты сам как думаешь?

— Ничто не свидетельствует о том, что это не так. В каюте она была одна. Судя по плану судна, каюта находится на корме, между палубами.

— Признаюсь, мне это мало о чем говорит, — ответил Ольберг. — Я вижу эти пароходы каждое лето несколько раз в неделю, но фактически не знаю, как они, собственно, устроены. Я ни разу в жизни не был ни на одном из них. Но выглядят все три одинаково.

— Они, естественно, не совсем одинаковые. Думаю, что «Диану» нужно будет осмотреть. Я выясню, где она сейчас находится, — сказал Мартин Бек.

Он сообщил Ольбергу о своем визите в гостиницу, дал адреса рулевого и механика, которые жили в Мутале, и пообещал позвонить, как только узнает, где находится «Диана».

И только после разговора с Ольбергом он, взяв список пассажиров, отправился к шефу.

Хаммар поздравил его с первым результатом и выразил пожелание, чтобы как можно скорее он поехал осмотреть судно. Колльберг и Меландер тем временем займутся списком пассажиров.

Меландер не пришел в восторг, узнав, что ему придется добывать адреса шестидесяти семи неизвестных людей со всего мира. Он сидел в кабинете Мартина Бека, держал в руке копию списка и подсчитывал:

— Пятнадцать шведов, в том числе пять Андерсонов, три Юхансона и три Петерсена. Это выглядит многообещающе. Двадцать один американец. Теперь уже без «один». Двенадцать немцев, четыре датчанина, четыре англичанина, один шотландец, два француза, два южноафриканца (тут придется бить в тамтамы), пять голландцев и два турка.

Он вытряхнул трубку в корзинку для мусора и сунул бумагу в карман.

— Турки. На Гёта-канале, — пробормотал он и исчез за дверью. Мартин Бек позвонил в судовую компанию. «Диана» зимовала в Бохусе, на реке Гёта-Эльв, примерно в двадцати километрах от Гётеборга. Они пришлют туда кого-нибудь из гётеборгского управления, чтобы ему показали судно.

Он позвонил Ольбергу и сказал ему, что приедет в Муталу дневным поездом.

Выехать договорились на следующий день в семь, чобы быть в Бохусе около десяти.

На этот раз Мартин Бек возвращался домой не в час пик, и вагон метро был полупустым.

Его жена уже начала понимать, каким тяжелым камнем лежит у него на сердце это дело, и протестовала не так решительно, как раньше, когда он сказал, что должен уехать. Чемодан она собрала в гробовой тишине, но Мартин Бек делал вид, будто вовсе не замечает ее раздражения. Он рассеянно поцеловал ее в щеку и ушел из дому почти за час до отправления поезда.

— Я не хотел заказывать тебе номер в гостинице, — сказал Ольберг, который ждал его на вокзале с машиной. — У нас дома хорошая кушетка, ты на ней прекрасно выспишься.

Вечером они долго разговаривали и потому, когда утром зазвонил будильник, совершенно не выспались. Ольберг позвонил в Гётеборг, в технический отдел криминальной полиции, и им пообещали прислать в Бохус двух человек. Они спустились к автомобилю.

Было холодное, серое утро; они успели проехать всего несколько метров, как начался моросящий дождь.

— Ты допросил рулевого и механика? — спросил Мартин Бек, когда они уже выехали за город.

— Только механика, — ответил Ольберг. — Ужасный тип, из него нужно было вытягивать каждое слово. С пассажирами он совершенно не общался. Ничего, что могло бы иметь отношение к убийству, не видел и не слышал. Кроме того, именно в том рейсе у него было полно работы, потому что что-то случилось с мотором… то есть с машиной, извини. Он начал злиться сразу, едва лишь я упомянул о том рейсе. Однако сказал, что у него было два помощника, и, насколько ему известно, сейчас они на каком-то грузовом судне, которое плавает в немецкие и английские порты. Они перешли туда сразу же после последнего рейса «Дианы» в конце лета.

— Гм, — пробормотал Мартин Бек, — их мы быстро найдем. Надо справиться в судовых компаниях.

Дождь все усиливался, и когда они доехали до Бохуса, переднее стекло заливал сплошной водяной поток. Из-за сильного дождя они не могли как следует рассмотреть город, но он смахивал на обычную провинциальную дыру с несколькими заводиками и домами вдоль реки. Им удалось съехать к воде, но пришлось тащиться почти шагом, прежде чем, наконец, показались суда, которые производили впечатление брошенных и пугающих. Лишь подъехав поближе, почти вплотную, удалось прочесть названия, написанные большими черными буквами под капитанским мостиком.

Они остались сидеть в машине, надеясь увидеть кого-нибудь из судовой компании. Нигде не было ни души, но невдалеке стоял какой-то автомобиль. Подъехав к нему, они увидели, что за рулем сидит мужчина и смотрит в том направлении, откуда они приехали.

Мужчина за рулем что-то кричал, открыв окошко. Сквозь шум дождя они услышали свои имена. Мартин Бек кивнул и приоткрыл окно.

Мужчина представился и предложил, не обращая внимания на дождь, сразу же отправиться на судно.

Это был маленький, толстенький человечек, и когда он впереди них семенил к «Диане», казалось, словно он перекатывается. С заметными трудностями ему удалось перелезть через ограждение и укрыться под капитанским мостиком, где он ждал Мартина Бека и Ольберга, лезущих за ним через перила.

Мужчина открыл дверь по правому борту и все оказались в каком-то гардеробе. В противоположной стене была точно такая же дверь, ведущая на прогулочную палубу, а между дверями висело большое зеркало. Прямо перед зеркалом находился крутой трап вниз на нижнюю палубу. Они сошли вниз, а потом еще ниже по второму трапу. Там были четыре

большие каюты и салон с плюшевыми диванами у стен. Мужчина продемонстрировал им, как можно отделить друг от друга диваны с помощью занавесок.

— Когда у нас есть пассажиры без кают — мы называем их палубными, — обычно они спят здесь, — объяснил он.

Они вернулись по трапу на палубу, где находились каюты для пассажиров и экипажа, туалеты и ванные. Столовая располагалась в межпалубном пространстве. Там было шесть круглых столов, у каждого стола по шесть стульев, у задней стенки буфетная стойка и маленькая подсобка с лифтом на кухню, расположенную ниже. С другой стороны гардероба была читальня и библиотека с большими окнами и видом на носовую часть.

Когда они вышли на прогулочную палубу и перебрались на корму, дождь уже почти кончился. Справа были три двери, первая — в подсобку, две другие — в каюты. С кормы крутой трап вел на самую верхнюю палубу и капитанский мостик. У трапа была каюта Розанны Макгроу.

Дверь каюты выходила прямо на корму. Мужчина открыл ее; Мартин Бек с Ольбергом вошли внутрь. Каюта была крошечная, наверняка не больше чем три метра на полтора, без иллюминатора. Спинку койки можно было поднять и использовать в качестве дополнительной, верхней койки. Кроме койки, в каюте был еще туалетный столик со столешницей из красного дерева над умывальником. Над столиком на стене висело зеркало с полочкой для туалетных принадлежностей. Пол был покрыт жестким ковром, прибитым гвоздиками, под койкой — пространство для чемоданов. В ногах постели оставалось свободное место, а над ним на стене имелось несколько крючков.

Три человека помещались в каюте с трудом. Мужчина из судовой компании быстро это сообразил. Он вышел наружу, уселся на ящик со спасательными поясами и грустно уставился на свои грязные ботинки, висящие высоко над полом.

Мартин Бек и Ольберг осматривали малюсенькую каюту. Они вовсе не надеялись обнаружить там следы Розанны, так как знали, что с тех пор как она здесь жила, каюту убирали бессчетное количество раз. Ольберг осторожно прилег на койку и заметил, что просторной эту постель для взрослого человека не назовешь.

Дверь в каюту они оставили открытой настежь, вышли наружу и сели на ящик со спасательными поясами рядом с мужчиной из судовой компании.

Несколько минут они сидели молча и смотрели на каюту. На берегу появился большой черный автомобиль. Это приехали специалисты из Гётеборга. Они принесли огромный чемодан и сразу принялись за работу.

Ольберг толкнул Мартина Бека в бок, кивнул в сторону трапа, и они вскарабкались на верхнюю палубу. Там были две спасательных шлюпки по обе стороны трубы, несколько ящиков с шезлонгами и одеялами; если не считать их, палуба была пустой. На следующей палубе находились две каюты для пассажиров, один склад и, сразу за рулевой рубкой, каюта капитана.

Под трапом Мартин Бек остановился и достал план кают, полученный от судовой компании. С планом в руках они еще раз обошли все судно. Когда они вернулись на корму в межпалубное пространство, мужчина по-прежнему сидел на ящике и меланхолично наблюдал, как два специалиста из Гётеборга ползают по каюте на коленках и вытаскивают гвоздики из коврика.

Было два часа дня, когда большой черный полицейский автомобиль, выбрасывая из-под колес фонтаны грязи, исчез в направлении гётеборгского шоссе. Техники увезли из каюты все, что можно было оттуда вынести, но этого было не так уж и много. Результаты исследования будут готовы быстро.

Мартин Бек и Ольберг поблагодарили мужчину из судовой компании, который с чрезмерным энтузиазмом жал им руки, наверняка счастливый, что наконец-то может исчезнуть.

Когда его автомобиль скрылся за ближайшим поворотом, Ольберг сказал:

— Я устал и голоден, как волк. Давай поедем в Гётеборг и заночуем там, что скажешь?

Через полчаса они уже сняли два одноместных номера в гостинице на Постгатан, отдохнули часок и пошли ужинать.

За ужином Мартин Бек рассказывал о парусниках, Ольберг — о поездке на Фарерские острова.

Ни один, ни другой ни словом не обмолвились о Розанне Макгроу.

XI

Из Гётеборга в Муталу нужно ехать на восток по шоссе № 40 через Бурое и Ульрисехамн до Йёнчёпинга, там свернуть на шоссе Е3 и ехать по нему на север до Эдесхёга, затем по шоссе № 50 вокруг озера Токерн и Вадстены, вот и все. Это примерно двести километров, и Ольбергу понадобилось чуть больше трех часов, чтобы преодолеть такое расстояние.

Они выехали в половине шестого; едва начинало светать, и по чистым сверкающим улицам ползли моечные машины, шли почтальоны с газетами, там-сям встречались одиночные полицейские. Автомобиль проглотил довольно большой кусок прямого, не радующего глаз шоссе, когда они нарушили тишину, царящую в машине. Проехав Хиндос, Ольберг откашлялся и сказал:

— Ты думаешь, это в самом деле произошло там? В той крошечной каютке?

— Где же еще это могло случиться?

— Но… там ведь рядом кто-то жил… не более чем в полуметре от них, прямо за стенкой, в соседней каюте?

— За переборкой.

— Что?

— За переборкой, а не за стенкой.

— Грмм, — произнес Ольберг.

Через семь километров Мартин Бек сказал:

— Возможно, именно поэтому.

— Гм. В том случае, если она не кричала.

— Именно.

— Но как он мог помешать ей кричать? Ведь он должен был… Ведь это должно было длиться очень долго.

Мартин Бек ничего не сказал. Оба мысленно представляли себе крошечную каюту со спартанской обстановкой. Ни один, ни другой не могли приказать воображению, чтобы оно не работало, и обоих охватывало чувство беспомощного, засасывающего отвращения. Оба порылись в карманах и молча выкурили по сигарете.

Мартин Бек глядел на озеро Осунден и думал о Стене Стуре[7], о том, как он упал и лежал здесь на носилках, как над ним свистел ветер, снег засыпал ему раны, а он изрекал бессмертные афоризмы о смерти. Бледный, как мел, и слабый от потери крови.

Когда они въехали в Ульрисехамн, Мартин Бек сказал:

— Раны и ушибы она могла терпеть, если уже была мертва или без сознания. Результаты вскрытия ничего не говорят о том, что так не могло быть. Скорее, напротив.

Ольберг кивнул. Больше они об этом не говорили, но оба знали, что лишь благодаря этой версии им дышится чуть полегче.

В Йёнчёпинге они остановились у закусочной самообслуживания, чтобы выпить кофе. Мартину Беку от кофе стало, как всегда, плохо, но одновременно у него появилось чувство, что кофе немного поставил его на ноги.

В Гренне Ольберг сказал то, о чем они думали уже целый час:

— Все равно мы по-прежнему ее не знаем.

— Нет, — кивнул Мартин Бек, глядя на покрытый туманом, но все же красивый остров Висингсё на озере Веттерн.

— Мы не знаем, какой она была. Я хочу сказать… — Он замолчал.

— Я знаю, о чем ты думаешь.

— Разве я не прав? Как она жила, как себя вела, какая была в отношениях с другими людьми… именно это.

— Да.

Ольберг прав, именно так оно и было.

У женщины, лежавшей на расстеленной клеенке, появились имя, адрес и профессия. Но больше пока ничего.

— Как ты думаешь, ребята из Гётеборга что-нибудь обнаружат?

— Будем надеяться.

Ольберг бросил на него быстрый взгляд. Нет, это не просто фраза. Единственный разумный результат, которого они могли ждать от технической группы, состоял в том, что не будет опровергнута их версия, а именно, что каюта А7 является местом, где совершилось преступление. С тех пор, когда на борту парохода была женщина из Линкольна, «Диана» выполнила двадцать четыре рейса по Гёта-каналу. Это означает, что почти столько же раз там проводили генеральную уборку, что постельное белье, полотенца и другие вещи, которые были в каюте, многократно прошли через прачечную и безнадежно перемешались с вещами из других кают. Это также означало, что в каюте после Розанны Макгроу проживали примерно тридцать-сорок человек. Все они, естественно, оставили там следы.

— Скоро прибудут показания свидетелей, — добавил Колльберг.

— Да.

Восемьдесят пять человек, из которых один, возможно, преступник, а остальные вероятные свидетели, и каждый из них маленький кирпичик в огромной головоломке. Восемьдесят пять человек с четырех сторон света. Один только поиск всех этих людей — сизифов труд. Он даже не решался подумать о том, как сделать так, чтобы все были допрошены и при этом не дать завалить себя следственным материалом.

— И Розанна Макгроу, — вслух подумал Ольберг.

— Да, — ответил Мартин Бек и добавил через минуту: — Насколько я понимаю, у нас есть единственная надежда.

— Тот парень в Америке?

— Да.

— Как его зовут?

— Кафка.

— Странное имя. Он на что-нибудь способен?

Мартин Бек вспомнил гротескный телефонный разговор несколько дней назад и впервые за этот пасмурный день улыбнулся.

— Трудно сказать, — ответил он.

На полпути между Вадстеной и Муталой Мартин Бек сказал, как бы размышляя вслух:

— Багаж. Одежда. Туалетные принадлежности, зубная щетка. Сувениры, которые она купила. Деньги. Дорожные чеки.

Ольберг сжал руль и не сводил яростного взгляда с огромного трейлера, за которым они ехали уже четырнадцать километров.

— Я прочешу канал, — сказал он. — В первую очередь, между Буренсхультом и пристанью. Потом с другой стороны. Шлюзовые камеры мы уже осмотрели, но…

— Озеро Веттерн?

— Вот именно. А там шансов у нас нет. Если, конечно, эта чертова землечерпалка не похоронила все на дне озера Бурен. Мне иногда снится эта кошмарная машина, проснусь ночью, сажусь на постели и начинаю ругаться. Жена уже думает, что я рехнулся. Бедняжка, — сказал он и затормозил у полицейского участка.

Мартин Бек посмотрел на него со смешанным чувством зависти, недоверия и уважения, которое исчезло так же быстро, как и появилось.

Десятью минутами позже Ольберг сидел за своим письменным столом и разговаривал по телефону с Гётеборгом. Посреди разговора в кабинет вошел Ларссон, пожал им руки и с любопытством поднял брови. Ольберг положил трубку.

— Несколько пятен крови на матраце и ковре. Всего четырнадцать. Они как раз делают анализ.

Не будь там этих нескольких капель крови, им пришлось бы считать свою версию о каюте А7 опровергнутой. Комиссар не заметил их облегчения. Длина волны, на которой они обменивались мыслями, была для него чужой. Он снова приподнял брови и сказал:

— И это все?

— Есть еще какие-то старые отпечатки пальцев, — ответил Ольберг. — Больше ничего. Там слишком хорошо убирают.

— К нам едет окружной начальник, — сказал Ларссон.

— Добро пожаловать, — хмуро произнес Ольберг.

— Ну да, только этого нам здесь не хватало, — с угрожающим видом сказал Ларссон.

Мартин Бек уехал в 17.20 через Мьёльбю. Поездка заняла у него четыре с половиной часа, и все это время он работал над письмом в Америку. Когда он приехал в Стокгольм, текст уже был готов. Собственно, текстом он был не очень доволен, но подумал, что все равно лучше не придумает. Для экономии времени он взял такси и подъехал к ближайшему полицейскому участку. Попросил предоставить ему свободный кабинет для допросов и там начисто напечатал письмо на пишущей машинке. Перечитывая письмо, он слышал, как где-то рядом ругаются пьяные, а какой-то полицейский говорит им:

— Спокойно, ребята, только спокойно.

Впервые за долгие годы он вспомнил времена, когда служил патрульным и ощутил, какое отвращение у него вызывала регулярная субботняя криминальная хроника.

В четверть одиннадцатого он стоял у главпочтамта на Вазагатан. Крышка ящика для писем металлически звякнула.

Бредя под мелким дождем, он прошел мимо гостиницы «Континенталь» и нового огромного универмага. Спускаясь эскалатором на станцию метро, он снова подумал о Кафке — он подумал о том, сможет ли человек, которого он совсем не знает, действительно понять, что же, собственно, ему нужно.

Мартин Бек устал и заснул уже после второй остановки в полной уверенности, что свою не проспит, потому что выходить ему нужно было на конечной.

XII

Через десять дней рано утром ответ из Америки лежал на столе Мартина Бека. Он увидел письмо сразу, еще не успев закрыть за собой дверь. Вешая плащ на крючок, он увидел в зеркале у двери свое лицо. Оно было бледным и пепельным, с темными кругами под глазами, но уже не от гриппа, а от хронического недосыпания. Мартин Бек нетерпеливо разорвал большой коричневый конверт и вынул оттуда два протокола допросов, напечатанное на машинке письмо и листок бумаги с биографическими данными. Он с любопытством пролистал бумаги, но подавил в себе желание сразу же на них наброситься. Вместо этого он отнес их в секретариат и попросил сразу же перевести и напечатать в трех экземплярах. Выйдя из секретариата, Бек поднялся этажом выше, открыл дверь и оказался у Колльберга и Меландера. Они сидели каждый за своим столом, спиной друг к другу, и работали.

— Вы что, переставили столы?

— Это было единственным решением, чтобы мы могли выдерживать друг друга.

Так же как и Мартин Бек, Колльберг казался бледным, глаза у него были красные. Сфинкс Меландер выглядел как обычно.

Перед Колльбергом лежала желтая копия какого-то заявления. Он несколько секунд поводил по строчкам пальцем и сказал:

— Как заявляет фру Лиза-Лотта Йенсен, возраст шестьдесят один год, датской полиции в Вайле, это была сказочная экскурсия; шведский стол тоже был сказочный, один день и всю ночь шел дождь, пароход немного опоздал, а фру Йенсен немного страдала от морской болезни в ту ночь, когда шел дождь. Они как раз плыли по какому-то большому озеру; это была вторая ночь рейса. Путешествие было просто сказочным, а все пассажиры — бесконечно милыми людьми. Эту милую девушку на фотографии она не помнит. Наверняка не сидела с ней за одним столом, но капитан был исключительно милым, а муж говорит, что еда была великолепная и давали ее столько, что невозможно было все съесть, и они даже не смогли всего перепробовать. Погода была сказочная, конечно, когда не шел дождь. Они даже не подозревали, что Швеция такая красивая страна. О Господи, — прокомментировал Колльберг, — я тоже об этом не подозревал. Бóльшую часть времени они играли в бридж с теми милейшими супругами из Южной Африки, мистером и миссис Хойт из Дурбана. Разве только постели показались им несколько маловаты, а на второй вечер они нашли в одной из постелей огромного волосатого паука и ее мужу пришлось приложить немало усилий, чтобы прогнать его из каюты.

Датчане просто прелесть. Ничего не видели, не слышали, ничего особенного не заметили. В заключение следователь сержант Тофт из Вайле сообщает, что из допроса этой игривой парочки, вероятно, не удастся извлечь ничего, что могло бы пролить хоть какой-нибудь свет на это дело. Его логика просто убийственна.

— Так, момент, момент, — бормотал Меландер.

— Да здравствует наш братский северный народ! — воскликнул Колльберг и потянулся за дыроколом.

Мартин Бек стоял у противоположного края стола и рылся в бумагах. Он что-то чуть слышно бормотал. После десятидневной работы им удалось найти две трети лиц, пребывавших тогда на борту «Дианы». С помощью самых разных способов они связались с сорока из них и в двадцати трех случаях получили протоколы подробных допросов. Однако результат был мизерный. Из всех до сих пор допрошенных свидетелей о Розанне Макгроу никто ничего не помнил, разве что где-то видели ее мельком па пароходе.

Меландер вынул трубку изо рта и сказал:

— Карл-Оке Эриксон, член команды. Его вы уже нашли?

Колльберг заглянул в один из своих блокнотов.

— Кочегар. Нет, не нашли, но кое-что о нем знаем. Три недели назад он обратился в управление морского пароходства в Гётеборге и нанялся на финское грузовое судно.

— Гм, — сказал Меландер. — А ему уже исполнилось двадцать два года?

— Да. А что должно означать это «гм»?

— Его имя мне кое о чем напоминает. Тебе бы тоже следовало его помнить. Но тогда он называл себя немого иначе.

— Если оно тебе о чем-то напоминает, значит, ты наверняка прав, — сдался Колльберг. — У этого чудовища память, как у циркового слона, — обратился он к Мартину Беку. — Впечатление такое, словно сидишь в кабинете вместе с арифмометром.

— Я знаю.

— Который курит самый вонючий табак в мире, — добавил Колльберг.

— Погоди немного, сейчас начну, — заверил его Меландер.

— Не сомневаюсь. Господи, ну и устал же я, — сказал Колльберг.

— Ты мало спишь, — упрекнул его Меландер.

— Это точно.

— Тебе нужно как следует выспаться. Я сплю каждую ночь восемь часов. Засыпаю, как только касаюсь головой подушки.

— И что на это говорит твоя жена?

— Ничего. Она засыпает еще быстрее, иногда мы даже не успеваем выключить свет.

— Счастливчики. О себе этого сказать не могу.

— Почему?

— Не знаю. Просто не могу уснуть.

— И что же ты делаешь?

— Лежу на спине и размышляю о том, что ты за фрукт.

Колльберг углубился в почту. Меландер вытряхнул трубку и уставился в потолок. Мартин Бек знал его и понял, что в данный момент он начал пополнять новыми подробностями свою бесценную картотеку памяти, которая находилась у него в голове и в которой он накапливал все, что видел, читал или слышал в жизни.

Через полчаса после обеда девушка из секретариата принесла готовый перевод.

Мартин Бек снял пиджак, закрыл дверь и принялся за чтение.

Сначала письмо. Кафка писал:

«Дорогой Мартин,

Мне кажется, я знаю, о чем ты думаешь. Протоколы двух допросов, которые я высылаю, являются дословной записью с магнитофонной ленты. Я ничего в них не изменил и ничего не сократил. Если тебе понадобится, я смогу найти и других людей, которые ее знали, но думаю, что эти двое знали ее лучше всех. Надеюсь, вы схватите того подонка, который это сделал. Когда поймаешь этого мерзавца, не забудь приложить ему на память и от меня. Высылаю тебе также биографические данные, которые мне удалось наскрести, и краткий комментарий к протоколам допросов.

Искренне твой Элмер»

Мартин Бек отложил в сторону письмо и придвинул к себе протоколы. На первом было написано:

«Допрос Эдгара М. Малвени в прокуратуре г. Омаха, штат Небраска, 11 октября 1964 года. Следователь: детектив-лейтенант Кафка. Присутствует при допросе: сержант Ромни».

«*Кафка:* Вы Эдгар Монкур Малвени, вам тридцать три года, проживаете в Омахе на Двенадцатой Ист-стрит, по образованию инженер, уже год работаете заместителем заведующего отделом в „Нортен Электрикал Корпорейшн“ в Омахе. Верно?

Малвени: Да, верно.

К.: Вы допрашиваетесь не под присягой, и ваши ответы не будут регистрироваться гражданским нотариусом. Некоторые вопросы, которые я стану вам задавать, будут касаться интимных подробностей вашей частной жизни и могут оказаться для вас неприятными. Вас допрашивают для того, чтобы получить необходимую информацию, и ничто из того, что вы скажете, не будет опубликовано или использовано против вас. Я не могу заставить вас отвечать, но хотел бы сказать следующее: если вы ответите на все вопросы правдиво и как можно подробнее, это может в значительной степени помочь найти и арестовать лицо или лиц, виновных в убийстве Розанны Макгроу.

М.: Я сделаю все, что будет в моих силах.

К.: Одиннадцать месяцев назад вы еще проживали в Линкольне. Вы там и работали?

М.: Да, я работал инженерам в городском управлении, в отделе городского освещения.

К.: Где вы проживали?

М.: В меблированных номерах на Гриноук-стрит, восемьдесят три. Мы жили вдвоем с одним коллегой, оба были холосты.

К.: Когда вы познакомились с Розанной Макгроу?

М.: Почти два года назад.

К.: Другими словами, осенью шестьдесят второго года.

М.: Да, в ноябре.

К.: При каких обстоятельствах вы познакомились?

М.: Мы познакомились на вечеринке у одного моего коллеги. Джонни Матсона.

К.: Значит, в компании?

М.: Да.

К.: Этот Матсон встречался с Розанной Макгроу?

М.: Вряд ли. Он устраивал что-то вроде вечеров открытых дверей, там собиралось много народу, одни входили, другие выходили. Джонни был знаком с ней поверхностно, по библиотеке, где она работала. Он приглашал много самых разных людей. Бог знает, где он их находил.

К.: Как получилось, что вы познакомились с Розаннной Макгроу?

М.: Не знаю — просто мы там встретились.

К.: Вы шли на вечеринку с намерением познакомиться там с какой-нибудь женщиной?

(Молчание.)

К.: Вы можете ответить на мой вопрос?

М.: Я пытаюсь вспомнить, как это было. Да, возможно, потому что тогда у меня не было постоянной подруги. Но, скорее всего, я пошел туда лишь потому, что мне нечего было делать.

К.: И что же там произошло?

М.: Я уже говорил, что мы с Розанной познакомились чисто случайно. Немного поболтали, потом танцевали.

К.: Сколько раз?

М.: Два первых танца, вечеринка еще не была в разгаре.

К.: Так, значит, вы познакомились в самом начале?

М.: Да, именно так и было.

К.: А потом?

М.: Потом я предложил, чтобы мы ушли.

К.: После того, как вы два раза потанцевали?

М.: Точнее говоря, когда мы танцевали второй раз.

К.: А почему вы ей это предложили?

М.: Я действительно должен отвечать на такие вопросы?

К.: В противном случае весь наш разговор станет бессмысленным.

М.: Ну, хорошо. Я заметил во время танца, что она возбуждена.

К.: Возбуждена? В каком смысле? Вы имеете в виду — сексуально возбуждена?

М.: Да, что-то вроде этого.

К.: Как вы это определили?

М.: Этого я не могу (молчание) точно объяснить. Но было очень заметно. Если судить по тому, как она себя вела. Точнее сказать не могу.

К.: А вы сами? Вы тоже испытывали сексуальное возбуждение?

М.: Да.

К.: И что же вам ответила мисс Макгроу?

М.: Она сказала: „Хорошо, идем".

К.: Вот так просто?

М.: Да.

К.: Вы что-нибудь пили?

М.: Максимум один мартини.

К.: А мисс Макгроу?

М.: Розанна никогда не пила.

К.: Так, значит, вы вместе ушли с вечеринки. Что было дальше?

М.: Я был без машины, поэтому мы взяли такси и поехали к ней домой. На Вторую Саут-стрит, номер сто шестнадцать. Она до сих пор там живет, я хотел сказать, жила.

К.: И вот так просто она разрешила вам подняться к ней?

М.: Ну, мы сказали друг другу несколько глупостей, сами знаете, как обычно говорят. Я не помню точно, о чем мы разговаривали. И так было видно, что она скучает.

К.: Происходило ли что-нибудь в такси?

М.: Мы целовались.

К.: Она сопротивлялась?

М.: Не особенно. Я же говорю, мы целовались. (Молчание.)

К.: Кто расплатился с шофером?

М.: Розанна. Я не успел ей помешать.

К.: Что было потом?

М.: Ну, потом мы пошли к ней в квартиру. Там было красиво. Помню, меня это удивило. У нее было много книг.

К.: Что вы делали потом?

М.: Ну…

К.: Вы вступили друг с другом в половые сношения?

М.: Да.

К.: Когда?

М.: Почти сразу.

К.: Вы можете попытаться описать, как это происходило?

М.: Простите, не понимаю, зачем это нужно. Вы что же, проводите частное исследование для профессора Кинси?[8]

К.: Мне очень жаль, но я вынужден вам напомнить то, о чем говорил в самом начале нашей беседы. Это может иметь определенное значение. (Молчание.) Вы не можете вспомнить?

М.: О Господи, конечно же могу! Еще как! (Молчание.) У меня такое чувство, словно я предаю человека, который мне ничего плохого не сделал и которого к тому же уже нет в живых.

К.: Я очень хорошо понимаю ваши чувства. И если так настаиваю, то лишь потому, что нам необходима ваша помощь.

М.: Ну, ладно, спрашивайте.

К.: Вы вошли в квартиру. Что было дальше?

М.: Она разулась.

К.: Дальше.

М.: Мы целовались.

К.: Дальше.

М.: Она пошла в спальню.

К.: А вы?

М.: Я пошел с ней. Вы хотите услышать подробности?

К.: Да.

М.: Она разделась и легла.

К.: Легла на постель?

М.: Нет, в постель и прикрылась.

К.: Она полностью разделась?

М.: Да.

К.: Создалось ли у вас впечатление, что она стесняется?

М.: Вовсе нет.

К.: Она погасила свет?

М.: Нет.

К.: А вы? Что делали вы?

М.: Ну, а как по-вашему?

К.: Вы вступили друг с другом в половую связь?

М.: Черт возьми, а чем же мы еще занимались? Щелкали орешки? Извините, но…

К.: Вы долго там оставались?

М.: Точно не помню, примерно до одного-двух часов ночи. Потом пошел домой.

К.: В тот раз вы впервые увидели мисс Макгроу?

М.: Да, впервые.

К.: Что вы о ней думали, когда оттуда уходили? И на следующий день? (Молчание.)

М.: Я думал… сначала я думал, что она обычная шлюха, хотя она не производила такого впечатления. Позже решил, что она нимфоманка. И то и другое было неправдой. Теперь… теперь, когда ее уже нет в живых, я понимаю, было чистейшим безумием, что нечто подобное могло прийти мне в голову. (Молчание.)

К.: Послушайте. Я хотел бы вас заверить, что мне так же неловко задавать вам такие вопросы, как и вам на них отвечать. Я бы никогда не позволил себе ничего подобного, если бы при этом не преследовал определенной цели. И, к сожалению, это только начало.

М.: Не злитесь, что я только что вышел из себя. Я просто не привык к такой обстановке. Я сам себе кажусь сумасшедшим, сидящим в этой стеклянной клетке и рассказывающим о Розанне такие вещи, каких никогда никому не рассказывал, и при этом снаружи бегают полицейские, крутится магнитофон, а в углу сидит сержант и не сводит с меня взгляда. К сожалению, я недостаточно циничен, особенно, когда речь идет о…

К.: Джек, пожалуйста, опусти шторы на этой стеклянной стене. И подожди снаружи.

(Молчание.)

Ромни: До свидания.

М.: Пожалуйста, извините меня.

К.: Вам не за что извиняться. Так что же произошло между вами и мисс Макгроу? После вашей первой встречи?

М.: Через два дня я позвонил ей. На этот раз ей не хотелось со мной встречаться, она прямо мне об этом сказала, но если у меня возникнет желание, я должен ей позвонить. Когда я позвонил вторично, примерно через неделю, она сказала, чтобы я пришел.

К.: И вы…

М.: Да, я пришел. Так мы начали встречаться. Иногда раз в неделю, иногда два раза. Мы всегда встречались в квартире Розанны. Часто в субботу, в таких случаях, я оставался у нее и на воскресенье, когда ни мне, ни ей нечего было делать.

К.: Как долго продолжалась ваша связь?

М.: Восемь месяцев.

К.: Почему она закончилась?

М.: Потому что я в нее влюбился.

К.: Сожалею, но я вас совершенно не понимаю.

М.: Все очень просто. По правде говоря, я уже давно был в нее влюблен. Она мне очень нравилась. Но мы никогда не говорили о любви, и я не хотел ей в этом признаваться.

К.: Почему же?

М.: Потому, что не хотел ее потерять. А когда однажды я сказал ей об этом… ну, все сразу было кончено.

К.: Как это произошло?

М.: Вы должны понять, что Розанна была самой рациональной женщиной из всех, кого я когда-либо знал. Я нравился ей, а главное, она с удовольствием со мной спала. Но жить со мной она не хотела и никогда этого не скрывала. Мы оба очень хорошо знали, почему встречаемся друг с другом.

К.: Как она отреагировала, когда вы сказали, что любите ее?

М.: Ей это не понравилось, потом она сказала: „Сегодня напоследок побудем вместе, завтра уйдешь и все. Мы больше не будем встречаться".

К.: И вы согласились без всякого сопротивления?

М.: Да. Если бы вы знали ее так же хорошо, как я, то поняли бы, что ничего другого не остается делать.

К.: Когда это было?

М.: Третьего июля прошлого года.

К.: И всякие контакты между вами прекратились?

М.: Да.

К.: У нее были какие-нибудь мужчины, кроме вас, в тот период, когда вы встречались?

М.: И да, и нет.

К.: Другими словами, у вас создалось впечатление, что иногда у нее что-то было и с другими?

М.: Дело не в том, какое у меня создалось впечатление. Я это знал. В марте я был в четырехнедельной технической школе в Филадельфии. Еще до моего отъезда она сказала, что мне не следует рассчитывать на то, что она сможет… может так долго сохранять мне верность. Вернувшись, я спросил ее об этом. Она ответила, что сделала это один раз — через три недели.

К.: Она вступила в интимную связь с другим?

М.: Да. Это отвратительное выражение. А я оказался таким болваном, что спросил, кто это был.

К.: Что же она вам ответила?

М.: Что это не мое дело. Что ж, возможно, это и правда, с её точки зрения.

К.: В течение этих восьми месяцев у вас были регулярные интим… вы регулярно спали вместе, если я вас правильно понял?

М.: Да.

К.: А в те вечера, когда вы не встречались, чем она занималась?

М.: Сидела одна. Ей очень нравилось быть одной. Она читала невероятное количество книг. Кроме того, по вечерам она работала. Все время что-то писала, не знаю что. Никогда мне об этом не рассказывала. У Розанны был ужасно самостоятельный характер. Кроме того, у нас не было никаких общих увлечений. Разве что одно. Но нам было хорошо вдвоем. Правда.

К.: Откуда у вас такая уверенность, что она сидела одна, если вас там не было?

М.: Я… иногда меня охватывала ревность и несколько раз, когда она не хотела меня видеть, я шел к ней и ходил возле ее дома. Два раза я стоял там с той минуты, когда она пришла домой, и до тех пор, когда она утром ушла.

К.: Вы давали ей деньги?

М.: Никогда.

К.: Почему?

М.: Ей не нужны были мои деньги, она сказала это в самом начале. Когда мы иногда куда-нибудь ходили вдвоем, она всегда за себя платила.

К.: Что она делала потом, когда вы перестали встречаться?

М.: Не знаю. Я больше никогда ее не видел. Вскоре я нашел другое место и переехал в Омаху.

К.: Какой у нее, по-вашему, был характер?

М.: Я уже сказал, она была очень самостоятельная. Порядочная. И очень естественная — во всех отношениях. Например, никогда не пользовалась косметикой и не носила драгоценностей. Она производила впечатление спокойной, терпеливой, но однажды сказала, что не хочет видеть меня слишком часто, потому что знает, что я начну действовать ей на нервы. Вроде бы у нее это так со всеми, но она не хочет, чтобы так произошло между нами.

(Молчание.)

К.: Теперь я задам вам несколько вопросов весьма интимного характера.

М.: Спрашивайте. Теперь уже я готов отвечать на все вопросы.

К.: Имеете ли вы приблизительное представление о том, сколько раз вы были вместе?

М.: Да. Сорок восемь.

К.: Вы это знаете настолько точно?

М.: Да. Могу вам даже сказать почему. Каждый раз, когда мы были вместе, я ставил красный кружок в рабочем календаре. Прежде чем его выбросить, я их сосчитал.

К.: Как вы считаете, ее сексуальное поведение было нормальным?

М.: Она была очень сладострастная.

К.: У вас было достаточно опыта, чтобы судить об этом?

М.: Мне был тридцать один год, когда я с ней познакомился. У меня уже имелся кое-какой опыт.

К.: Она испытывала оргазм во время полового акта?

М.: Да, каждый раз.

К.: Вы совершали половые акты несколько раз подряд?

М.: Нет. Никогда. В этом не было необходимости.

К.: Вы пользовались противозачаточными средствами?

М.: У Розанны были какие-то таблетки. Она каждый раз принимала одну.

К.: У вас была привычка обсуждать сексуальные проблемы?

М.: Никогда. Мы знали все, что нам нужно было знать.

К.: Она вам рассказывала о своем предыдущем опыте?

М.: Никогда.

К.: А вы?

М.: Только один раз. Мне показалось, что это ее абсолютно не интересует и больше я на эту тему не говорил.

К.: А о чем вы вообще разговаривали?

М.: О чем угодно. Большей частью о самых обыкновенных вещах.

К.: С кем она встречалась кроме вас?

М.: Ни с кем. У нее была подруга, коллега по библиотеке, но в нерабочее время они виделись очень редко. Я уже говорил, что Розанна была самым настоящим затворником.

К.: Но на ту вечеринку, где вы познакомились, она пошла.

М.: Да, чтобы найти там кого-нибудь, с кем бы она могла переспать. Она до этого… у нее долго никого не было.

К.: Как долго?

М.: Больше шести недель.

К.: Откуда вы об этом знаете?

М.: Она мне сказала.

К.: Ее было трудно успокаивать?

М.: Для меня — нет.

К.: Она была капризная?

М.: Она требовала лишь то, что требует любая нормальная женщина. Чтобы мужчина отдавал ей себя всего без остатка. Надеюсь, вы меня понимаете.

К.: У нее были какие-нибудь странные привычки?

М.: Вы имеете в виду в постели?

К.: Да.

М.: А закон Гаррисона в Небраске действует?

К.: Нет, насчет этого здесь вы можете не опасаться.

М.: Ну, ладно, уже все равно. У нее была одна довольно странная привычка. Она царапалась.

К.: Когда?

М.: Почти непрерывно. Но в основном во время оргазма.

К.: Как?

М.: Как?

К.: Да, как именно она царапалась?

М.: Ну, двумя руками и всеми пальцами. Как когтями. По спине, по бокам и даже по затылку. У меня после этого до сих пор шрамы. Я уже от них не избавлюсь.

К.: В своей сексуальной игре она использовала много вариаций?

М.: Ну и выражения у вас. Нет — она лежала каждый раз совершенно одинаково. На спине, под ягодицы подкладывала подушку, ноги широко разводила в стороны и высоко поднимала. Она была абсолютно естественной, рациональной и реалистичной в этом так же, как и во всем остальном. Ей хотелось делать это основательно и каждый раз как можно дольше, без отклонений и выдумок, тем единственным способом, который для нее являлся естественным.

К.: Да, понимаю.

М.: Трудно было бы теперь не понять.

(Молчание.)

К.: И еще одно. Из того, что вы мне рассказали, следует, что в течение всего того времени, когда вы встречались, первым вступали с ней в контакт именно вы. Вы ей звонили, и она отвечала, приходить вам или же ей не хочется, и вы должны позвонить в другой раз. Приходить вам или нет, каждый раз решала она?

М.: Да, именно так и было.

К.: Случалось ли иногда, чтобы она позвонила сама и попросила вас прийти?

М.: Да, четыре или пять раз.

(Молчание.)

К.: Вам без нее было тяжело?

М.: Да.

К.: Вы были весьма искренни и очень нам помогли. Благодарю вас.

М.: Надеюсь, вы понимаете, что этот разговор должен остаться между нами. На Рождество я познакомился с одной девушкой и в феврале женился на ней.

К.: Само собой. Я ведь сказал об этом в самом начале.

М.: Хорошо, можете теперь уже выключить этот магнитофон.

К.: Да».

Мартин Бек отодвинул в сторону листы протокола и задумчиво вытер платком пот со лба и ладоней. Прежде чем снова приняться за чтение, он пошел в туалет, ополоснул лицо и выпил стакан воды.

XIII

Второй протокол был намного короче первого. Кроме того, тон у него был совершенно иной.

«Допрос Мэри Джейн Питерсон в полицейском управлении Линкольна, Небраска, 10 октября 1964 года. Допрос проводит: детектив-лейтенант Кафка. Присутствует: сержант Ромни».

«*Ромни:* Это Мэри Джейн Питерсон. Не замужем, возраст двадцать восемь лет, адрес: Вторая Саут-стрит, шестьдесят два. Работает в городской библиотеке Линкольна.

Кафка: Пожалуйста, присаживайтесь, мисс Питерсон.

Питерсон: Спасибо. Что вам от меня нужно?

К.: Несколько вопросов.

П.: О Розанне Макгроу?

К.: Да.

П.: Все, что знала, я уже сказала. Я получила от нее открытку. Это все. Вы что, притащили меня сюда в рабочее время, чтобы еще раз это услышать?

К.: Вы дружили с мисс Макгроу?

П.: Да.

К.: Вы жили вместе до того, как мисс Макгроу нашла себе квартиру?

П.: Да. Год и два месяца. Она приехала из Денвера, ей негде было жить, и я сказала, что она может пожить у меня.

К.: Расходы на ведение домашнего хозяйства вы делили поровну?

П.: Естественно.

К.: Когда она переехала от вас?

П.: Примерно два года назад, весной шестьдесят второго.

К.: Вы продолжали с ней видеться?

П.: Мы виделись ежедневно в библиотеке.

К.: Вы проводили вместе вечера?

П.: Не очень часто. У нас было много работы.

К.: Какой, по вашему мнению, был характер у мисс Макгроу?

П.: «De mortuis nil nisi bene».

К.: Джек, ты можешь продолжить? Я вернусь через минуту.

Р. : Лейтенант Кафка спросил, какой, по вашему мнению, характер у мисс Макгроу.

П.: Я услышала и ответила: «De mortuis nil nisi bene». Это по латыни и означает: „О мертвых ничего, кроме хорошего".

Р.: Вопрос звучал следующим образом: какой у нее был характер?

П.: Об этом можете спросить кого-нибудь другого. Я уже могу идти?

Р.: Можете попытаться и увидите, что получится.

П.: Вы дерзкий хам. Вам об этом еще никто не говорил?

Р. : Если бы я был на вашем месте — упаси меня Господь от этого, — то воздержался бы от таких слов.

П.: С чего бы это?

Р. : Потому что мне это могло бы не понравиться.

П.: Ха-ха-ха.

Р. : Какой был характер у мисс Макгроу?

П.: Спросите об этом кого-нибудь другого, тупица.

К.: О'кей, Джек. Мисс Питерсон!

П.: Да, что еще?

К.: Почему вы перестали жить вместе с мисс Макгроу?

П.: Нам там было тесно. Кроме того, не понимаю, какое вам до этого дело?

К.: Но вы ведь были хорошими подругами, разве не так?

П.: Да, сами знаете.

К.: Вот передо мной лежит донесение, составленное в третьем полицейском округе 8 апреля 1962 года. Ночью, без десяти час, жильцы дома номер шестьдесят два по Второй Саут-стрит сообщили, что из квартиры на четвертом этаже доносятся крики, звуки ссоры и громкий шум. Когда через десять минут приехал патруль, полицейские Флинн и Ричардсон, жильцы данной квартиры отказались открыть дверь, в связи с чем патруль потребовал, чтобы домовладелец обеспечил им доступ в квартиру, открыв дверь своим универсальным ключом. В квартире находились вы и мисс Макгроу. Мисс Макгроу была в халате, а вы — в туфлях на высоких каблуках и том, что Флинн назвал белым вечерним платьем. У мисс Макгроу шла кровь из раны на лбу. В квартире царил беспорядок. Ни одна, ни другая не захотела сообщить, что произошло, и после того, как было восстановлено спокойствие, — как говорится в этом донесении — патруль покинул вашу квартиру.

П.: Зачем вам понадобилось вспоминать эту старую историю?

К.: На следующий день мисс Макгроу переехала в гостиницу, а еще через неделю нашла себе квартиру на той же улице, в нескольких кварталах дальше.

П.: Повторяю: зачем вам понадобилось вспоминать эту старую скандальную историю? Вряд ли она теперь может мне каким-то образом навредить.

К.: Я просто пытаюсь вас убедить, что на наши вопросы нужно отвечать. Кроме того, самое разумное — всегда говорить правду.

П.: Ну, ладно, как вам угодно. Я выгнала ее. Ну и что? Это была моя квартира.

К.: А почему вы ее выгнали?

П.: Какое теперь это имеет значение? Кого может интересовать ссора трехлетней давности между двумя подругами?

К.: Нас интересует все, что имеет отношение к Розанне Макгроу. Как вам известно из газет, пока что о ней написано не очень много.

П.: Вы хотите сказать, что можете всю эту историю опубликовать в газете?

К.: Ведь это не секретный документ.

П.: В таком случае не понимаю, как газетчики еще все не раскопали?

К.: Возможно, частично потому, что сержант Ромни оказался там раньше, чем репортеры. Когда он отправит этот документ обратно в городской архив, любой желающий сможет там ознакомиться с донесением.

П.: А если он не отправит?

К.: В этом случае дело будет обстоять несколько иначе.

П.: А этот протокол тоже не секретный документ?

К.: Секретный.

П.: Это точно?

К.: Да.

П.: Ладно. Что вас интересует? Только побыстрее, чтобы я успела уйти до того, как на меня нападет истерика.

К.: Почему вы заставили мисс Макгроу переехать?

П.: Потому, что она выставила меня на посмешище.

К.: Каким образом?

П.: Розанна была шлюхой. Она была самой настоящей проституткой. Я ей так и сказала.

К.: И что же она ответила?

П.: Послушайте, лейтенант, на такие вульгарные, грубые слова Розанна ничего не ответила, она была выше этого. Она просто лежала голая в постели, как обычно, и читала какое-то философское сочинение. А меня окинула непонимающим и высокомерным взглядом.

К.: Она была темпераментная?

П.: Вовсе нет.

К.: Что же послужило причиной столь резкого решения?

П.: Попробуйте сами догадаться. В конце концов, на это у вас должно хватить воображения.

К.: Какой-нибудь мужчина?

П.: Один бедняга, с которым ей внезапно захотелось переспать. А я в это время ждала его в ресторане в тридцати милях оттуда. Он не понял, как мы договорились, — тоже был тупицей — и решил, что должен прийти ко мне домой. Когда он явился, я уже ушла. Розаннна же была дома. Она все время сидела дома. Ну, а потом случилось то, что случилось. Слава Богу, этот болван исчез до того, как я вернулась. Потому что в противном случае я бы сейчас клеила пакеты в тюрьме, в Сиу-сити.

К.: Откуда вы узнали, что за время вашего отсутствия что-то произошло?

П.: Она мне сказала. Розанна всегда говорила правду. „Зачем же ты это сделала?" — спросила я. „Моя милая Мэри Джейн, мне захотелось". Кроме того, ей нельзя было отказать в логике. „Вот видишь, моя милая Мэри Джейн, он тебя недостоин".

К.: Вы по-прежнему утверждаете, что были подругами с мисс Макгроу?

П.: Как ни странно, были. Если Розанна вообще имела какого-нибудь друга, то им была я. Когда она переехала, стало лучше: мы не должны были теперь смотреть друг на друга с утра до вечера. Когда она приехала после окончания университета, то уже была сиротой. Незадолго до этого в Денвере умерли ее родители, почти в один и тот же день. Сестер и братьев или родственников у нее не было, я уж не говорю о друзьях. Кроме того, у нее не было ни цента в карманах. Возникли какие-то осложнения с наследством, и прошло несколько лет, прежде чем она получила деньги. Это произошло вскоре после того, как она нашла себе новую квартиру.

К.: Какой у нее был характер?

П.: Мне кажется, у нее был какой-то комплекс самостоятельности; из-за него с ней происходили невероятные вещи. Ею владела навязчивая идея, что она не должна хорошо одеваться. Считала достоинством ходить как пугало. В лучшем случае носила вытертые джинсы и бесформенные свитера. Ей стоило больших усилий надевать платье, когда она шла на работу. У нее была куча странных замашек. Бюстгальтер она почти никогда не надевала, хотя он ей был нужен больше, чем многим другим. Не ходила в туфлях. Всегда говорила, что вообще не переносит одежды. По выходным могла ходить целый день голая. Ночной рубашки или пижамы для нее словно не существовало. Меня это ужасно нервировало.

К.: Она была неаккуратная?

П.: К своей внешности она относилась так, словно делала кому-то назло. Будто бы и не слыхала, что существует косметика, парикмахер или колготки. Но в других делах доходила до педантизма, особенно если речь шла о книгах.

К.: Какие у нее были интересы?

П.: Много читала. И много писала, только не спрашивайте меня что, потому что я этого не знаю. Летом проводила целые часы на природе. Утверждала, что ужасно любит гулять. Кто хочет, может это проверить. Ну и, конечно, мужчины. Других интересов у нее не было.

К.: Мисс Макгроу была привлекательной женщиной?

П.: Ни в малейшей степени. Неужели вы не поняли этого из того, что я рассказывала? Конечно, если вообще меня слушали. Но по мужчинам она сходила с ума, хотя при этом ставила их гораздо ниже женщин.

К.: У нее был постоянный приятель?

П.: После того, как она от меня переехала, она некоторое время встречалась с каким-то мужчиной, который работал в отделе городского освещения. Примерно полгода, пару раз я их видела. Одному Богу известно, сколько раз она ему изменила, наверняка раз сто.

К.: Когда вы жили вместе, она часто приводила домой мужчин?

П.: Да.

К.: Как вы понимаете слово „часто“?

П.: А что под ним подразумеваете вы?

К.: Это случалось несколько раз в неделю?

П.: Ну уж нет, этого она себе позволить не могла.

К.: Как часто это случалось? Отвечайте.

П.: Я прощаю вам этот ваш тон.

К.: Я разговариваю таким тоном, какой считаю нужным. Она часто приводила с собой домой мужчин?

П.: Раза два в месяц.

К.: И каждый раз это был кто-то другой?

П.: Не знаю. Каждый раз я не видела. Только иногда. Она почти всегда сидела дома и приводила мужчин, когда я уходила на танцы или еще куда-нибудь.

К.: Мисс Макгроу никогда не ходила с вами?

П.: Никогда. Я даже не знаю, умела ли она вообще танцевать.

К.: Вы можете назвать имена некоторых мужчин, с которыми она встречалась?

П.: Ну, например, один немецкий студент, мы познакомились с ним в библиотеке. Я их познакомила. Помню, его звали Милденбергер. Ули Милденбергер. Она приводила его домой раза три-четыре.

К.: За какой период времени?

П.: За месяц, может быть, за пять недель. Но он звонил ей ежедневно, так что они встречались еще где-то. Он жил здесь, в Линкольне, несколько лет, но в этом году весной вернулся в Европу.

К.: Как он выглядел?

П.: Эффектно. Высокий, широкоплечий блондин.

К.: Вы с этим Милденбергером тоже находились в интимной связи?

П.: Послушайте, какое вам до этого дело?

К.: Сколько мужчин, по вашему мнению, она привела домой за то время, что вы жили вместе?

П.: Ну… примерно шесть-семь.

К.: Мисс Макгроу привлекали мужчины какого-то определенного типа?

П.: В этом отношении она была совершенно нормальной. Достаточно, чтобы мужчина был не совсем уродом и порядочным человеком.

К.: Что вам известно о ее поездке?

П.: Только то, что она давно ее планировала. Хотела отправиться в Европу на пароходе, путешествовать там около месяца и посмотреть как можно больше. Потом она хотела остаться там еще на один месяц и где-нибудь просто пожить. В Париже, Риме или в каком-нибудь другом месте. А почему вы меня об этом расспрашиваете? Ведь их полиция застрелила того убийцу, разве не так?

К.: К сожалению, это была неточная информация. Недоразумение.

П.: Ну, так я могу идти? В отличие от некоторых, у меня работы хватает.

К.: Как вы отреагировали, когда узнали, что случилось с мисс Макгроу?

П.: Я была потрясена, но должна сказать, что меня это не очень удивило.

К.: Отчего же?

П.: И вы еще спрашиваете? При таком образе жизни?

К.: Благодарю вас, мисс Питерсон. Это все.

П.: Вы не забыли, что обещали мне?

К.: Я вам ничего не обещал. Джек, можешь выключить магнитофон».

Мартин Бек откинулся на стуле, поднес левую руку ко рту и принялся грызть ноготь на указательном пальце.

Потом он взял последний лист бандероли из Линкольна и рассеянно прочел комментарий Кафки.

«Розанна Беатриса Макгроу, родилась 18.05.1937 в Денвере, Колорадо. Отец — фермер, ферма в двадцати милях от Денвера. Образование: школа в Денвере, потом три года в Колорадском университете. Родители умерли осенью 1960 года. Наследство в сумме около 20.000 долларов было выплачено в июле 1962 года. Мисс Макгроу умерла, не оставив завещания, и, насколько известно, наследников у нее нет.

Что касается степени надежности свидетелей, то, по моему мнению, Мэри Джейн Питерсон умышленно исказила некоторые факты и не упомянула о таких подробностях, которые, в ее глазах, могли бы неблагоприятно отразиться на ее репутации. Если же говорить о показаниях Малвени, то у меня была возможность проверить кое-какие пункты. Информация о том, что в период с ноября 1962 года по июль 1963 года у Р. М. был только один мужчина, подтвердилась. Это следует из дневника, который я нашел в ее квартире. Было это 22 марта, его инициалы У. М. (Ули Милденбергер?). Своих знакомых она всегда записывала именно так: дата и инициалы. В показаниях Малвени я не обнаружил неточностей или лжи.

Свидетели. Малвени, рост 185 см, крепкого телосложения, глаза синие, волосы темно-русые. Производит впечатление открытого и немного наивного. Мэри Джейн Питерсон — та еще штучка. Одета очень элегантно. Стройная, с великолепной фигурой. В нашей картотеке ни он, ни она не числятся, если не считать того смешного дела о нарушении тишины в доме в 1962 году.

Кафка».

Мартин Бек надел пиджак и снял с предохранителя дверной замок. Потом вернулся к столу. Разложил перед собой бумаги Кафки и остался неподвижно сидеть на стуле, положив локти на стол и обхватив голову руками.

XIV

Мартин Бек поднял голову от протоколов допросов, когда в кабинет без стука ворвался Меландер. На него это было непохоже.

— Карл-Оке Эриксон-Стольт, — воскликнул Меландер, — помнишь его?

Мартин Бек на секундочку задумался.

— Ты имеешь в виду кочегара с «Дианы»? Это его так звали?

— Сейчас его зовут Эриксон. А два с половиной года назад его звали Эриксон-Стольт. Ему дали год за растление несовершеннолетней, девушке ещё не было тринадцати. Ну, вспомнил? Такой волосатый нахал, отвратительный тип.

— Погоди, кажется, вспоминаю. Ты уверен, что это он?

— Я проверил в главном управлении регистрации моряков. Это он, на все сто процентов.

— Я уже точно не помню, что в тот раз произошло. Он жил в Сундбюберге?

— В Хагалунде, у мамочки. Это произошло, когда мать была на работе. Сам он не работал. Пригласил к себе в квартиру дочь домовладельца. Ей еще не было тринадцати, а позднее оказалось, что у нее к тому же замедленное умственное развитие. Заставил ее пить алкоголь, думаю, смешал коньяк с соком. Когда она опьянела, пытался ее растлить.

— А ее родители об этом заявили, так?

— Да, и я этим занимался. На допросе он пытался оправдываться, утверждал, что думал, будто девушка уже взрослая и она сама хотела. В лучшем случае, она выглядела лет на одиннадцать, и для своего возраста была совершеннейшим ребенком. Мы отправили ее на обследование, и доктор сказал, что шок может оставить следы; чем все это для нее закончилось, не знаю. Эриксон получил год принудительных работ.

Мартин Бек похолодел внутри при мысли, что этот человек был на борту вместе с Розанной.

— Где он теперь?

На одном финском грузовом судне, под названием «Калайоки». Я выясню, где оно сейчас находится.

Как только за Меландером закрылась дверь, Мартин Бек поднял телефонную трубку и позвонил в Муталу.

— Надо на него поглядеть, — заявил Ольберг. — Позвони мне, как только узнаешь что-нибудь в судовой компании. Я приведу его даже в том случае, если мне лично придется за ним плыть. Второй кочегар тоже на каком-то судне, но я быстро его найду. Кроме того, надо будет еще раз побеседовать с механиком. Он уже не плавает, а работает в «Электролюксе».

Разговор закончился. Мартин Бек сидел, сложив руки на коленях, и раздумывал над тем, что нужно предпринять дальше. Наконец он вскочил и быстро поднялся по лестнице на верхний этаж.

Когда он вошел, Меландер как раз клал телефонную трубку. Колльберга в кабинете не было.

— Это судно, «Калайоки», сейчас идет из Хольмсунда. Послезавтра ночью будет в Сёдерхамне. Судовая компания подтвердила, что Эриксон находится на судне.

Мартин Бек вернулся в свой кабинет и снова позвонил в Муталу.

— Я возьму с собой еще одного человека и заеду за ним, — сказал Ольберг. — Позвоню тебе, как только мы вернемся.

Несколько секунд было тихо. Потом Ольберг сказал:

— Думаешь, это он?

— Не знаю. Это может быть обыкновенная случайность. Я видел его только один раз, причем было это больше двух лет назад — до того, как его осудили. Гнусный субъект.

Остаток рабочего дня Мартин Бек провел в кабинете. Он чувствовал, что совершенно не способен чем-либо заниматься, но, несмотря на это, ему удалось немного разобраться с текущими делами, накопившимися у него на столе. Он непрерывно думал о финском судне, идущем в Сёдерхамн. И о Розанне Макгроу.

Придя домой, он попробовал работать над своей моделью, но уже через минуту остался сидеть неподвижно, положив локти на стол и сцепив руки. Ему хотелось дождаться утреннего звонка Ольберга, но спать он все же пошел; спал он беспокойно и около пяти уже был на ногах.

Когда сквозь щель в двери с шуршанием упала утренняя газета, он уже успел побриться и одеться. Мартин Бек добрался до спортивной страницы, когда позвонил Ольберг.

— Ну, так мы его взяли. Строит из себя героя и не хочет говорить ни слова. Не могу утверждать, что он мне чересчур понравился. Да, я разговаривал с начальником. Он сказал,

что, если возникнет необходимость, я могу спросить тебя, не будешь ли ты столь любезен приехать и провести допрос. Думаю, такая необходимость есть.

Мартин Бек посмотрел на часы. Расписание поездов он знал уже почти наизусть.

— Хорошо, я еще успею на поезд в половине восьмого. До свидания.

Таксисту он велел ехать через Кристинеберг, а в кабинете взял с собой в дорогу папку с протоколами допросов и личными данными. За пять минут до отправления поезда он уже сидел в купе.

Карл-Оке Эриксон-Стольт родился в стокгольмском районе Катарина двадцать восемь лет назад. Отец умер, когда ему было шесть лет, а через год они с матерью переехали в Хагалунд. Сестер и братьев у него не было. Мать работала швеей-надомницей для фабрики пошива одежды. Воспитанием сына-школьника не занималась. Учителя о нем отзывались так: поведение посредственное, хулиган, неуправляем. Окончив школу, работал в самых разных местах, чаще всего посыльным и грузчиком. Когда ему исполнилось восемнадцать, ушел юнгой в море, потом работал кочегаром. Начальству о нем сказать нечего. Через год снова переехал к матери и жил у нее на иждивении, но в следующем году государство взяло его на свое обеспечение. В апреле прошлого года его выпустили из лонгхольменской тюрьмы.

Мартин Бек проштудировал протоколы допросов еще вчера, но сейчас снова внимательно их прочел. В папке также находилось заключение судебного психиатра. Заключение было заумным и, в основном, изобиловало словами: неуравновешенность, заторможенность, угнетенность. Кроме того, Эриксон-Стольт имел психопатические наклонности и высокоразвитую сексуальность: комбинация этих двух элементов могла стать причиной ненормальных поступков.

С вокзала Мартин Бек сразу отправился в полицейское управление и без десяти одиннадцать постучал в дверь кабинета Ольберга. У Ольберга сидел старший комиссар Ларссон, оба выглядели уставшими, измученными и, очевидно, почувствовали облегчение от того, что теперь могут передать это дело кому-то другому. Им не удалось вытянуть из Эриксона ни единого слова, кроме вялых ругательств.

Ольберг прочел личные данные. Когда он закрыл папку, Мартин Бек сказал:

— Второго кочегара ты нашел?

— И да, и нет. Он на немецком судне, которое сейчас находится в Голландии. Сегодня утром я звонил в Амстердам и беседовал с каким-то комиссаром, который немного знает немецкий. Ты бы только послушал, на каком немецком я с ним объяснялся. Если я правильно понял, у них в Гааге есть человек, который немного знает датский и кое-как сможет его допросить. Конечно, если они меня поняли. Рассчитываю, что завтра утром они дадут о себе знать.

Ольберг позвонил и попросил принести кофе. Выпив кофе, Мартин Бек встал и сказал:

— Ну, так я бы хотел сразу им заняться. Куда вы нас посадите?

— Можешь занять соседний кабинет. Там есть магнитофон и прочие необходимые вещи.

Эриксон выглядел примерно таким, каким его помнил Мартин Бек. Ростом сантиметров сто восемьдесят, худой, одни руки и ноги. Вытянутое лицо, синие глаза у самой переносицы, над ними длинные ресницы и прямые, густые брови. Длинный, прямой нос, маленький рот с узкими губами, выступающий вперед подбородок. Черные волосы сзади свисают через воротник, впереди надо лбом могучий кок. Длинные бакенбарды и узенькие черные усики, которых, если Мартин Бек не ошибался, раньше не было. Выглядел он вялым, голову втянул в плечи и сутулился. На нем были обтрепанные джинсы, синий шерстяной свитер, черная кожаная куртка и черные туфли с острыми носами.

— Присаживайтесь, — сказал Мартин Бек и кивнул в направлении стула у противоположного края стола. — Сигарету?

Эриксон взял сигарету, закурил и сел. Передвинул сигарету в угол рта, откинулся на стуле и перебросил правую ногу через левую. Пальцы засунул за пояс и, покачивая ногой, уставился на стенку над головой Мартина Бека.

Мартин Бек с минуту наблюдал за ним, потом включил магнитофон, стоящий рядом на низком столике, и начал читать вслух документ из скоросшивателя.

— Эриксон, Карл-Оке, родился двадцать третьего одиннадцатого тысяча девятьсот сорок первого. Моряк, последнее место работы — финский грузовой пароход «Калайоки». Адрес: Хагалунд, Сольна. Правильно?

Эриксон едва заметно кивнул.

— Я спросил: правильно? Данные верны? Отвечайте: да или нет.

Э.: Ну, да.

Б.: Когда вы нанялись на «Калайоки»?

Э.: Примерно четыре недели назад.

Б.: Что вы делали до этого?

Э.: Ничего особенного.

Б.: Где вы это делали?

Э.: Что?

Б.: Где вы жили, когда нанялись на финское судно?

Э.: У одного приятеля в Гётеборге.

Б.: Долго?

Э.: Пару дней. Максимум неделю.

Б.: А до этого?

Э.: У мамы.

Б.: Вы работали в то время?

Э.: Нет, я был болен.

Б.: Что с вами было?

Э.: Просто был болен. Вялость, температура.

Б.: Где вы работали до того, как заболели?

Э.: На одном судне.

Б.: Как оно называлось?

Э.: «Диана».

Б.: В чем заключались ваши обязанности на борту «Дианы»?

Э.: Я был там кочегаром.

Б.: Вы долго работали на «Диане»?

Э.: Все лето.

Б.: С?..

Э.: С первого июля до середины сентября. Этот пароход плавает только летом. С глупыми туристами. Скучища. Я бы оттуда сбежал, но приятель хотел остаться, да и деньги нам были нужны.

После этой тирады Эриксон еще больше откинулся на стуле, очевидно, до смерти измученный.

Б.: А кто он такой, ваш приятель? Что он делал на «Диане»?

Э.: Тоже был кочегаром. Нас было трое в машинном отделении: приятель, я и механик.

Б.: Вы были знакомы с другими членами команды?

Эриксон подался вперед и смял сигарету в пепельнице.

Э.: Послушайте, что это за перекрестный допрос? — небрежно обронил он и снова откинулся. — Я ничего не сделал. Человек находит приличное место, все в полном порядке, как вдруг приходит пара легавых…

Б.: Будете отвечать только на мои вопросы. Вы были знакомы с другими членами экипажа?

Э.: Сначала нет. Я знал только своего приятеля. Но потом кое с кем познакомился. Был там один парень что надо, работал на верхней палубе.

Б.: А с какими-нибудь девушками во время рейса вы знакомились?

Э.: Там была только одна, которая годилась для этого дела, но она спала с поваром. Все остальные были старухи.

Б.: А среди пассажиров?

Э.: Их мы не видели. Я вообще ни одной женщины там не видел.

Б.: В машинном отделении вас было трое. Вы работали посменно?

Э.: Да.

Б.: Не припоминаете, на пароходе летом происходило что-нибудь необычное?

Э.: Нет, а что там могло произойти?

Б.: Может быть, один из рейсов был не таким, как все? Возможно, у вас в машинном отделении были какие-то неполадки?

Э.: Ну да, правда. Лопнул паропровод. Пришлось причалить в Сёдерчёпинге и ремонтировать. Это заняло чертовски много времени. Но я не виноват.

Б.: Вы можете вспомнить, когда это случилось?

Э.: Если не ошибаюсь, где-то за Стегеборгом.

Б.: Я имею в виду, в какой день.

Э.: Бог его знает. Послушайте, что вам, собственно, нужно? Что это за болтовня? Может, вы считаете, я виноват в том, что у нас произошла авария? Ну так в тот день я не работал, лежал себе в постели и спал.

Б.: Но когда отправлялись из Сёдерчёпинга, вы ведь уже заступили на вахту, так?

Э.: Ну да, и до этого тоже. Нам пришлось пахать, как волам, всем троим, чтобы эта старая посудина могла плыть дальше. Мы всю ночь ее ремонтировали, а мне пришлось работать еще и на следующий день. Механику и мне.

Б.: Когда у вас был выходной?

Э.: На следующий день вечером, после того как мы отплыли из Сёдерчёпинга.

Б.: Что вы делали, когда у вас был выходной?

Эриксон устремил на Мартина Бека ничего не выражающий взгляд и молчал.

Б.: Что вы делали после того, как закончили в тот день работу?

Э.: Ничего.

Б.: Но ведь что-то вы должны были делать. Что же именно?

И снова пустой, наглый взгляд.

Б.: Где находился пароход, когда у вас был выходной?

Э.: Не имею понятия. Где-то на озере Роксен.

Б.: Что вы делали после работы?

Э.: Ничего, я ведь уже сказал.

Б.: Но ведь что-то вы должны были делать? Вы находились в чьем-то обществе?

Эриксон пригладил сальные волосы на затылке. Вид у него был такой, словно он умирает от скуки.

Б.: Подумайте. Что вы делали?

Э.: О Господи, да что все это значит? Неужели вы думаете, что на таком дурацком пароходе можно что-то делать? Играть в футбол, что ли? Да ведь мы же были посреди озера. Да на этой посудине не оставалось ничего делать, кроме как жрать и спать.

Б.: В тот день вы были не один?

Э.: Ага, с Брижит Бардо. Черт возьми, откуда мне знать, был я один или нет? Как я могу это помнить через столько месяцев?

Б.: Ну, хорошо, начнем сначала. Когда летом вы работали на пароходе «Диана», познакомились ли вы с каким-нибудь пассажиром или пассажирами?

Э.: Ни с какими пассажирами я не разговаривал. Кстати, команда не имеет права вступать в контакт с пассажирами. Но дело не в этом, мне просто не хотелось. Банда спесивых туристов. Чихать я на них хотел.

Б.: Как зовут вашего приятеля, который работал с вами на «Диане»?

Э.: А зачем вам? В чем, собственно, дело? Мы ведь ничего не сделали.

Б.: Как его зовут?

Э.: Роффе.

Б.: Имя и фамилия?

Э.: Роффе Шёберг.

Б.: Где он сейчас?

Э.: На каком-то немецком судне. А где оно, не знаю. По мне, так оно может быть хоть в Куала-Лумпуре.

Мартин Бек сдался. Он выключил магнитофон и встал. Эриксон медленно, с трудом начал подниматься со стула.

Сидеть! — гаркнул на него Мартин Бек. — Будете сидеть до тех пор, пока я не разрешу вам встать.

Он позвонил Ольбергу, и через пять секунд тот появился в дверях.

— Встаньте! — сказал Мартин Бек и вышел из кабинета.

Когда Ольберг вернулся к себе, Мартин Бек сидел за столом. Он посмотрел на Ольберга и пожал плечами.

— Пойду поем, — сказал он. — Потом сделаю еще одну попытку.

XV

На следующий день в половине девятого утра Мартин Бек распорядился привести Эриксона в третий раз. Допрос длился два часа, и результат был таким же ничтожным, как после двух попыток накануне.

Когда Эриксон вышел из кабинета, подгоняемый молоденьким полицейским, Мартин Бек переключил магнитофон на воспроизведение и позвал Ольберга. Запись они прослушали молча, лишь иногда Мартин Бек нарушал молчание краткими междометиями.

Спустя несколько часов они снова сидели в кабинете Ольберга.

— Это не он, — сказал Мартин Бек. — Я в этом почти уверен. Во-первых, он не настолько ловок, чтобы притворяться. Он просто-напросто не понимает, что нам нужно. Думаю, что он нас не обманывает.

— Возможно, ты окажешься прав, — сказал Ольберг.

— И во-вторых, кое-что мне подсказывает так называемый здравый смысл и есть то, в чем я убежден. Мы ведь уже немного знаем о Розанне, так?

Ольберг кивнул.

— Так вот, я не могу себе представить, что она по собственной воле согласилась иметь что-то с Карл-Оке Эриксоном.

— Да, ты прав. Ей это нравилось, но далеко не с каждым. Но кто сказал, что она сделала это по своей воле?

— Я говорю. Так должно было произойти. Просто она там с кем-то познакомилась и ей захотелось с ним переспать, а когда потом она поняла, что сделала ошибку, было уже поздно. Но это был не Карл-Оке Эриксон.

— Так-то оно так, но ведь все могло быть иначе, — задиристо возразил Ольберг.

— Но как? В той маленькой каютке? Думаешь, кто-то туда ворвался и бросился на нее? Она бы сопротивлялась, кричала от страха, кто-нибудь должен был ее услышать.

— Он мог угрожать ей. Ножом или пистолетом.

Мартин Бек посмотрел на Ольберга и кивнул, затем быстро встал и подошел к окну. Ольберг не сводил с него взгляда.

— Что будем делать с ним? — спросил Ольберг. — Долго держать его здесь я не могу.

— Поговорю с ним еще раз. Думаю, он действительно не знает, почему находится здесь. Но теперь он об этом узнает.

Ольберг встал, надел пиджак и вышел.

Мартин Бек несколько минут сидел в задумчивости, потом позвонил, чтобы к нему привели Эриксона, взял папку и перебрался в соседний кабинет.

— О Господи, так что же все это значит? — начал Эриксон. — Я ничего не сделал. Вы не имеете права меня здесь держать, если я ничего не сделал. Черт бы…

— Молчите, покуда я не разрешу вам говорить. Будете отвечать на мои вопросы и больше ничего, — оборвал его Мартин Бек.

Он взял отретушированное фото Розанны Макгроу и показал его Эриксону.

— Вы знаете эту женщину?

— Нет, — заявил Эриксон. — А что это за кошечка?

— Хорошенько посмотрите на фотографию, прежде чем ответить. Вы когда-нибудь видели эту женщину?

— Нет.

— Вы в этом абсолютно уверены? Эриксон облокотился на спинку стула и теребил указательным пальцем верхнюю губу.

— Да. Никогда в жизни ее не видел.

— Розанна Макгроу. Вам говорит что-нибудь это имя?

— Ну и имя. Наверное, какая-то актрисочка, а?

— Вы слышали когда-нибудь имя Розанна Макгроу?

— Нет.

— Ну так я вам кое-что расскажу. Женщину на этой фотографии зовут Розанна Макгроу. Она была американкой и путешествовала на борту парохода «Диана» рейсом третьего июля текущего года из Стокгольма. В этом рейсе у «Дианы» был почти целый день опоздании, сначала из-за тумана к югу от Окселёсунда, а потом из-за поломки в машине. Когда пароход «Диана» почти с десятичасовым опозданием пришел в Гётеборг, Розанны Макгроу на борту не было. В ночь с четвертого на пятое июля она была убита, а через три дня ее тело обнаружили у причала вблизи буренсхультских шлюзов.

Эриксон внезапно выпрямился на стуле, словно его ударили. Он судорожно сжимал спинку стула, левый уголок рта у него дергался.

— Так вот почему? Вы думаете, что я… Он зажал ладони между колен и подался вперед так, что его подбородок оказался почти на столе. Мартин Бек видел, что у него побелел кончик носа.

— Я никого не убивал! Я никогда в жизни ее не видел! Клянусь!

Мартин Бек ничего не говорил. Он не сводил взгляда с лица сидящего перед ним мужчины и видел, как у того в тупых, выпученных глазах растут неуверенность и ужас.

Когда он заговорил, его голос звучал сухо и бесцветно.

— Где вы были и что делали вечером четвертого июля и в ночь с четвертого на пятое июля?

— Я был в своей каюте. Клянусь! Лежал и спал! Я ничего не сделал! Эту девушку я никогда в жизни не видел. Не видел!

Голос его сбился на фальцет, он безвольно откинулся на спинку стула, взметнул правую руку к губам и принялся грызть сустав указательного пальца, не сводя при этом глаз с фотографии перед собой. Он сдвинул брови, в его голосе было напряжение и истерика.

— Вы хотите меня подловить. Думаете, я не способен сообразить? Этой девушкой вы хотите меня запутать. Вы говорили с Роффе, и он вам сказал, что это сделал я, вот свинья. Выдал меня, свинья. Но это сделал он, а я не виноват. Правда. Я ничего не сделал. Роффе вам сказал, что это был я? Он это сказал?

Мартин Бек по-прежнему упрямо смотрел ему в лицо.

— Дьявол, это он сорвал замок и обчистил ту кассу. Он подался вперед и начал говорить торопливо и сбивчиво. Слова лились из него водопадом.

— Он заставил меня пойти с ним. Он это и раньше делал. Он все придумал сам, он и только он. Я не хотел. Я сказал ему об этом. Это подсудное дело, сказал я, не пойду. Но он заставил меня, гнида. А теперь донес, свинья…

— Ну, хорошо, — сказал Мартин Бек. — Роффе донес. Теперь я хочу услышать об этом от тебя.

Спустя час он уже прослушивал запись вместе с Ларссоном и Ольбергом. Это было прекрасное описание кражи со взломом, которую Карл-Оке Эриксон и Роффе Шёберг совершили в одной автомастерской в Гётеборге несколько недель назад.

Когда Ларссон пошел звонить в гётеборгскую полицию, Ольберг сказал:

— По крайней мере, какое-то время будем знать, где он находится. — Он молча барабанил пальцами по столу. — Итак, остается допросить всего лишь пятьдесят человек, — сказал он. — Конечно, если придерживаться версии, что преступника нужно искать среди пассажиров.

— Некоторых можно сразу исключить. Над этим сейчас работают Колльберг с Меландером. Они буквально завалены материалами. Меландер объявляет себя сторонником метода исключения и подозревает всех, включая маленьких детей и древних старушек.

Мартин Бек замолчал и посмотрел на Ольберга, который сидел перед ним понурив голову и изучал собственные ногти. Он выглядел таким же удрученным, каким был Мартин Бек, когда понял, что допрос Эриксона ничего не даст.

— Ты разочарован? — спросил он.

— Честно говоря, да. Я уже было подумал, что мы в конце пути, а оказалось, что до финиша по-прежнему далеко.

— На один шажок вперед мы все же продвинулись. Благодаря Кафке.

Зазвонил телефон, Ольберг взял трубку. Он долго прижимал ее к уху и ничего не говорил. Потом вдруг закричал:

— Ja, ja, ich bin hier. Ahlberg hier.[9] Амстердам, — сказал он Мартину Беку; тот деликатно вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

Он мыл руки и приговаривал: „An, auf, ausser, hinter, in, neben, uber, unter, vor, zwischen".[10] Это вызывало у него воспоминания о сладковатом воздухе в классе много лет назад, о круглом столе с зеленой скатертью и старой учительнице с потрепанной немецкой грамматикой в пухлых руках. Когда он вернулся, Ольберг как раз закончил разговор.

— Неприятное дело, — объявил он. — Шёберга нет на судне. Он нанялся в Гётеборге, но на судно не явился. Сообщим в Гётеборг, пусть они им займутся.

В поезде Мартин Бек уснул. Проснулся он только тогда, когда поезд остановился на Главном вокзале, но окончательно пришел в себя дома в Багармуссене, улегшись в постель.

XVI

Без десяти пять Меландер затюкал в дверь. Он стучал пять секунд, потом в дверях появилось его вытянутое, узкое, меланхоличное лицо со словами:

— Ну, так я пойду домой. Можно?

Вопрос был совершенно лишним, тем не менее эта процедура повторялась ежедневно. Впрочем, ему ни разу не пришло в голову доложить утром, что он пришел.

— Ты ведь знаешь, что можно, — сказал Мартин Бек. — До свидания. — И через мгновение добавил: — Спасибо.

Мартин Бек сидел за столом и слушал, как постепенно затихает рабочий день. Сначала умолкли телефоны, потом пишущие машинки, понемногу исчезали голоса и звуки шагов в коридорах.

В половине шестого он позвонил домой.

— Нам подождать с ужином?

— Нет, нет, ешьте.

— Ты придешь позже?

— Не знаю, наверное.

— Ты уже целую вечность не видел детей.

Несомненно, с тех пор как он их видел и слышал, прошло не больше девяти часов и она знает это так же хорошо, как он.

— Мартин?

— Да?

— У тебя грустный голос. Какие-то неприятности?

— Нет, нет. Просто много работы.

— И больше ничего?

— Нет.

Она была такой, как всегда. Несколько банальных фраз, и разговор закончен. Он рассеянно сидел с трубкой в руке и слышал, как она положила свою. Щелчок, абсолютная тишина, словно она внезапно оказалась в тысяче миль от него. Уже много лет они толком не разговаривали.

Он наморщил лоб, тяжело вздохнул и окинул взглядом бумаги на столе. Каждая из них рассказывала ему что-нибудь о Розанне Макгроу, о последних днях ее жизни. В этом он был уверен, хотя они вообще ничего не говорили.

Бессмысленно было перечитывать их еще раз, но именно это он сейчас сделает. Через минуту этим займется.

Мартин Бек протянул руку за сигаретой, но пачка была пуста. Он бросил ее в корзину для бумаг и порылся в карманах в поисках другой. Последние недели он курил вдвое больше

чем обычно. Очевидно, все запасы уже кончились, потому что в кармане он нашел единственный предмет и сразу не смог вспомнить, что это такое.

Этим посторонним предметом была открытка, которую он купил в Мутале, в табачной лавке. На ней был вид на буренсхультские шлюзы сверху. На заднем плане виднелось озеро и волнолом, а прямо перед объективом двое мужчин открывали ворота шлюза пароходу, переходящему в верхний шлюз. Вероятно, это была старая фотография, потому что пароход, изображенный на ней, уже не существовал. Он назывался «Астрея» и наверняка давно был принесен в жертву пилам и автогену, превратившись в лом.

Безусловно, специалист по фотографическим открыткам фирмы «Алмквистер и Кестер» посетил Муталу летом. Мартин Бек внезапно вспомнил свежий, кисловатый аромат цветов и запах влажной травы.

Он выдвинул ящик и взял лупу, похожую на совок, с батарейками в рукоятке. Нажал кнопку, и открытку осветила лампочка в два с половиной ватта. Фотография была качественная, он четко различил капитана на мостике в кормовой части палубы и нескольких пассажиров, стоящих у борта. В передней части судна громоздилась куча товара — еще один штрих, свидетельствующий, что фотография сделана давно.

Он как раз передвинул поле зрения на полсантиметра вправо, когда Колльберг бухнул кулаком в дверь и ввалился неожиданно, как гром на рождество.

— Ага, испугался?

— До смерти, — сказал Мартин Бек и почувствовал, что сердце у него никак не хочет войти в нормальный ритм.

— Ты еще не ушел?

— Конечно, ушел. Сижу на втором этаже в Багармуссене и ем сосиску.

— Кстати, известно ли тебе, как ребята из полиции нравов называют эту вещицу? — спросил Колльберг и показал на лупу с ручкой.

— Нет.

— Детектор невинности Мария-Луиза.

— Гм.

— А почему бы и нет? Точно так же ее можно назвать лопаточкой для тортов «Юхан» или еще как угодно. Слышал последние новости торговли?

— Нет.

— При покупке машинки для подсчета банкнот «Маркус» вы получите дополнительно апельсиновое пирожное «Аякс».

— Так купи ее, черт возьми.

— Для того, чтобы сосчитать те десять крон, которые у меня остались? Кстати, когда у нас будет зарплата?

— Наверное, завтра. По крайней мере, надеюсь.

Колльберг бухнулся в кресло для посетителей.

— А лошадка все едет и едет, — вздохнул он.

— И никуда не доедет, — закончил Мартин Бек. Они немного посидели молча. Фразами они обменялись чисто автоматически, при этом ни один, ни другой даже не пытались делать вид, что их это развлекает. Наконец Колльберг сказал:

— Так значит, тот негодяй, которого ты ездил допрашивать, здесь ни при чем?

— Это был не он.

— У тебя есть доказательства?

— Нет.

— Стало быть, интуиция?

— Да.

— Мне этого достаточно. В конце концов есть же какая-то разница между растлением пьяной двенадцатилетней девочки и убийством на сексуальной почве взрослой женщины.

— Есть.

— Кроме того, Эриксон никогда бы не смог ей понравиться. Конечно, если я правильно понял Кафку.

— Да, — подтвердил Мартин Бек, — она не стала бы с ним этим заниматься.

— А тот, в Мутале? Разочарован?

— Ольберг? Да, немножко. Но он упрямый. Кстати, что сказал Меландер?

— Ничего. Я этого психа знаю еще с тех пор, когда мы были в оперативной службе, и за все это время его прорвало лишь однажды, когда ввели карточки на табак.

Колльберг достал блокнот в черном переплете и глубокомысленно пролистал его.

— Когда ты уехал, я прочел все материалы еще раз и решился сделать такое маленькое резюме.

— Да…

— Я, например, задал себе вопрос, который завтра нам наверняка задаст Хаммар: что, собственно, нам известно?

— И что же ты ответил?

— Секундочку. Будет лучше, если ответишь ты. Что мы знаем о Розанне Макгроу?

— Многое — благодаря Кафке.

— Верно. Я бы даже решился сказать, что мы знаем о ней все. Далее: что нам известно об убийстве?

— Мы знаем, когда было совершено преступление. Более или менее знаем, где и как это произошло.

— Мы действительно знаем, где это произошло?

Мартин Бек забарабанил пальцами по столу, потом сказал:

— Да. На экскурсионном пароходе «Диана» в каюте номер А7.

— Группа крови действительно совпадает, но для ареста этого недостаточно.

— Нет, но мы это знаем, — уверенно сказал Мартин Бек.

— Хорошо. Предположим, мы это знаем. Когда же это произошло?

— Вечером четвертого июля. Когда стемнело. В любом случае, после ужина, а он закончился в восемь часов. Примерно между девятью и двенадцатью.

— Как? Ну, об этом мы можем судить по результатам вскрытия. Можем также исходить из того, что она разделась сама. Добровольно. Либо, возможно, под угрозой насилия, но это не слишком правдоподобно.

— Нет.

— И наконец: что мы знаем о преступнике?

Через двадцать секунд Колльберг ответил сам:

— То, что он садист и сексуальный маньяк.

— То, что он мужчина, — добавил Мартин Бек.

— Да, почти наверняка. И то, что он сильный. Розанна Макгроу вовсе не была карликом. Мы знаем, что он был на «Диане».

— Да, если, конечно, исходить из того, что все наши предположения верны.

— И что он должен относиться к одной из двух категорий: пассажир или кто-то из команды.

— Мы это точно знаем?

В кабинете стало тихо. Мартин Бек кончиками пальцев перебирал волосы. Наконец он сказал:

— В противном случае это было бы невозможно.

— В самом деле невозможно?

— Нет.

— Ну, хорошо, скажем, мы это знаем. С другой стороны, мы не имеем ни малейшего понятия о том, как он выглядит и где живет. У нас нет отпечатков пальцев, нет вообще ничего, что могло бы иметь отношение к этому убийству. Нам неизвестно, был ли он знаком с Розанной Макгроу раньше, и, естественно, неизвестно, откуда он приехал, что с ним случилось потом и где он находится в настоящий момент. — Все это Колльберг уже говорил серьезным тоном. — Мы знаем чертовски мало, Мартин, — продолжал он. — Разве мы можем быть уверены на сто процентов, что Розанна Макгроу не доехала в полном порядке до Гётеборга? Тебе не приходило в голову, что так могло быть? Что кто-то убил ее позже, тот, кто знал, откуда она приехала, и кто потом отвез труп обратно в Муталу и бросил его в озеро?

— Я тоже об этом думал. Но это бессмысленно, так не бывает.

— Покуда у нас не будет купонов на питание за весь рейс, мы должны учитывать и такую теоретическую возможность. Даже если это противоречит здравому смыслу. И даже если бы нам удалось доказать, что до Гётеборга она действительно не доехала, остается все же еще одна возможность, а именно: в Буренсхульте она сошла на берег, когда пароход стоял в шлюзовой камере, и на нее напал какой-то сумасшедший, который прятался в кустах.

— В таком случае мы там наверняка что-нибудь обнаружили бы.

— Наверняка, наверняка, не знаю. В этом деле столько материалов, что можно рехнуться. Черт возьми, ну как эта женщина могла исчезнуть посреди рейса и никто ничего не заметил? Даже горничная или официантка в столовой?

— Тот, кто ее убил, наверняка был на пароходе. Он убрал каюту, и там все выглядело нормально. В конце концов, речь шла только об одной ночи.

— А куда исчезло покрывало? А одеяло? Да ведь все это должно было быть залито кровью. Не мог же он, черт побери, там стирать. А если все бросил в воду, то где взял чистое постельное белье?

— Много крови там не было, по крайней мере, так утверждал прозектор. А если убийца ориентировался на судне, он мог очень легко принести со склада чистое белье.

— Ты считаешь, что пассажир может настолько хорошо ориентироваться на пароходе? И что при этом никто ничего не заметил?

— Это неудивительно. Ты когда-нибудь был на таком пароходе ночью?

— Нет.

— Все спят. Абсолютно тихо и пусто, нигде ни души. Практически все не заперто. Когда пароход проплывал по озеру Веттерн между полуночью и рассветом, на борту бодрствовали лишь три человека, причем они несли вахту — двое в рулевой рубке и один в машинном отделении.

— Но ведь должен же был кто-нибудь заметить, что в Гётеборге она не сошла на берег!

— После прибытия можно не соблюдать никаких формальностей. Пароход еще только приближается к порту, а пассажиры уже собирают свой багаж и толпятся у выхода, и, как

только судно причалит, стремглав бегут на берег. Не забывай, что пароход опоздал, так что все спешили. Кроме того, они причалили, когда еще было темно.

Мартин Бек договорил и молча глядел в стену.

— Больше всего меня поражает то, что пассажиры и соседней каюте ничего не заметили.

— Ну, это я могу тебе объяснить. Я узнал об этом меньше двух часов назад. В каюте А3 находилась какая-то супружеская пара из Голландии. Им обоим за семьдесят и оба они глухие, как пни.

Колльберг полистал блокнот и взъерошил волосы.

— Наша так называемая версия того, как произошло преступление, основана главным образом на логических предположениях и психологических заключениях. С убедительными доказательствами дело обстоит хуже. Пока придется придерживаться этой версии, какой бы она ни была, потому что другой у нас нет. А сейчас давай посмотрим, что у нас получается со статистикой, не возражаешь?

Мартин Бек откинулся на стуле и скрестил руки на груди.

— Давай, — кивнул он.

— У нас имеются фамилии восьмидесяти шести человек, которые находились на пароходе. Шестьдесят восемь пассажиров и восемнадцать членов команды. Далее, нам удалось выяснить местожительство или разными способами вступить в контакт со всеми, кроме одиннадцати человек. Но даже у этих одиннадцати нам известна национальность, пол, а у троих и возраст. Воспользуемся теперь методом исключения: во-первых, исключим Розанну Макгроу. Остается восемьдесят пять. Далее, все женщины, восемь из команды и тридцать семь пассажирок. Остается сорок, в том числе четыре ребенка до десяти лет и семь стариков за семьдесят. Остается двадцать девять. Далее, капитан и член команды, стоящий в ту ночь у руля. Они несли вахту с двадцати ноль-ноль до полуночи и имеют алиби. Трудно предположить, что у них было время прогуляться по пароходу и от нечего делать совершить убийство. Если же говорить о персонале машинного отделения, то такой уверенности нет. Ну, в любом случае имеем минус два. Остается двадцать семь мужчин в возрасте от четырнадцати до шестидесяти восьми лет. Двенадцать шведов, в том числе семь членов команды, пять американцев, три немца, один датчанин, один южноафриканец, один француз, один англичанин, один шотландец, один турок и один голландец.

География просто ужасает. Один из американцев живет в Орегоне, другой — в Техасе, англичанин из Нассау на Багамских островах, южноафриканец живет в Дурбане, а турок — в Анкаре. Тот, кто будет их допрашивать, получит истинное наслаждение. Адреса четырех из этих двадцати семи пока установить не удалось: одного датчанина и трех шведов. Нам также не удалось выяснить, был ли кто-либо из пассажиров на пароходе не в первый раз, хотя Меландер проштудировал списки пассажиров за последние двадцать пять лет. По моему личному мнению, никто из них не был там повторно.

В одноместных каютах жили только четверо, остальные были более или менее на виду у тех, с кем делили каюту. Никто из них не знал судно настолько хорошо, чтобы это проделать. Теперь у нас остается восемь членов команды, рулевой, те два кочегара, повар и один матрос. Механика мы исключили: он относится к старшей возрастной группе. По моему мнению, никто из них этого не делал. В команде друг о друге все хорошо знают, кроме того, по-видимому, их возможности сблизиться с пассажирами весьма ограничены.

Значит, по моей версии, никто не убивал Розанну Макгроу. А это, конечно, не так. Мои версии всегда никуда не годятся. Сплошные неприятности от того, что человек слишком много думает. — Колльберг немного помолчал и добавил: — Если, конечно, этот отвратительный Эриксон… просто счастье, что тебе удалось его хотя бы на чем-то взять. Эй, да ты вообще-то слушаешь меня? Ты понял, что я тебе здесь излагал?

— Понял, — с отсутствующим видом ответил Мартин Бек. — Да, ты ведь знаешь.

Это была правда. Он действительно слушал. Но последние десять минут голос Колльберга удалялся от него все дальше и дальше. В голове у него промелькнули две совершенно разные мысли. Одна из них ассоциировалась с чем-то давно слышанным, она тут же упала на самое дно его памяти, где лежали забытые или не до конца обдуманные мысли. Другая мысль… Это была совершенно конкретная идея нового и, как ему показалось, реального плана дальнейших действий.

— Она должна была познакомиться с кем-нибудь на пароходе, — пробормотал он, как бы про себя.

— Если, конечно, это не было самоубийство, — произнес Колльберг со слабой претензией на иронию.

— С кем-нибудь, кто вообще не собирался ее убивать, по крайней мере, не с самого начала, и у кого вовсе не было поэтому необходимости прятаться…

— Конечно, мы ведь так и думали, но к чему это нам, если…

У Мартина Бека стояла перед глазами картинка яркого солнечного июльского дня в Мутале. Отталкивающая «Юнона», подплывающая к причалу у шлюзов.

Он выпрямил спину, взял в руки старую открытку и посмотрел на нее.

— Леннарт, — сказал он, — сколько фотоаппаратов щелкало там тогда, как ты думаешь? Не меньше двадцати пяти, а скорее всего, тридцать или сорок. В каждой шлюзовой камере кто-нибудь сходил на берег и фотографировал пароход и оставшихся пассажиров. Теперь эти фотографии уже находятся в двадцати-тридцати семейных альбомах. Самые разнообразные фотографии, первые, сделанные на набережной в Стокгольме перед отплытием, последние, вероятно, в Гётеборге. Ну, пусть примерно двадцать человек сделали за те три дня по тридцать снимков. Если мы угадали, получается по одной пленке на человека. Кроме того, там, наверняка, некоторые снимали кинофильмы. Леннарт, должно быть около шестисот фотографий… понимаешь! Шестьсот фотоснимков, а возможно, и тысяча.

— Да, — не сразу ответил Колльберг. — Я понял.

XVII

— Нам предстоит кошмарная работа, — сказал Мартин Бек.

— Хуже того, что мы делали до сих пор, быть не может, — заявил Колльберг.

— Возможно, это идея глупая. Может, я ошибаюсь и это совершеннейшая чушь.

В подобную игру они уже играли много раз. Мартин Бек сомневался и нуждался в чьей-либо поддержке. Он наперед знал, что услышит в ответ, а также знал, что Колльбергу известно, что он это знает. И все же ритуал каждый раз неуклонно соблюдался.

— Нам это обязательно что-нибудь даст, — упрямо твердил Колльберг. Подумал и добавил: — Кроме того, скоро мы станем частично безработными, так как уже установили всех, кроме нескольких человек, и с большинством вступили в контакт.

Убеждать Колльберг умел. В этом деле он был специалистом.

— Который час? — спросил Мартин Бек.

— Десять минут восьмого.

— Кто-нибудь из них живет поблизости?

Колльберг углубился в свой блокнот.

— Ближе чем ты думаешь, — заявил он. — На Нормеларстранд, какой-то полковник в отставке с супругой.

— Кто у них был? Ты?

— Нет, Меландер. Сказал, достойные люди.

— И больше ничего?

— Нет.

Асфальт был влажный, блестящий и скользкий. Коллъберг со злостью выругался, когда задние колеса занесло при круговом движении по Линдхагенсплан. Через три минуты они уже приехали.

Им открыла супруга полковника.

— Аксель, два господина из полиции, — крикнула она в направлении комнаты.

— Пусть войдут, — прогремел господин полковник. — Или ты думаешь, я выйду к ним в коридор?

Мартин Бек стряхнул дождевые капли со шляпы и проскользнул внутрь. Колльберг с показной тщательностью вытирал подошвы на коврике.

— Прекрасная погода для маневров, — загрохотал полковник. — Надеюсь, вы извините, если я не буду вставать.

На столике перед ним лежали костяшки домино, стояли пузатенький коньячный бокал и бутылка «Реми Мартен». В двух метрах дальше светился экран телевизора, по комнате разносились оглушительные звуки какого-то эпизода многосерийного телефильма о повседневной жизни семейства Джетсонов, который и при нормальном звуке нелегко было вынести.

— Погода для маневров, ха-ха! Коньяк, господа? Лучшее лекарство.

— Я за рулем, — похоронным голосом произнес Колльберг, не сводя глаз с бутылки.

Прошло секунд десять, прежде чем в Мартине Беке победило чувство солидарности. Он вышел из оцепенения и отрицательно покачал головой.

— Говори ты, — пробормотал он Колльбергу.

— Ну? — зарычал полковник.

Мартин Бек ухитрился выдавить из себя улыбку и сделал оправдательный жест. Попытка вступить в разговор вывела бы из строя его голосовые связки минимум на неделю, в этом он не сомневался. Беседа продолжалась.

— Фотографии? Нет, мы уже не фотографируем. Я плохо вижу, а Аксель каждый раз забывает перевести кадр. Тот воспитанный юноша, который был здесь две недели назад, тоже нас об этом спрашивал. Очень милый молодой человек.

Мартин Бек и Колльберг быстро обменялись взглядами, причем не только потому, что удивились как супруга полковника описала Меландера.

— Просто удивительно, — гремел полковник. — Майор Йенш… ах, да, вы ведь не знаете, кто такой майор Йенш. Во время рейса мы сидели с ним и с его супругой за одним столом. Он офицер-интендант, прекрасный человек. Мы одного возраста, но неудачный конец восточной кампании испортил ему карьеру. Сами знаете, во время войны у них от продовольственных запасов буквально полки ломились, но после войны им, беднягам, пришлось трудно. Ну, конечно, Йеншу было не так уж и плохо, ведь он служил в интендантстве, а такие люди во время восстановления экономики на вес золота. Он стал управляющим продовольственной фирмы в Оснабрюке, если мне не изменяет память. Так что нам было о чем поговорить — столько общего, время пролетало просто незаметно. Майор Йенш во время войны много повидал. Да, много. Девять месяцев или одиннадцать он был офицером связи в Голубой дивизии. Голубая дивизия — знаете? Испанские элитные войска, которые Франко послал против большевиков. Должен сказать, что мы здесь у нас привыкли смотреть на итальянцев, испанцев, греков… гм, смотреть немного свысока, но должен сказать, ребята из Голубой дивизии свое дело знали…

Мартин Бек повернулся и с отчаянием уставился на экран телевизора, где в этот момент показывали репортаж как минимум месячной давности об уборке сахарной свеклы в Сконе. Внимание супруги полковника тоже было приковано к экрану, казалось, эта достойная женщина забыла обо всем, что происходит вокруг.

— Да, конечно, — прокричал Колльберг. Потом он глубоко вздохнул и продолжил с удивительной силой и целенаправленностью:

Господин полковник, вы только что упомянули о фотографировании. Просто удивительно…

Примерно минуту длилась уборка сахарной свеклы в Сконе. Она прекрасно успокаивала нервы.

— Простите? Ах, да, я хотел сказать: просто удивительно, но майор Йенш был настоящим гением в области фотографии. Хотя видит и слышит ненамного лучше нас. Он фотографировал с утра до вечера, а пару дней назад прислал нам бандероль с фотографиями, сделанными во время путешествия. Очень любезно с его стороны, наверняка ему пришлось заплатить несколько марок. Красивые фотографии. Такие же прекрасные, как и воспоминания, да.

Мартин Бек встал и приглушил звук телевизора. Он сделал это рефлекторно, для самозащиты, и сразу даже не сообразил, что делает. Фру полковник с недоумением посмотрела на него.

— Простите? Ах, да, естественно. Котик, принеси, пожалуйста, фотографии, которые мы получили из Германии. Я хочу показать их господам.

Мартин Бек хмуро наблюдал, как женщина по имени Котик с трудом поднимается из кресла у телевизора.

Фотографии были цветные, размерами 12x12. Они лежали в пакете, всего штук пятнадцать. Полковник сидел на диване и придерживал их большим и уаазательным пальцами левой руки. Мартин Бек и Колльберг заглядывали ему через плечо, каждый со своей стороны.

— Вот это мы, вот это фрау Йенш, это моя жена… а это я. Это снимок капитанского мостика. Видите, я разговариваю с капитаном. А это… к сожалению, глаза никуда не годятся… будь добра, подай мне лупу.

Полковник долго и тщательно протирал лупу, прежде чем продолжить.

— Ага, верно, это майор Йенш, это я с женой… этот снимок, наверное, делала фрау Йенш, поэтому он немного не в фокусе. Это снова мы, но с другой точки, если не ошибаюсь. Ага… момент… вот дама, с которой я разговариваю, ее звали фрау Либенайнер, тоже немка. Она сидела с нами за столом, очень симпатичная и достойная дама, но, к сожалению, уже в возрасте. У нее погиб муж под Эль-Аламейном.

Мартин Бек прищурился и увидел пожилую толстую женщину в цветастом платье и розовой шляпе. Она стояла выпрямившись и высоко вскинув голову у одной из спасательных шлюпок, с чашечкой кофе в одной руке и с куском торта в другой.

Просмотр продолжался. Сюжеты были несколько однообразные. У Мартина Бека начала болеть поясница. Как выглядит фрау Йенш из Оснабрюка он уже знал до мельчайших подробностей.

На столешнице из красного дерева перед полковником лежала последняя фотография. Это был один из тех снимков, наличие которых предсказывал Мартин Бек: «Диана» с кормы у Риддархольменской набережной в Стокгольме, на заднем плане контролеры и два такси, которые, очевидно, только что остановились у трапа.

Снимок, вероятно, сделали в последние минуты перед отплытием, потому что на палубе уже было много народу. На корме у первой спасательной шлюпки позировала фрау майорша

Йенш из Оснабрюка. Прямо под ней стояла Розанна Макгроу. Она наклонилась вперед, облокотилась на поручни и слегка расставила ноги. На ней было широкое желтое платье на бретельках, босоножки и темные очки. Мартин Бек подался вперед и попытался различить, кто стоит рядом с ней. Одновременно он услышал, как Колльберг тихонько присвистнул.

— Да, да, да, — невозмутимо продолжал господин полковник. — Это пароход на острове Риддархольмен, это башня ратуши, ну да. А на верхней палубе Хильдегард Йенш. Тогда мы еще не были знакомы. Ах, да, просто удивительно, вот эта девушка несколько раз сидела за нашим столом. Думаю, она была из Голландии или Англии. Потом ее пересадили за другой стол, чтобы нам, старикам, было просторнее.

Могучий указательный палец с белыми волосками, кажущимися огромными под лупой, остановился на женщине в босоножках и мешковидном желтом платье.

Мартин Бек набрал воздуха в легкие и хотел что-то сказать, но Колльберг опередил его.

— Простите? — сказал полковник. — Уверен ли я в этом? Конечно, уверен. Она четыре-пять раз сидела за нашим столом. Насколько я помню, она ни разу не произнесла ни слова.

— Но…

— Да, ваш коллега уже показывал мне какие-то фотографии, но, понимаете, я не запомнил ее лица. Скорее, платье. Честно говоря, я запомнил даже не платье, да.

Он повернулся к Мартину Беку и больно ткнул его могучим указательным пальцем в грудь.

— Скорее, декольте, — сказал он громоподобным шепотом.

XVIII

Было четверть двенадцатого, когда они снова сидели в управлении, в Кристинеберге. Ветер усилился, струи дождя били прямо по оконным стеклам.

Перед Мартином Беком лежало двадцать фотографий. Девятнадцать он отодвинул в сторону и теперь уже, наверное, в пятнадцатый раз рассматривал при свете лупы Розанну Макгроу. Она выглядела точно так, как он всегда ее себе представлял. Она выглядела живой и здоровой, ленивой и беззаботной, смотрела вверх, очевидно, на шпиль риддархольменской кирхи. Ей оставалось жить тридцать шесть часов. Слева от нее была открыта дверь в каюту А7, но о том, что было внутри, фотография ничего не говорила.

— Ты понимаешь, что нам сегодня повезло? — сказал Колльбсрг. — Впервые за все время, пока мы занимаемся этим делом. Раньше или позже человеку всегда должно везти. Правда, на этот раз повезло немного поздновато.

— И все-таки нам не повезло.

— Потому что ее сунули за стол к двум глухим дедам и трем полуслепым старухам? Это не невезение, это закон подлости. А я иду спать. Отвезу тебя домой. Или, может, ты предпочитаешь общественный транспорт?

— Прежде всего мы должны послать телеграмму Кафке. Письма можно оставить до утра.

Через полчаса они уже были готовы. Колльберг вел машину сквозь сильный дождь быстро, рывками, но Мартин Бек не реагировал, хотя обычно ему становилось нехорошо в автомобиле. За всю дорогу они и словом не обмолвились, только перед входом у дома в Багармуссене Колльберг встрепенулся и заметил:

— Ну вот, сейчас ляжем и будем об этом думать. Спокойной ночи.

В квартире было темно и тихо, но, проходя мимо комнаты дочери, Мартин Бек услышал приглушенный звук ночного радиоконцерта поп-музыки. Наверное, лежит с приемником под подушкой. Сам он в этом возрасте читал романы обо всем, что имело какое-то отношение к морю и кораблям, и подсвечивал себе под одеялом карманным фонариком.

На кухонном столе был хлеб, масло и сыр. Он намазал маслом горбушку и поискал в холодильнике пиво. Пива не было. Свой скромный ужин он съел стоя у кухонного стола и запил половинкой стакана молока.

После ужина он перебрался в спальню и очень осторожно лег. Жена наполовину проснулась и попыталась что-то сказать. Он тихо лежал на спине, задержав дыхание, и, дождавшись пока она снова начала мерно посапывать, расслабился, закрыл глаза, стал думать.

Розанна Макгроу была уже на первых стокгольмских снимках. Кроме нее, на фотографиях можно было опознать еще пять человек: два офицера в отставке, их жены и вдова Либенайнер. Можно наверняка рассчитывать, что им пришлют двадцать пять-тридцать серий фотоснимков, многие из них будут большего размера, чем те, которые он только что видел. Нужно будет просмотреть все негативы и попросить каждого фотографа указать всех, кого на фотоснимках он знает. Они должны это сделать, и в результате смогут составить картографию последнего путешествия Розанны Макгроу. И увидят ее перед собой, как в кино.

Многое будет зависеть от Кафки, от того, что ему удастся выжать из пяти семей, разбросанных по всей Северной Америке. Ведь американцы прямо-таки помешаны на фотографировании. Кроме того, если с Розанной вступал в контакт еще кто-нибудь, кроме убийцы, то, вероятнее всего, это был ее соотечественник. Возможно, не совсем бессмысленно искать убийцу среди ее соотечественников? Возможно, однажды он будет стоять с телефонной трубкой в руке и сквозь шум эфира расслышит голос Кафки: «О'кей, я застрелил подонка».

С этой мыслью Мартин Бек уснул; так быстро и легко он давно не засыпал.

Дождь шел и на следующий день. Последние пожелтевшие листья грустно прилипали к стенам и окнам. Ночные мысли Мартина Бека словно каким-то образом долетели до Кафки, и из Америки пришла лаконичная телеграмма-молния: «Пришлите максимум материалов».

Еще через два дня Меландер, который никогда и ничего не забывал, вынул изо рта трубку и спокойно сообщил:

— Ули Милденбергер находится в Гейдельберге. Он был там все лето. Хочешь допросить его?

Мартин Бек задумался.

— Нет.

Правда, хотел добавить: «Займись им сам, ведь у нас есть его адрес», — но в последний момент передумал, пожал плечами и спустился к себе в кабинет.

Теперь ему все чаще и чаще нечего было делать. Расследование вступило в такую фазу, когда шло, как говорится, само собой и охватывало весь мир, как сюжет какого-то старинного дамского романа. От Ольберга в Мутале ниточка тянулась прямо к нему в полицейское управление в Кристинеберге, а потом веером расходилось во множество точек на карте мира, от Нордкапа на севере до Дурбана на юге и Анкары на востоке. Самая важная связующая нить вела в кабинет Кафки в Линкольне, находящийся на западе на расстоянии почти десять тысяч километров. Оттуда она разветвлялась в несколько городов на американском континенте.

Можно ли было, располагая таким огромным аппаратом, не выследить и не схватить убийцу? Логичным ответом на этот вопрос было: «К сожалению, да». У Мартина Бека остались горькие воспоминания от расследования другого убийства на сексуальной почве. Совершено оно было в подвале одного дома в пригороде Стокгольма, труп нашли почти сразу же, не прошло и часа, как полиция приехала на место преступления. Убийцу видели несколько человек, все подробно его описали. Убийца оставил после себя следы, окурки сигарет, спички, даже кое-что потерял. Кроме того, судя по тому, как он поступил с жертвой,

он являлся сексуальным маньяком. И, несмотря на это, поймать его не смогли. Оптимизм постепенно уступил место беспомощности, все следы вели в никуда. Спустя семь лет преступник совершил попытку изнасилования в другой стране и был задержан на месте преступления. Во время следствия он внезапно сломался и признался в старом убийстве в подвале.

Для Мартина Бека это преступление и его расследование спустя много лет осталось лишь едва заметной пометкой на полях, но для одного из его старших коллег оно стало роковым. Он слишком хорошо помнил, как этот человек месяц за месяцем и год за годом, когда это дело уже было закрыто и положено под сукно как неразрешимое, до глубокой ночи просиживал в своем кабинете и в пятисотый или тысячный раз снова и снова перечитывал протоколы всех допросов и свидетельские показания. Сколько раз он натыкался на этого человека в самых неожиданных местах, в его выходные дни и отпуск, человека, который непрерывно и, не зная усталости, вел погоню за новыми доказательствами в деле, ставшем трагедией его жизни. Потом он от всего этого неожиданно заболел, ушел на инвалидную пенсию, но тем не менее не сдавался. Наконец для него пришел час освобождения, когда другой человек, который никогда раньше не задерживался и которого никто в этом преступлении не подозревал, неожиданно расплакался и признался следователю в совершении убийства семилетней давности. Объяснились все те случайности и упущения, из-за которых полиция сразу не смогла напасть на след убийцы. Иногда Мартин Бек спрашивал себя, принесла ли эта запоздалая развязка облегчение и спокойствие тому старому полицейскому.

Мартина Бека тоже могло ожидать такое. К тому же женщина в подвале относилась, как принято говорить, к антиобщественным элементам, а Розанна Макгроу была совсем другой. Он часто думал об этом в ожидании, когда что-нибудь начнет происходить.

В Мутале у Ольберга было полно работы, он вызывал раздражение у городских властей тем, что упорно настаивал, чтобы водолазы и аквалангисты обследовали каждый квадратный сантиметр русла канала и каждый доступный сантиметр дна озера. С Мартином Беком он связывался теперь изредка, но каждую минуту ждал телефонного звонка.

По прошествии недели пришла очередная телеграмма от Кафки. Текст был непонятный и удивительный: «Скоро вы сможете отдохнуть».

Мартин Бек позвонил Ольбергу:

— Он пишет, что скоро это дело расследует.

— Наверное, хочет немного поднять нам настроение, — сказал Ольберг.

Коллъберг придерживался иного мнения.

— У него точно с головой не в порядке. Он страдает распространенной болезнью под названием интуиция.

Меландер не сказал ни слова.

В течение десяти дней они получили пятьдесят фотоснимков, и втрое больше негативов находилось в работе. Многие снимки были плохого качества, а Розанну Макгроу они нашли только на двух. Оба были сделаны на риддархольменской набережной в Стокгольме. Розанна по-прежнему стояла одна на кормовой палубе А, в двух метрах от своей каюты. На одном снимке она наклонилась и чесала подъем ноги, но это было все. Кроме того, они идентифицировали еще двадцать три пассажира, а всего уже двадцать восемь человек.

Меландер внимательно посмотрел снимки и передал их Колльбергу, который пытался расположить их по времени съемки. Мартин Бек часами молча изучал всю эту гору фотографий, но ничего не говорил. На следующий день пришло еще несколько десятков снимков, но Розанны Макгроу ни на одном из них не было.

Зато пришло, наконец, письмо от турецкой полиции. Оно лежало у Мартина Бека на столе утром тринадцатого дня — по их новому летосчислению, — но лишь через два дня посольству удалось перевести его на английский язык. Вопреки ожиданиям, это письмо помогло продвинуться на шажок вперед, и впервые за долгое время их паруса наполнились слабым ветерком.

Один из пассажиров, двадцатидвухлетний студент-медик Гюнеш Фратт подтвердил, что женщину на фотографии знает, но ему неизвестно, как ее зовут и из какой она страны. В результате «усиленного допроса», который проводил большой полицейский начальник с очень длинной фамилией, состоящей в основном из букв u, ö и z, студент в конце концов признался, что нашел ее привлекательной и в первый же день путешествия дважды пытался «вступить с ней в устный контакт» с помощью английского языка, однако безуспешно. Другими словами, женщина вообще ничего ему не ответила. Он припоминает, что позже видел ее в обществе какого-то мужчины и пришел к выводу, что она замужем и лишь случайно и по недомыслию (?) раньше появлялась на палубе в одиночестве. Относительно внешности того мужчины свидетель помнит лишь, что «роста он был скорее всего выше среднего». В конце путешествия свидетель эту женщину больше не видел. Дядюшка Гюнеша Фратта, которого полицейский со сложной фамилией допросил «чисто информативно», подтвердил, что в течение всего рейса следовал за своим племянником и не оставлял его одного больше чем на десять минут.

Посольство дополнило письмо собственным комментарием, что оба пассажира из богатой семьи, пользующейся всеобщим уважением.

Мартина Бека это письмо как бы подстегнуло. Словно он знал, что рано или поздно такое сообщение получит. Что ж, еще один шаг вперед. Он набрал номер в Мутале, размышляя, что такое «усиленный допрос» по-турецки.

Этажом выше Колльберг воспринял это сообщение с олимпийским спокойствием.

— Турки? Конечно, обратил внимание. Они есть на многих фотографиях.

Он покопался в своих бумагах.

— Фото номер 23, 38, 102, 109…

— Достаточно.

Мартин Бек порылся в фотоснимках и нашел тот, на котором двое мужчин были изображены четко, крупным планом. С минуту он глядел на седоватые усы дядюшки, потом перевел взгляд на Гюнеша Фратта, маленького, но элегантного, с узкими черными усиками и правильными чертами лица. Выглядел он не худшим образом.

К сожалению, у Розанны Макгроу, очевидно, было другое мнение.

Шел уже пятнадцатый день работы по новому плану, и они уверенно установили личности сорока одного пассажира, изображенных на одной и более фотографиях. Кроме того, коллекция увеличилась еще на два снимка женщины из Линкольна, сделанных вблизи Сёдертелье. На одном, который был не в фокусе, Розанна Макгроу повернулась спиной к фотографу, на другом она была снята в профиль у борта; на заднем плане виднелся железнодорожный мост. На три часа ближе к смерти. Розанна Макгроу сняла темные очки и щурилась на солнышко. Ветер трепал ее темные волосы, рот она приоткрыла, словно как раз собиралась что-то сказать или зевнула. Мартин Бек долго изучал ее сквозь лупу. Наконец он сказал:

— Кто делал этот снимок?

— Одна датчанка, — ответил Меландер, — Вибеке Амдал из Копенгагена. Она путешествовала одна и жила в одноместной каюте.

— Собери о ней побольше информации.

Через полчаса произошел взрыв бомбы.

— Телеграмма-молния из США, — монотонным голосом сказала телеграфистка. — Прочесть ее вам? — Она прочла текст по-английски. — Нужно перевести?

— Будьте так любезны.

— «Вчера вечером напал на золотое дно. Десять кассет с восьмимиллиметровой цветной кинопленкой и сто пятьдесят фотографий. Много изображений Розанны Макгроу. Похоже на то, что она там с каким-то неизвестным мужчиной. „Пан-Американ" гарантирует доставку в Стокгольм в четверг. Подпись: Кафка».

Мартин Бек опустился на стул. Он вытирал лоб и смотрел на настольный календарь.

Среда, 25 ноября 1964 года.

За окнами лил дождь, ледяной и колючий. Скоро выпадет снег.

XIX

Кинопленки просматривали в лаборатории, напротив товарной станции. В просмотровом зале было мало места, и даже в такой момент Мартину Беку стоило больших усилий преодолеть свое отвращение к тесноте.

Здесь присутствовали шеф, окружной начальник из Линчёпинга, советник полиции, Ларссон и Ольберг, которые приехали из Муталы на машине. Кроме них были Колльберг, Стенстрём и Меландер.

Даже Хаммар, который за свою жизнь видел преступников больше, чем все остальные вместе взятые, был в напряжении, он молчал и терпеливо ждал.

Свет погас. Проекционный аппарат застрекотал.

— Ох-хо-хо.

Колльбергу, как обычно, было трудно сидеть молча хотя бы минуту.

Смотр королевской гвардии. Густав-Адольфторг. Справа мост к королевскому дворцу. Камера запечатлели фасад стокгольмской оперы.

Отвратительный стиль, — подал голос Колльберг. — Похож на ампир.

— Тс-с-с, — приложил палец к губам начальник.

Поднятый со дна на поверхность королевский фрегат «Ваза» в окружении фонтанных струй. Красивые шведские девушки с высокими прическами, в дождевиках на ступеньках перед концертным залом. Современные высотные дома на Хёторгет. Лапландец, позирующий туристам перед своим лапландским чумом в «Скансене»[11]. Замок Грипсхольм и народные танцы на переднем плане. Пожилая американка с фиолетовыми губами, в очках, украшенных искусственным жемчугом. Рейсен, причал, корма судна «Свеа Ярл», юргорденский паром, большая частная яхта, входящая в порт, моторные лодки.

— Что это за яхта? — спросил окружной начальник.

— Из Бразилии, фирма «Мур-Маккормик», — мгновенно ответил Мартин Бек. — Приплывает сюда каждое лето.

Мыс Вальдемара, женщина с фиолетовыми губами, Данвикская лечебница.

— Что это за здание? — спросил окружной начальник.

— Дом престарелых, — ответил Колльберг. — Хайле Селассие[12] приказал выстрелить перед ним в знак приветствия, когда был здесь до войны. Подумал, что это королевский дворец.

Чайка, ловко покачивающаяся на волнах, спортивный комплекс в Фарсте, очередь перед голубым автобусом с прозрачной крышей, рыбаки с длинными удочками, бросающие в сторону кинокамеры хмурые взгляды.

— Как зовут этого фотографа? — спросил окружной начальник.

— Уилфред С. Беллами младший, он из Кламат-Фоллс в штате Орегон, — ответил Мартин Бек.

— Не знаю такого, — объявил окружной начальник.

Брункебергсторг, переэкспонировано.

— Внимание! — предупредил окружной начальник.

«Диана» у Риддархольменской набережной. Сбоку и сзади. Розанна Макгроу в хорошо знакомой позе, с устремленным вверх взглядом.

— Это она, — объявил окружной начальник.

— О Господи, — пробормотал Колльберг.

Женщина с фиолетовыми губами слева, ослепительная улыбка, сплошные зубы. Темновато, виден только вымпел частной судовой компании и башня ратуши. Панорама набережной. Белые точки. Мигание. Красно-коричневые тени. Темнота.

Зажегся свет, открылась дверь, и появился мужчина в белом халате.

— Одну секундочку, прошу прощения. Небольшая неисправность в кинопроекторе.

Ольберг повернулся и посмотрел на Мартина Бека.

— Проектор взорвался, а вся пленка сгорела ясным пламенем, — сказал старший криминальный ассистент Леннарт Колльберг, очевидно, умеющий читать чужие мысли.

В этот момент свет снова погас.

— Так, ребята, а теперь смотрите в оба, — сказал окружной начальник.

Столовая, спины туристов. Западный мост через залив озера Меларен, капитанский мостик. Пенный бурун позади парохода, шведский флаг. Длинный эпизод: миссис Беллами, закрыв глаза, загорает в шезлонге.

— Смотрите на задний план, — сказал окружной начальник.

Мартин Бек узнал на заднем плане несколько человек. Розанны Макгроу среди них не было.

Шлюзы в Сёдертелье, шоссейный мост, железнодорожный мост. Мачта, снятая снизу вверх, вымпел судовой компании на фоне голубого неба. Моторная лодка с грузом металлических бочек, машущий матрос. Та же моторная лодка сзади; в правом углу морщинистый профиль миссис Беллами.

Вид на Окселёсунд с моря, шпиль модернистской кирхи на фоне неба, металлургический завод с дымящимися трубами, пароход в порту. Изображение медленно то опускалось, то поднималось, когда пароход мягко покачивался, и было окрашено в зеленоватый цвет.

— Погода ухудшилась, — заметил окружной начальник.

Часть палубы, нос пустой, если не считать одной спины в блестящем клеенчатом плаще. Вымпел города Гётеборга, промокший и обвисший на носовом флагштоке. Съемка рулевого, он спускается в межпалубное пространство и старается держать поднос в горизонтальном положении. Весь кадр светло-серый.

— Где это они теперь? — спросил окружной начальник

— Недалеко от Хевринги, — сказал Мартин Бек, — примерно через пять-шесть часов. Остановились из-за тумана.

Корма, средняя палуба, пустые шезлонги, серо, влажно. Нигде ни души.

Камера повернула вправо и тут же быстро вернулась обратно. Розанна Макгроу на трапе палубы А, все еще в босоножках, но поверх платья наброшен прозрачный плащ с капюшоном. Возле спасательной шлюпки, смотрит прямо в объектив, взгляд равнодушный, лицо спокойное, исчезает в правом углу кадра. Быстрая смена плана. Розанна Макгроу на

корме, облокотилась на поручни, перенесла вес тела на правую ногу, на носок, чешет левую лодыжку.

Меньше двадцати четырех часов до смерти. Мартин Бек затаил дыхание. Никто ничего не говорил. Женщина из Линкольна исчезла, экран заполнился белыми точками. Пленка кончилась.

Туман растаял. Искусственная фиолетовая улыбка. Пожилая пара в шезлонгах с пледами на ногах. Облачно, дождя нет.

— Кто это? — спросил окружной начальник.

— Двое американцев, — сказал Колльберг. — Их фамилия Андерсон.

Пароход в шлюзовой камере. Съемка носа с капитанского мостика, много спин. Буфера между бортом парохода и стенкой шлюза, вид сверху. Длинные сгнившие щепки в черной воде. Один из членов команды на берегу, наклонился, держится за рычаг, который открывает и закрывает ворота шлюзовой камеры. Снова нос, открываются ворота камеры. Морщинистый двойной подбородок миссис Беллами снизу вверх, на фоне капитанского мостика и названия парохода.

Еще одна съемка с капитанского мостика. Следующая шлюзовая камера. Толпа пассажиров на носу. Новый кадр: мужчина в панамке что-то говорит.

— Корнфилд, американец, путешествовал один, — обронил Колльберг.

Мартин Бек подумал, заметил ли Розанну Макгроу на предыдущем кадре кто-либо, кроме него. Она стояла, как обычно, облокотившись о поручень на правом борту, но на этот раз на ней были джинсы и темный свитер.

Съемка шлюзов продолжалась, но она больше не появилась.

— Где это могло быть? — поинтересовался окружной начальник.

— Карлсборг, — ответил Ольберг. — Но не тот, что на озере Всттерн, есть еще один Карлсборг, недалеко от Сёдсрчёпинга. Из Сёдерчёпинга они отплыли в три четверти десятого. Значит, время этой съемки — около одиннадцати.

Следующий шлюз, следующий кадр: носовая палуба. На этот раз она была там. Черный свитер. Вокруг нее стояло много людей. Она повернулась лицом к объективу и, судя по всему, смеялась. Внезапный конец съемки. Бурун за кормой. Очень долго: миссис Беллами и супруги Андерсон. Перед кинокамерой на какую-то долю секунды промелькнул воинственный полковник с Нормеларстранд.

У Мартина Бека вспотел затылок. Еще десять часов жизни. Она смеялась?

Короткая съемка носовой палубы, три-четыре человека. Пароход посреди какого-то озера. Белые точки. Конец пленки.

Окружной начальник заерзал:

— Это озеро Роксен?

— Асплунген, — отрезал Ольберг.

Разводной мост. Здания на берегу. Люди с берега смотрят и машут.

— Норсхольм, — сказал Ольберг. — Теперь четверть четвертого.

Объектив упрямо смотрел на берег и только на берег. По тропинке вдоль канала шла девочка лет семи-восьми. Голубое летнее платьице, косички и деревянные башмаки. Кто-то с парохода бросил на тропинку монетку. Девочка подняла ее и смущенно поклонилась. Монетки посыпались дождем, девочка их собирала. Она пробежала несколько шагов вперед, чтобы пароход не уплыл от нее. Женская рука с блестящим полудолларом в двух толстых пальцах с красными ногтями. Камера отъехала немного назад. Миссис Беллами с экзальтированным выражением лица бросает монетку. Девочка на берегу с ладошкой, полной монет, смущенный, недоумевающий взгляд голубых глаз.

Мартин Бек этого не видел. Он услышал, как Ольберг шумно задышал, а Коллберг выпрямился в кресле.

Позади благотворительной дамы из Кламат-Фоллс в штате Орегон прошла слева направо Розанна Макгроу. Она была не одна. Слева от нее шел еще кто-то. Мужчина в кепочке. Он был на голову выше нее, и на десятую долю секунды на светлом фоне мелькнул его профиль.

Это заметили все.

— Остановите пленку! — закричал окружной начальник.

— Нет, нет, — запротестовал Ольберг.

Кинокамера никак не возвращалась на пароход. На берегу медленно уплывали декоративные зеленые луга. Трава, листья, заросли камыша, колышущиеся в вихре пароходного винта, и, наконец, летний пейзаж сменился белыми точками.

Мартин Бек вытирал платком затылок.

Картинка, которая сейчас появилась на экране, была новой и неожиданной. Перед ними был канал, они смотрели на него сверху. Вода и аллея деревьев по обоим берегам выглядели живописно и мягко искривлялись в объективе. По левой стороне тянулась тропинка и подходила группа людей, а в левом верхнем углу кадра за живой изгородью паслось несколько лошадей.

Ольберг опередил окружного начальника.

— Это к западу от озера Роксен. Пароход прошел через шлюзы в Берге, кинолюбитель обогнал его и остановился на мосту в Люнге. Это последний шлюз перед озером Бурен. Сейчас около семи вечера.

Вдали появился белый нос с вымпелом Гётеборга. Люди на тропинке приближались.

— Ну, Господи, — выдохнул Ольберг.

Лишь Мартин Бек знал почему. Кинооператор мог заниматься совсем другим. Он мог пойти с экскурсоводом, который воспользовался остановкой в шлюзе, чтобы показать туристам монастырскую кирху во Врете.

Пароход уже был виден целиком, он лениво покачивался под снежно-белым облачком пара, от которого отражался быстро убывающий вечерний свет.

Но на пароход в маленьком просмотровом зале никто не обращал внимания. Растянувшаяся по тропинке группа пассажиров уже приблизилась настолько, что можно было различать детали. Мартин Бек узнал Гюнеша Фратта, двадцатидвухлетнего медика из Анкары. Он шел впереди всех, размахивал руками и что-то рассказывал человеку, шедшему рядом с ним.

Потом Мартин Бек увидел ее.

Метрах в пятнадцати позади большой группы были видны еще две фигуры. Одной из них была Розанна Макгроу, по-прежнему в светлых джинсах и черном свитере. Рядом с ней широко шагал мужчина в кепочке.

Они были еще далеко.

Лишь бы только эта съемка продолжалась, подумал Мартин Бек.

Они приближались. Камера продолжала снимать.

Можно ли уже опознать лицо?

Он видел, как высокий мужчина берет ее за руку, словно хочет помочь ей перепрыгнуть через лужу на тропинке.

Он видел, как они останавливаются и смотрят на пароход, который как раз проплывает мимо и бросает на них тень. Потом они исчезли. Однако мистер Беллами из Кламат-Фоллс был упрямее, чем кто-либо другой и продолжал съемку в том же направлении. Парохода уже

не было. Розанна Макгроу снова появилась на тропинке. Она остановилась, вскинула голову и протянула левую руку тому неизвестному, которого все еще не было видно, но который вот-вот должен был появиться. Сейчас.

Смена плана привела всех в шоковое состояние. Крупно: рычаг, управляющий воротами шлюза, на заднем плане ноги зрителей. Мартину Беку показалось, что он видит светлые джинсы, босоножки и рядом пару мужских туфель.

Картинка исчезла. На экране замелькали полосы. Несколько человек в помещении облегченно вздохнули. Мартин Бек сжал платок в руке.

Однако это было еще не все. Экран заполнило слегка переэкспонированное лицо с фиолетовыми губами, в очках, покрытых жемчугом, и исчезло справа. На левой стороне палубы «А» появилась официантка в светлой блузке и ударила в гонг. Вслед за ней из столовой вышла Розанна Макгроу, она прищурилась, посмотрела на небо, засмеялась и повернулась к кому-то, кого не было видно. Мелькнул лишь рукав из толстого твида и часть плеча. Потом снова появились белые точки, после чего картинка исчезла в бездонной серой глубине.

Она смеялась. В этом он был уверен. Четвертого июля в семь часов вечера. Десять минут назад она ужина: бифштекс, молодой картофель, клубника со сливками, а в это время за столом один шведский полковник и один немецкий майор громко обменивались мнениями о Сталинградской битве.

Экран снова засветился. Еще шлюзы. Голубое небо с плывущими по нему облаками. Капитан с рукой на машинном телеграфе.

— Шёторп, — сказал Ольберг. — Полдень следующих суток. Сейчас будет озеро Венерн.

Мартин Бек помнил все. Час назад кончился дождь. Розанна Макгроу была мертва. Уже двенадцать часов ее тело лежало, погребенное в иле у буренсхультского мола, голое и истерзанное.

На палубе экскурсионного парохода люди прогуливались, сидели в шезлонгах, разговаривали, смеялись и щурились от солнышка. Морщинистая дама из высшего общества Кламат-Фоллс бросала в объектив фиолетовые улыбки.

Огромное водное зеркало. Озеро Венерн. Люди, слоняющиеся по судну. Отталкивающий юнец, знакомый по допросу в Мутале, высыпает в озеро мешок с золой и шлаком. Лицо у него черное, перемазанное, он бросает на камеру кислые взгляды.

Женщины в черном свитере, джинсах и босоножках нигде нет.

Высокого мужчины в твидовом пиджаке и кепочке тоже не видно.

Они просматривали пленку за пленкой. Венерсборг в вечернем солнце. «Диана», пришвартованная у берега. Видно, как на берег сходит матрос. Трольхеттан.

— На носу стоит мопед, — заметил Ольберг.

Пароход, причаливший в Гётеборге у набережной в ярком утреннем солнце, у кормы трехмачтовика «Викинг». Нос, люди, сходящие по трапу на берег. Мопеда на носу уже нет.

Мигание. Конец. Свет в зале.

Секунд пятнадцать было тихо, потом старший комиссар Хаммар встал и перевел взгляд с окружного начальника на советника полиции, а с советника на Ларссона.

— Так, господа, пойдем обедать. За наш счет.

Ничего не выражающим взглядом он посмотрел на остальных и сказал.

— Думаю, еще на какое-то время вы здесь останетесь:

Стенстрём тоже ушел. Он сейчас занимался каким-то другим делом.

Колльберг с любопытством посмотрел на Меландера.

— Нет, никогда его не видел.

Ольберг провел правой рукой по лицу.

— Палубный пассажир без каюты, — вздохнул он, повернулся и посмотрел на Мартина Бека.

— Помнишь того человека, который водил нас по судну в Бохусе? И ту занавеску, которую можно задернуть, если палубный пассажир без каюты хочет спать на диванчике?

Мартин Бек кивнул.

— Мопеда сначала там не было. Впервые я увидел его в шлюзе за Сёдерчёпингом, — сказал Меландер.

Он вынул трубку и щелкнул по ней пальцем.

— Тот, в кепочке, там уже появился, — добавил он. — На одном из кадров, на заднем плане.

Просмотрев пленку еще раз, они убедились, что он был прав.

XX

На дворе падал первый зимний снег. За окном кружились гигантские влажные снежинки, они падали на стекло, мгновенно таяли и стекали вниз. В желобах шумела вода, по карнизу стучали тяжелые капли.

Несмотря на дневное время, в кабинете было так темно, что Мартину Беку пришлось включить настольную лампу. Она бросала приятный, мягкий свет на письменный стол и открытую папку, лежащую на столешнице.

Мартин Бек смял последнюю сигарету, поднял пепельницу и сдул со стола пепел.

Он проголодался и жалел, что не пошел в столовую вместе с Колльбергом и Меландером.

С тех пор, как они смотрели пленки Кафки, прошло десять дней, но они по-прежнему чего-то ждали. Как уже было раньше при расследования этого дела, самый свежий след затерялся в джунглях вопросов, сомнений и неуверенности. Допросами теперь занимался исключительно Ольберг, а его коллеги энергично набросились на свою работу, но результат был ничтожным. Единственный результат заключался в том, что ничто не опровергало их версию, будто бы кто-то сел на пароход в Меме, Сёдерчёпинге или Норсхольме и ехал до самого Гётеборга. Ничто не противоречило тому, что этим пассажиром был мужчина нормального телосложения и ростом выше среднего, одетый в серый твидовый пиджак, серые габардиновые брюки, коричневые туфли и кепку. А также, что у него был синий мопед марки «Монарк».

Рулевой, который дал самые важные показания, припоминал, что продавал билет человеку, похожему на мужчину с кинопленки. Но он не помнил, когда это было, и даже не был уверен, что это произошло в нынешнем году. Возможно, даже в прошлом сезоне. Тем не менее он смутно помнил, что у того мужчины, если, конечно, вообще речь идет о мужчине, который им нужен, был с собой мопед, а кроме того, возможно, еще удочки и прочие снасти, из чего следует, что он ехал на рыбалку.

Допрашивал его лично Ольберг и старался выжать все, что можно. Протокол этого допроса лежал в папке перед Мартином Беком.

Ольберг: Вы часто берете по пути палубных пассажиров?

Свидетель: Раньше это было чаще, но и теперь желающие находятся.

О.: Где они обычно садятся?

С.: Везде, где пароход причаливает или проходит шлюзы.

О.: На каком отрезке они садятся чаще всего?

С.: Они могут сесть где угодно. С нами часто ездят пешие туристы или велосипедисты из Муталы или Вадстены, которые хотят перебраться через озеро Веттерн.

О.: И все же..?

С.: Ну, как вам сказать? Раньше мы брали туристов от Стокгольма до Окселёсунда и от Линчёпинга до Венерсборга. Но теперь уже этого не делаем.

О.: Почему?

С.: Нет мест. Пассажиры в каютах заплатили, к тому же приличную сумму. Так что они не захотят тесниться ради кучи мамаш с ревущими детьми, термосами и пакетами снеди.

О.: Имелась ли какая-нибудь причина, по которой пассажир не мог сесть в Сёдерчёпинге?

С.: Никакой. Сесть он мог где угодно. Например, возле какого-нибудь шлюза. Всего их шестьдесят пять. Кроме того, пароход каждую минуту где-то пристает.

О.: Сколько палубных пассажиров вы обычно берете?

С.: За один раз? Сейчас не больше десяти. А в основном два-три.

О.: Что это за люди? Только шведы?

С.: Куда там, часто бывают и иностранцы. Это может быть кто угодно, но в основном люди, которым нравится плавать на пароходе и они даже выискивают нас в расписании.

О.: А в список пассажиров их не вносят?

С.: Нет.

О.: Палубные пассажиры имеют возможность питаться на пароходе?

С.: Конечно, они могут питаться, как и все остальные, если захотят. Обычно после двух смен в столовой устраивают еще одну. Еда там тоже есть, согласно меню.

О.: Ранее вы сказали, что эту женщину из фильма не помните, а теперь говорите, что у вас такое чувство, словно мужчину узнаете. На пароходе нет для этой цели специального служащего, так что забота о пассажирах входит в ваши обязанности, так?

С.: Я компостирую билеты, когда они садятся, здороваюсь и больше с ними дела не имею. Я на этом пароходе не для того, чтобы каждую минуту развлекать туристов. Для этого есть другие.

О.: Вам не кажется странным, что вы не узнаете этих людей? Ведь вы провели вместе с ними три дня и три ночи.

С.: Для меня все пассажиры на одно лицо. Кроме того, каждое лето я вижу их две тысячи. Стало быть, двадцать тысяч за десять лет. А во время работы я на мостике. Нас двое, так что несем вахту по двенадцать часов.

О.: Но ведь этот рейс был не совсем обычным. Тогда произошли события, которые при нормальных обстоятельствах у вас не происходят.

С.: Я стоял двенадцать часов на мостике. Кроме того, со мной была жена.

О.: В списке пассажиров ее нет.

С.: Нет, а зачем? Члены команды имеют право брать с собой родственников.

О.: Значит, данные о том, что во время этого рейса на пароходе было восемьдесят шесть человек, недостоверны. А если прибавить сюда палубных пассажиров и родственников, то их могло быть и все сто, так?

С.: Да.

О.: Гм, а тот мужчина с мопедом где сошел?

С.: Послушайте, да как же я могу это точно знать? Я вообще его не видел, так откуда мне знать, где он сошел? Многие пассажиры спешили на поезд или самолет и сошли сразу же в три часа ночи, когда мы пришли в Гётеборг. Остальные спали и сошли на берег до полудня.

О.: Где села на судно ваша жена?

С.: В Мутале. Мы ведь здесь живем.

О.: В Мутале? Поздно ночью?

С.: Нет, пятью днями раньше, когда мы возвращались в Стокгольм. А сошла, когда мы возвращались вторично, восьмого июля в шестнадцать ноль ноль. Понятно?

О.: О чем вы думаете, когда вспоминаете, что случилось во время этого рейса?

С.: Я не верю, что так могло произойти.

О.: Почему?

С.: Ведь кто-то должен был заметить. Извините, но человек на таком суденышке, тридцать метров на пять. А каюта, как мышеловка.

О.: Вступали ли вы в какой-нибудь контакт, кроме чисто служебного, с кем-либо из пассажиров?

С.: Ага. Со своей женой.

Мартин Бек вынул из кармана три фотографии. Две были отпечатаны с кадров кинофильма, третья представляла собой увеличенный любительский снимок из бандероли Кафки. На них запечатлелся высокий мужчина в твидовом пиджаке и кепочке; они были очень плохого качества.

Сотни полицейских в Стокгольме, Гётеборге, Сёдерчёпинге и Линчёпинге уже имели при себе экземпляры этих трех фотографий. Кроме того, фотографии находились в кабинетах всех окружных начальников и в большинстве полицейских участков от Каресуандо на севере до Смюге на южном полуострове Сконе. И во многих городах за границей.

Они действительно были очень плохие, но тот, кто был знаком с мужчиной, сразу же опознал бы его. Возможно.

На последнем совещании Хаммар заявил:

— Мне кажется, он похож на Меландера.

Кроме того, он сказал:

— Это уже не имеет ничего общего с полицейским следованием, а скорее смахивает на конкурс для любителей загадочных картинок. Что-нибудь говорит о том, он швед?

— Мопед.

— Мы ведь не знаем даже, принадлежал ли мопед ему.

— Нет.

— И это все.

— Да.

Мартин Бек положил фотографии в карман. Он снова взял протокол допроса, который проводил Ольберг, быстро скользнул по нему взглядом и нашел то, что искал:

С.: Конечно, они могут питаться как и все остальные, если захотят. Обычно после двух смен в столовой устраивают еще одну…

Он порылся в бумагах и нашел список экипажей экскурсионных судов за последние пять лет. Прочел список, взял карандаш и поставил крестик возле одной из фамилий. Там было написано:

«Изаксон Гёта, официантка, адрес: Полхемсгатан,7, Стокгольм. С 15 сентября 1964 года работает в ресторане „СХТ‟. „Диана‟ 1959—1961, „Юнона‟ 1962, „Диана‟ 1963, „Юнона‟ 1964».

Рядом с фамилией не было никакой пометки, говорящей о том, что Колльберг или Меландер ее допросили.

Все номера службы вызова такси были заняты, он надел шляпу и плащ, поднял воротник и по размокшему снегу направился к станции метро.

Метрдотель в ресторане «СХТ» был хмур и замкнут, но подвел его к одному из столиков, которые обслуживала фрекен Гёта, рядом с кухонными дверями. Мартин Бек сел на стул под стенкой и взял меню. Изучив его, он принялся рассматривать зал.

Большинство столиков были заняты; почти ни одной женщины. За несколькими столиками сидели одинокие мужчины в возрасте за пятьдесят. По тому, как они доверительно разговаривали с официантками, чувствовалось, что это постоянные посетители.

Мартин Бек наблюдал, как официантки носятся на кухню и обратно. Он пытался угадать, кто из них фрекен Гёта, и прошло почти двадцать минут до того, как он об этом узнал.

У нее было круглое милое лицо, большие редкие зубы и короткие, растрепанные волосы, цвет которых Мартин Бек определил как льняной.

Он заказал хлеб, мясо по-морскому и пиво, ел медленно и ждал, когда закончится полуденный час пик. Когда он доел и выпил два кофе, у фрекен Гёты ушли последние посетители и она подошла к его столу.

Он объяснил, зачем пришел, и показал ей фотографию. Она взглянула на нее и сняла с себя прилегающий белый жакетик.

— Да, — сказала она, — я хорошо его помню. Не знаю, кто он, но на пароходе он ездил часто. По крайней мере, на «Юноне» и «Диане».

Мартин Бек снова показал ей фото.

— Вы в этом уверены? — спросил он. — Снимок очень нерезкий. Может быть, это не он?

— Нет, нет, это точно он. Он всегда был так одет. Я помню этот пиджак и кепку.

— Вспомните, может быть, вы видели его прошлым летом? Вы ведь тогда работали на «Юноне»?

— Секундочку, мне нужно подумать. Честно говоря, не помню. Там всегда много народу. Но летом прошлого года, я, помнится, пару раз его видела. Тогда я плавала на «Диане» и моя коллега, вторая официантка, была с ним знакома. Помню, они разговаривали. Мне кажется, у него не было каюты и он всегда проезжал только часть пути. Он был палубным пассажиром, припоминаю, приходил в столовую во вторую или третью смену, но нерегулярно. Может, я ошибаюсь, однако мне кажется, что он ездил до Гётеборга.

— А где живет ваша подруга?

— Я бы не сказала «подруга», просто мы вместе работали. Где она живет, не знаю, но помню, что после окончания сезона она всегда уезжала в Векшё.

Фрекен Гёта перенесла вес тела на другую ногу, скрестила руки на животе и устремила сосредоточенный взгляд в потолок.

— Да, точно. Векшё. Наверное, она там живет.

— Как вы думаете, она хорошо знала этого мужчину?

— Нет, я действительно этого не знаю. Но думаю, что он ей немножко нравился. Наверное, она с ним встречалась, когда отдыхала после работы, хотя экипажу запрещено вступать в контакт с пассажирами. Выглядел он неплохо. В нем было что-то притягивающее…

— Вы можете описать, как он выглядел? Я имею в виду волосы, глаза, рост, возраст и так далее.

— Ну, думаю, он был довольно высокий. Выше вас. Ни худой, ни толстый, среднего телосложения, очень широкие плечи. Глаза, кажется, голубые. Светлые волосы, немного светлее, чем у меня. Впрочем, он все время ходил в кепке, так что волосы я как следует не могла рассмотреть. Зубы у него были красивые, это я точно помню. Глаза круглые, кажется, немного навыкате. Но вообще-то он был очень красивый. А возраст — примерно сорок-пятьдесят.

Мартин Бек задал ей еще несколько вопросов, но ничего дополнительного не узнал. Вернувшись в кабинет, он снова просмотрел список и быстро нашел нужное имя. Адреса не было, упоминалось только, что она работала на «Диане» с 1960 по 1963 годы.

Он быстро нашел ее в телефонном справочнике Векшё, а когда набрал номер, пришлось долго ждать. Она согласилась его принять, но, как ему показалось, сделала это крайне неохотно.

Мартин Бек отправился ночным поездом и приехал в Векшё в половине седьмого. Еще не рассвело, туман в воздухе, сырость. Он ходил по улицам и смотрел, как просыпается город. Без четверти восемь вернулся на вокзал. Галоши надеть он забыл и чувствовал, как влага проникает сквозь тонкие подошвы. Купил в киоске газету и прочел ее в зале ожидания, положив ноги на радиатор. Потом вышел на улицу, и после коротких поисков ему посчастливилось найти кафе, которое уже было открыто; он пил кофе и ждал.

В десять часов встал, расплатился и через четыре минуты уже стоял перед дверью ее квартиры. «Фрекен Ларссон» гласила металлическая табличка, над ней была визитная карточка, на которой красивым почерком было написано «Сив Свенсон».

Дверь открыла могучая женщина в голубом халате.

— Могу ли я поговорить с фрекен Ларссон? — спросил Мартин Бек.

Женщина захихикала и исчезла, через минуту где-то в квартире раздался ее голос:

— Карин, тебя спрашивает какой-то господин.

Ответа он не слышал, но могучая женщина вернулась и попросила его пройти. После чего снова исчезла.

Он стоял в темной прихожей, держа шляпу в руке. Прошла вечность, прежде чем где-то раздвинулась портьера и чей-то голос пригласил его пройти дальше.

— Я не думала, что вы придете так быстро, — сказала женщина, которая ждала его там.

Черные волосы она кое-как зачесала наверх. Лицо у нее было узким и маленьким для ее комплекции. Черты лица правильные и красивые, но кожа серая, блеклая; она еще не успела накраситься. Глаза карие и чуть раскосые, под глазами остатки грима. Зеленое платье из джерси обтягивало грудь и широкие бедра.

— Я заканчиваю работу поздно ночью и привыкла утром спать, — недовольно сказала она.

— Прошу прощения, — поклонился Мартин Бек. — Я пришел, потому что хочу попросить вас помочь нам в одном деле, которое связано с вашей работой на пароходе «Диана». В этом году вы тоже работали на «Диане»?

— Нет, в этом году я работала на пароходе, который ходил в Ленинград.

Она стояла в центре комнаты и выжидательно смотрела на Мартина Бека. Он сел в цветастое кресло, дал ей фотографии. Она взяла их в руки и просмотрела. На какую-то долю секунды выражение ее лица чуть заметно изменилось, но когда она возвратила ему фотографии, оно снова было упрямым и недовольным.

— Ну?..

— Вы знаете этого человека?

— Нет, — ответила она без малейшего колебания. Перешла на противоположную сторону комнаты и взяла сигарету из стеклянной коробочки на столике у окна. Закурила, уселась в кресло напротив Мартина Бека.

— Нет, никогда его не видела. А почему вы спрашиваете?

Она говорила спокойно. Мартин Бек с минуту смотрел на нее, потом сказал:

— Мне известно, что вы с ним знакомы. Летом прошлого года вы встречались с ним на «Диане».

— Нет, я никогда его не видела. А теперь уходите. Мне нужно выспаться.

— Почему вы лжете?

— Что это вы себе позволяете! Врываетесь в квартиру и еще хамите! Я уже сказала: уходите.

— Фрекен Ларссон, почему вы не хотите признаться, что знакомы с ним? Мне известно, что вы говорите неправду. Если вы сейчас не ответите, то потом у вас могут быть большие неприятности.

— Я его не знаю.

— Будет лучше, если вы скажете правду, потому что я могу доказать, что с этим человеком вы были несколько раз вместе. У меня есть свидетели. Я хочу знать, кто этот мужчина, и вы можете мне это сказать. Будьте, благоразумны.

— Это какая-то ошибка. Вас явно ввели в заблуждение. Я не знаю, кто это. Убирайтесь и оставьте меня в покое!

В течение всего этого разговора Мартин Бек упрямо не отводил взгляд от сидящей перед ним женщины, Она примостилась на самом краешке кресла и непрерывно постукивала кончиком указательного пальца по сигарете, хотя с нее нечего было стряхивать. Лицо у нее напряглось, он видел, как едва заметно подрагивает нижняя челюсть.

Она боялась.

Он продолжал сидеть в цветастом кресле и пытался призвать ее к благоразумию. Но теперь она уже вообще ничего не говорила, только напряженно сидела на краю кресла и скалывала оранжевый лак с ногтей. Наконец она встала и начала ходить по комнате. Вскоре поднялся Мартин Бек, он взял шляпу и попрощался. Она не ответила и повернулась к нему напряженно застывшей спиной.

— Я еще позвоню, — сказал он.

Уходя, он положил на столик свою визитную карточку.

Когда он приехал в Стокгольм, был уже вечер. Он сразу спустился в метро и поехал домой.

Утром он позвонил Гёте Изаксон. Она сегодня работает днем, так что он может придти, когда захочет. Через час он уже сидел в ее квартирке на Кунгсхольме недалеко от полицейского управления. В микроскопической кухоньке она сварила кофе, принесла его в комнату и села напротив. Мартин Бек вздохнул:

— Я был в Векшё и беседовал с вашей коллегой. Она утверждала, что не знает его. У меня создалось впечатление, что она боится. Как вы думаете, почему она не хочет признаться, что знакома с ним?

— Не имею понятия. Я вообще о ней знаю очень мало. Она была не слишком разговорчивой. Мы работали вместе три сезона, но она о себе почти ничего не рассказала.

— Не помните, она говорила о мужчинах, когда вы вместе работали?

— Только об одном. Говорила, что на пароходе познакомилась с каким-то красивым мужчиной. По-моему, это было во второй наш совместный сезон.

Она наклонила голову в сторону и подсчитала в уме.

— Да. Это было летом шестьдесят первого года.

— Она часто о нем говорила?

— Иногда упоминала. Мне показалось, что они иногда встречаются. Либо он ездил с нами несколько раз, либо встречался с ней в Стокгольме или Гётеборге. Может, он был обычным пассажиром, а может, ездил ради нее, не знаю.

— А вы никогда его не видели?

— Нет. Я даже никогда об этом не вспоминала, пока вы не пришли и не стали меня расспрашивать. Это мог быть именно тот мужчина с фотографии, хотя сначала я думала, что она познакомилась с ним двумя годами позже. Но больше она ничего о нем не рассказывала.

— А что она говорила о нем в первое лето? В шестьдесят первом году?

— Ну, так, ничего особенного, кроме того, что он очень красивый. Насколько я помню, говорила, что он прекрасный человек, воспитанный, порядочный и что-то в таком роде. Можно подумать, обыкновенный мужчина для нее недостаточно хорош. А потом она перестала о нем говорить. Думаю, все просто само собой кончилось, или между ними что-то произошло, потому что в то лето какое-то время она была ужасно подавленной.

— А на следующий год летом вы тоже работали вместе?

— Нет, я перешла на «Юнону», а она осталась на «Диане». Мы пару раз виделись в Вадстене. Да, думаю, это было там. Суда там встречаются, но мы с ней никогда не разговаривали. Хотите еще кофе?

Мартин Бек чувствовал, что его желудок начинает протестовать, но не решился отказаться.

— А почему вы о ней расспрашиваете? Она что-то сделала?

— Нет-нет, — быстро заверил ее Мартин Бек, — она ничего не сделала, но нам нужно найти того человека с фотографии. Не помните, летом прошлого года она говорила или делала что-нибудь такое, что могло бы иметь какое-то отношение к нему?

— Нет, ничего такого я не помню. Мы жили в одной каюте, но иногда ночью она отсутствовала. Наверное, встречалась с каким-то мужчиной, но я не из тех, кто сует нос в чужие дела. Знаю только, что она не была слишком счастливой. Понимаете, если бы она в кого-то влюбилась, то должна была бы быть счастливой, ведь так? А она скорее была печальной и все время нервничала. Если не ошибаюсь, работу она бросила за месяц до конца сезона. Однажды утром просто исчезла, и мне пришлось работать за двоих, пока не удалось найти замену. Вроде бы ее отвезли в больницу, но никто не знал, что, собственно, с ней случилось. На судно в тот год она уже не вернулась. И с тех пор я ее не видела.

Она кормила Мартина Бека печеньем и болтала о работе, коллегах и пассажирах, которые остались у нее в памяти. Ему пришлось сидеть еще целый час, прежде чем удалось вырваться.

Погода улучшилась. На улицах было почти сухо, с безоблачного неба светило солнышко. От кофе Мартину Беку стало плохо, поэтому он отправился в управление округа Кристенеберг пешком. Шел вдоль залива по Нормеларстранд и думал о том, что же, собственно, узнал от двух официанток.

Из Карин Ларссон он вообще ничего не вытянул, но тем не менее визит в Векшё убедил его в том, что мужчину она знает, но боится это сказать.

От Гёты Изаксон он узнал следующее:

Карин Ларссон летом 1961 года познакомилась на борту «Дианы» с каким-то мужчиной. Очевидно, это был палубный пассажир, который в течение лета ездил на этом пароходе, вероятно, несколько раз.

Двумя годами позже, летом 1963 года, познакомилась с каким-то мужчиной, очевидно, палубным пассажиром, который иногда там ездил. По мнению Гёты Изаксон, этот мужчина мог быть тем, кто изображен на фотографии.

В то лето она нервничала и была в плохом настроении; бросила работу за месяц до окончания сезона; другими словами, в начале августа была в больнице.

Почему она там была, он не знал. Не знал он также, в какой больнице она лежала и как долго. Однако у него была возможность это узнать — нужно просто спросить у нее об этом.

Едва войдя в кабинет, он набрал номер в Векшё, но никто не подошел к телефону. Наверное, спит или поменялась на утреннюю смену. Днем он звонил еще несколько раз, вечером тоже.

Когда он звонил в седьмой раз, на следующий день после обеда, ответил чей-то голос, вероятно, принадлежащий могучей женщине в халате:

— Ее нет. Она уехала.

— Когда?

— Позавчера вечером. А кто это звонит?

— Я ее близкий друг. Куда она уехала?

— Она не сказала. Но я слышала, как она звонит в справочную и спрашивает, когда отправляется ближайший поезд до Гётеборга.

— А больше вы ничего не слышали?

— Она говорила, что хочет наняться на какое-нибудь судно.

— А когда она решила уехать?

— Ну, очень быстро. Позавчера утром у нее тут был какой-то мужчина, а потом она сразу решила уехать. Очень разнервничалась.

— А на каком судне она собралась работать, не знаете?

— Нет, этого я не слышала.

— Не знаете, она долго будет отсутствовать?

— Об этом она ничего не говорила. Передать от вас привет, если она даст о себе знать?

— Нет, спасибо.

Значит, она удрала куда глаза глядят. Ему стало ясно, что она уже находится на каком-то судне и плывет туда, где он не сможет ее достать. А то, о чем Мартин Бек раньше только догадывался, теперь он знал совершенно точно.

Она кого-то или чего-то смертельно боялась, и он должен выяснить, почему.

XXI

В картотеке больницы города Векшё, судя по всему, был порядок.

— Карин Ларссон, да, верно, лежала у нас в гинекологическом отделении с девятого восьмого до первого десятого прошлого года. В связи с чем? Об этом вам следует поговорить с заведующим.

Заведующий гинекологическим отделением сказал:

— Уже не помню. Я посмотрю историю болезни и позвоню вам.

Мартин Бек ждал, смотрел на фото и перечитывал описание мужчины, которое составил после беседы с Гётой Изаксон. Оно было довольно куцее, но намного лучше, чем пару часов назад.

Рост: примерно 186 см. Телосложение: нормальное. Цвет волос: светлый. Глаза: вероятнее всего, голубые (зеленые, серые), круглые, немного навыкате. Зубы: белые, здоровые.

Звонок раздался только через час. Заведующий отделением нашел нужную историю болезни.

— Да, я так и думал. Она пришла по собственной инициативе девятого августа. Помню, я уже собрался идти домой, когда мне сказали, чтобы я ее осмотрел. Ее сразу же отправили на обследование, потому что у нее было сильное кровотечение. Оно, очевидно, уже продолжалось какое-то время, потому что она потеряла много крови и очень ослабела. Однако не до такой степени, чтобы это угрожало ее жизни. Когда я спросил у нее, что произошло, она отказалась ответить. Такие вещи у нас в отделении случаются довольно

часто, пациентки не хотят говорить, отчего началось кровотечение. Приходится самим догадываться, что случилось, но в конце концов рано или поздно мы об этом узнаем. Однако эта пациентка вначале ничего не сказала, а позже лгала. Вам прочитать историю болезни или изложить своими вашими, попроще?

— Спасибо, лучше просто расскажите, — сказал Мартин Бек. — В латыни я всегда был слаб.

— Я тоже, но это так, между нами, — сказал доктор.

Он был южанином и говорил спокойно, понятно и методично.

— Как я уже сказал, у нее было сильное кровотечение и боли, поэтому мы сделали ей укол. Кровотечение было из матки и рваных ран во влагалище. На шейке матки и задней стенке влагалища имелись раны, нанесенные, по-видимому, каким-то острым твердым предметом. В мышечной ткани вокруг входа во влагалище были глубокие царапины, по которым можно судить, что предмет был большим. Внутренние ранения довольно часто встречаются у женщин, которые попадают в руки к неловкому или жестокому мужчине, или у тех женщин, которые пытаются самостоятельно сделать аборт, но должен вам сказать, что ничего подобного я еще не видел. Думаю, совершенно исключено, что она это сделала сама.

— А что она говорила? Что сделала это сама?

— Когда в конце концов она заговорила, то сказала именно так. Я уговаривал ее сказать нам, как такое могло произойти, но она лишь повторяла, что сделала это сама. Я ей не верил, и она знала, что не верю, но даже не попыталась придумать что-нибудь более убедительное, лишь повторяла одно и то же вранье: я сделала это сама, — словно заело граммофонную пластинку. Странно то, что беременной она не была. Матка у нее была повреждена, но если бы она и была беременна, то лишь на столь ранней стадии, что просто не могла об этом знать.

— А как, по-вашему, это могло произойти?

— Это, должно быть, сделал ей какой-то сексуальный маньяк. Возможно, это прозвучит бессмысленно, но мне показалось, что она хочет от кого-то спрятаться. Я за нее немного опасался, поэтому мы оставили ее до первого октября, хотя спокойно могли выписать и раньше. Кроме того, я не терял надежды узнать от нее правду. Но она твердо стояла на своем, и в конце концов пришлось отпустить ее домой. Ничего другого мне не оставалось делать. Я все же сообщил об этом нескольким моим знакомым в полиции, думаю, они пытались что-то выяснить, но безрезультатно.

Мартин Бек молчал.

— Точно я не могу вам сказать, как это могло произойти, — продолжал доктор. — Но наверняка это был какой-то предмет, хотя трудно сказать, что именно. Вероятнее всего, какая-то бутылка. С ней что-нибудь училось?

— Нет, я только хотел поговорить с ней.

— Это будет нелегко.

— Да, нелегко, — сказал Мартин Бек. — Спасибо за помощь.

Он положил в карман карандаш, которым не сделал ни одной пометки.

Мартин Бек кончиками пальцев растирал лоб и смотрел на фотографию мужчины в кепке.

Он думал о женщине из Векшё, которую страх заставил скрывать правду настолько упрямо, что в конце концов она просто удрала от дальнейших вопросов. Он смотрел на фотографию, тихонько бормотал: «Почему?» и знал, что на этот вопрос имеется лишь один ответ.

Зазвонил телефон. Это был заведующий отделением.

— Я забыл упомянуть кое о чем, что могло бы вас интересовать. Эта пациентка уже была у нас раньше, в конце декабря шестьдесят второго года. Я забыл об этом, потому что в то время был в отпуске и к тому же она лежала в другом отделении. Я только прочел историю болезни. В прошлый раз у нее были сломаны два пальца на левой руке, указательный и средний, сломаны в первом суставе у самой ладони. В тот раз она тоже не хотела сказать, как это произошло. Ее спросили, может быть, она упала с лестницы, и она подтвердила, но мой коллега, у которого она лежала, сказал, что такое вряд ли возможно. Перелом у нее действительно был такой, как при падении на руку, но кроме этого не было никаких ушибов или синяков, ничего. Лечили ее как обычно, нашили гипс и так далее, кости срослись нормально.

Мартин Бек поблагодарил, положил трубку, тут же снял ее и набрал номер ресторана «СХТ». Он слышал грохот рассыпавшихся столовых приборов и шум в кухне, кто-то кричал, казалось, прямо в трубку: «Бифштекс, три раза!». Продолжалось это несколько минут, потом трубку взяла Гёта Изаксон.

— У нас тут ужасная спешка, — сказала она. — Где мы были, когда она заболела? Конечно, помню, это было в Гётеборге. Когда мы отплывали утрем, ее не было, а замена подоспела только в Тёребуде.

— Где вы жили в Гётеборге?

— Я обычно спала в приюте Армии спасения, а куда ходила она, не знаю. Наверное, оставалась на судне или ночевала в гостинице, не знаю. К сожалению, мне нужно бежать, посетители ждут.

Мартин Бек позвонил в Муталу; Ольберг выслушал его молча.

— Это значит, что она уехала из Гётеборга и отправилась прямо в Векшё, в больницу, — сказал он наконец. — Нужно выяснить, где она провела ночь с восьмого на девятое августа. Именно в ту ночь это и случилось.

— Она очень ослабела, — сказал Мартин Бек. — Странно, что в таком состоянии она поехала в Векшё.

— Тот, кто это ей сделал, мог быть из Гётеборга — в таком случае всё, по-видимому, произошло у него дома. — Он немного помолчал и сказал:

— Если он сделает это еще раз, мы его схватим. Нам просто не повезло, что она не захотела сказать, как его зовут, потому что ей прекрасно известно, кто он.

— Она боялась, — сказал Мартин Бек. — Она перепугалась до смерти.

— Думаешь, уже слишком поздно и мы до нее не доберемся?

— Конечно, — сказал Мартин Бек. — Когда она удирала, то знала, что делает. Теперь она уже много лет здесь не появится. Причем мы знаем, почему она это сделала.

— Почему же?

— Потому что речь шла о ее жизни, — сказал Мартин Бек.

XXII

На улицах и крышах лежит толстый слой размокшего снега, а с больших золотистых рождественских звезд, развешенных над Регерингсгатан в Стокгольме, капает вода. Звезды развешены здесь уже несколько недель, хотя до рождества остается еще почти месяц.

На тротуаре множество спешащих людей, а по проезжей части плотным потоком несется городской транспорт. Каждую минуту какой-нибудь автомобиль прибавляет газу и втискивается на свободное место в веренице машин, выбрасывая из-под колес грязную слякоть.

Патрульный полицейский Лундберг наверняка единственный, кто никуда не спешит. Заложив руки за спину, он медленно шагает по Регерингсгатан мимо рождественских витрин.

Тающий на крышах снег тяжелыми каплями стучит по его форменной фуражке, а ботинки шлепают по снежной слякоти. Возле универмага «НК» он сворачивает на Смоландсгатан, где меньше автомобилей и нет такой толкучки. Медленно спускается с горы, чтобы не поскользнуться, останавливается и стряхивает с фуражки капли воды перед зданием, где когда-то находился полицейский участок округа Якоб. Лундберг молод, на службе он еще новичок, поэтому не может помнить старый полицейский участок, который уже много лет закрыт, а его район теперь относится к полицейскому участку округа Клара.

Патрульный Лундберг служит в участке округа Клара, и на Смоландсгатан он по служебным делам. На углу Норландсгатан есть кондитерская. Он входит туда. У него есть приказ взять у одной из продавщиц, которая обслуживает несколько столиков, конверт с неизвестным ему содержимым. Он ждет ее, облокотившись на стойку со сладостями, и глазеет вокруг.

Сейчас десять часов утра и кондитерская почти пуста.

За столиком прямо напротив него сидит мужчина с чашечкой кофе. Лундбергу мужчина кажется знакомым, и он начинает рыться в памяти. Мужчина сует руку в карман за деньгами и рассеянным взглядом скользит по патрульному.

Лундберг чувствует, как у него на затылке шевелятся волосы.

Мужчина с Гёта-канала!

Лундберг почти уверен, что это он. Много раз в полицейском участке патрульный подробно изучал его фото и хорошо его запомнил. В азарте он чуть не забывает о конверте, который продавщица подает как раз в тот момент, когда мужчина встает и кладет на столик несколько монеток. Он с непокрытой головой и без плаща, а когда он идет к двери, Лундберг отмечает, что рост, телосложение и цвет волос соответствуют описанию.

Через застекленную дверь Лундберг видит, как мужчина поворачивает направо. Быстро прощается с продавщицей и бежит за ним. В двух шагах впереди него мужчина входит в дом, и Лундберг успевает заметить, как за ним закрывается дверь, ведущая в широкий подъезд. На двери табличка: «И.А. ЭРИКСОН, ПЕРЕВОЗКА МЕБЕЛИ, КОНТОРА». Верхняя часть двери застеклена. Лундберг осторожно входит в подъезд. Проходя мимо двери, он пытается заглянуть внутрь, но ему удается выяснить лишь, что в правом углу за дверью имеется еще одна стеклянная перегородка. Во дворе стоят два грузовика, а на дверцах у них написано белыми буквами «ЭРИКСОН. ПЕРЕВОЗКА МЕБЕЛИ».

Он снова проходит мимо двери в контору. На этот раз еще медленнее, вытягивает шею и изо всех сил пытается заглянуть внутрь. За стеклянными перегородками имеются еще две или три комнатки, двери которых выходят в коридор. На ближайшей двери, которая ведет в самый маленький кабинет, он замечает надпись «КАССА». На следующей двери написано «ДИСПЕТЧЕР Ф. БЕНГТССОН».

Высокий мужчина стоит у стола и разговаривает по телефону. Он повернулся спиной к Лундбергу и смотрит в наполовину выкрашенное белой краской окно, выходящее на улицу. Пиджак он снял и надел черный рабочий халат, одну руку держит в кармане. В последнюю дверь в конце коридора входит мужчина в синем комбинезоне и шапочке. В руке он держит какие-то бумаги. Открывая дверь в диспетчерскую, он бросает взгляд в сторону входной двери, и Лундберг спокойно, медленно снова выходит на улицу.

Он только что успешно закончил свою первую слежку.

— В таком случае, я идиот, — заявил Колльберг. — Нужно постучать по дереву.

— В двенадцать часов у него обед, — сказал Мартин Бек, — так что если поторопишься, вполне успеешь. Замечательный парень этот Лундберг, если, конечно, он прав. Надеюсь на это. Если все будет нормально, позвони днем, Стенстрём тебя сменит.

— Думаю, до конца дня меня хватит. Пусть подменит меня вечером.

Без четверти двенадцать Колльберг был на месте. Он сел у окна в маленьком ресторанчике напротив здания транспортного агентства. На столике перед ним стояли кофе и маленькая красная вазочка с чуть увядшим тюльпаном, еловой веткой и пыльной фигуркой из пластмассы. Он медленно пил кофе и наблюдал за подъездом на противоположной стороне. Прикинул, что пять окон слева от входа принадлежат фирме по перевозкам, но за ними ничего не видно, потому что они наполовину выкрашены снизу белой краской.

Когда из ворот выехал грузовик с названием фирмы на дверцах, Колльберг взглянул на часы. Без трех двенадцать. Через две минуты открылась дверь конторы и вышел высокий мужчина в темно-сером плаще и черной шляпе. Колльберг положил на стол деньги, встал, надел шляпу и при этом непрерывно наблюдал за мужчиной, который тем временем сошел с тротуара, пересек улицу и проходил мимо ресторана. Когда Колльберг вышел на улицу, мужчина как раз поворачивал на Норландсгатан. Колльберг направился за ним. В двадцати метрах за углом был ресторан самообслуживания. Мужчина вошел туда.

У стойки была очередь, и мужчина терпеливо ждал. Подойдя к стойке, он взял поднос, поставил на него бутылочку молока, хлеб и масло, у окошка что-то заказал, расплатился и уселся за свободный столик спиной к Колльбергу.

Когда кассирша выкрикнула: «Жареная форель!», он встал и взял тарелку с едой. Ел он медленно и сосредоточенно, смотрел прямо перед собой только тогда, когда подносил к губам стакан с молоком. Колльберг взял себе кофе и сел так, чтобы видеть лицо мужчины. Он все сильнее и сильнее убеждался в том, что перед ним действительно мужчина с кинопленок Кафки.

Мужчина не брал себе кофе и не стал курить. Окончив есть, он лишь тщательно вытер губы, надел плащ, шляпу и вышел. Колльберг следовал за ним до Рёрстрандгатан, там он перешел на противоположную сторону улицы и направился к Королевскому саду. Мужчина шел довольно быстро, и Колльберг, идя за ним по аллеям сада, держался метрах в двадцати позади. У Молин-фонтана мужчина свернул вправо, обошел фонтан, наполовину наполненный грязно-серым полурастаявшим снегом, и продолжил путь по аллее. Колльберг шагал за ним мимо кафе «Бланш», мимо универмага на противоположной стороне улицы, вниз по Рёрстрандгатан до Смоландсгатан, где мужчина пересек улицу и исчез в подъезде.

Ну и ну, подумал Колльберг, ничего себе приключение.

Он посмотрел на часы. Обед и прогулка длились ровно сорок пять минут.

Днем ничего особенного не происходило. Вернулся пустой грузовик, в ворота входили и выходили люди, уехал пикап и вскоре вернулся, уехали два грузовика, а когда один из них возвратился, он едва не столкнулся с пикапом, который как раз выезжал из ворот.

Без пяти минут пять из ворот вышел шофер одного из грузовиков с какой-то толстой седовласой женщиной. Через пять минут ушел другой шофер; третий с машиной еще не вернулся. Сразу вслед за ним появились еще трое мужчин и быстро перешли улицу. Они ввалились в ресторан, громко заказали три пива и молча принялись медленно пить его.

В пять минут шестого появился долговязый. Он вынул из кармана связку ключей и запер дверь. Положил ключи в карман, подергал дверь, чтобы убедиться в том, что она закрыта, и зашагал по тротуару.

Одеваясь, Колльберг услышал, как один из трех любителей пива говорит:

— А Фольке идет домой.

Другой добавил:

— И чего он так бежит домой, не пойму, словно его кто-то заставляет. Не знает своего счастья. Вы бы только послушали мою старуху, когда я вчера пришел домой… такой скандал устроила, и все из-за того, что человек после работы выпил пару бокалов пива. Черт возьми, имеет же право человек…

Что он говорил дальше, Колльберг не слышал. Так, значит, долговязого зовут Фольке Бенгтссон, и в настоящий момент Колльберг потерял его из виду, но тут же обнаружил на Норландсгатан. Он продирался сквозь толпу в направлении Рёрстрандгатан, где стал дожидаться автобуса на остановке напротив универмага «НК».

Когда Колльберг подоспел туда, между ним и Бенгтссоном оказалось в очереди четыре человека. Он надеялся, что автобус придет не переполненный, и они оба сядут. Бенгтссон непрерывно смотрел прямо перед собой. Казалось, он рассматривает рождественскую витрину универмага. Когда пришел автобус, он быстро вскочил на подножку, а Колльбергу лишь с большими усилиями удалось протиснуться в дверь, которая тут же зашипела и захлопнулась.

На Санкт-Эриксплан мужчина сошел. Машины ехали сплошным потоком, он дождался зеленого света и пересек площадь. На Рёрстрандгатан он вошел в универсам.

Потом он направился дальше по Рёрстрандгатан, свернул на Беркгатан, сразу же пересек ее и вошел в дом. Через минуту к дому подошел Колльберг и прочитал список жильцов. В доме было две лестницы, одна выходила во двор, другая на улицу. Колльберг поздравил себя с удачей, выяснив, что Бенгтссон живет на третьем этаже, а вход в парадное с улицы.

Он укрылся напротив, в подъезде дома и смотрел на третий этаж. На четырех окнах были видны белые тюлевые гардины с кистями и множество цветочных вазончиков. Благодаря любителям пива в ресторане, Колльберг знал, что Бенгтссон старый холостяк, и посчитал маловероятным, что это окна его квартиры. Он сосредоточился на оставшихся двух окнах. Одно было приоткрыто. Пока он за ним наблюдал, засветилось второе окно, очевидно, кухонное. Виден был потолок и верхняя часть стен, выкрашенных белой краской. Он несколько раз заметил, что за окном кто-то двигается, но видно было недостаточно четко, чтобы утверждать, что это в самом деле Бенгтссон.

Через двадцать минут свет в кухне погас и зажегся в соседнем окне, через несколько секунд в окне появился Бенгтссон. Он открыл окно настежь и выглянул наружу. Потом закрыл окно на крючок, опустил штору. Она была желтая и прозрачная. Колльберг видел, как силуэт Бенгтссона исчезает где-то в глубине комнаты. Гардин у него, очевидно, не было, потому что по обе стороны шторы пробивались довольно широкие полосы света. Колльберг позвонил Стенстрёму.

— Он дома. Если до девяти я тебе не позвоню, придешь меня сменить.

В восемь минут десятого прибыл Стенстрём. Это произошло после того, как в восемь часов погас свет и через минуту в щелях по обе стороны шторы появился слабый холодный голубоватый отсвет.

У Стенстрёма была с собой вечерняя газета, они прочли, что по телевизору сейчас идет американский фильм.

— Фильм так себе, — сказал Колльберг. — Я видел его лет десять-пятнадцать назад. Лучше всего там конец: все умирают, кроме одной девушки. Ну, я побегу, еще успею посмотреть конец. Если до шести мне не позвонишь, я приду.

Утро было морозным, на небе ярко сверкали звездочки, когда спустя девять часов Стенстрём направлялся к Санкт-Эриксплан. Свет в комнате на третьем этаже погас в половине одиннадцатого, и с тех пор больше ничего не происходило.

— Смотри, не замерзни, — сказал перед уходом Стенстрём.

Когда наконец открылась входная дверь и появился долговязый, Колльберг вознес благодарность небесам, что теперь появилась возможность хотя бы немного двигаться.

Бенгтссон был в том же самом плаще, что и накануне, шляпу он сменил на серую каракулевую шапку. Шагал он быстро, дыхание вырывалось у него изо рта белым паром. На Санкт-Эриксплан он сел в автобус в сторону Рёрстрандгатан, и за несколько минут до восьми Колльберг увидел, как он входит в дом, где находится транспортная фирма.

Через два часа он снова появился, зашел в кондитерскую-автомат в соседнем доме, выпил кофе и съел два бутерброда. В двенадцать отправился в ресторан самообслуживания, после обеда пошел пройтись и снова вернулся в контору. В две минуты шестого запер дверь, поехал автобусом на Санкт-Эриксплан, купил в пекарне хлеба и пошел домой.

Без двадцати восемь он вышел из дома. На Санкт-Эриксгатан он свернул направо, через мост вышел на Флеминггатан, повернул на Кунгсхольмсгатан и там вошел в один дом. Колльберг остановился перед входом, над которым большими красными буквами было написано «КЕГЕЛЬБАН». Он открыл дверь и тоже вошел.

В кегельбане было семь дорожек, а сбоку, за декоративной решеткой, находился бар с маленькими круглыми столиками и табуретками, обтянутыми кожей. Здесь было шумно и весело, время от времени раздавался гул катящихся шаров и стук падающих кеглей.

Колльберг сразу не увидел Бенгтссона. Зато мгновенно обнаружил двух из трех мужчин, которые накануне были в ресторане. Они сидели за столиком в баре, и Колльберг тут же отпрянул к двери, чтобы его случайно не узнали. Через минуту к столу подошел третий с Бенгтссоном. Когда они начали играть, Колльберг вышел наружу.

Через два часа игроки в кегли расстались на остановке трамвая на Санкт-Эриксгатан, а Бенгтссон вернулся домой пешком тем же путем, что и пришел.

В одиннадцать часов в квартире Бенгтссона погас свет, но в это время Колльберг уже лежал дома в постели, а его коллега, предусмотрительно надев толстую дубленку, прогуливался взад-вперед по Беркгатан. Стенстрёма мучила простуда.

На следующий день была среда, она прошла в принципе так же, как и вторник. Стенстрём не поддался простуде и провел бóльшую часть дня в ресторане на Смогландсгатан.

Вечером Бенгтссон отправился в кино. На пять рядов позади него тихо страдал Колльберг, а в это время на экране светловолосый полуобнаженный Мистер Америка голыми руками расправлялся с допотопными чудищами кинематографических размеров.

Следующие два дня прошли как близнецы. Стенстрём и Колльберг поочередно сменяли друг друга и изучали скучную и тщательно организованную жизнь этого человека. Колльберг еще раз посетил кегельбан и убедился в том, что Бенгтссон хорошо играет, а также узнал, что ходит он туда с незапамятных времен каждый вторник со своими коллегами.

На седьмой день было воскресенье, и, по мнению Стенстрёма, за все это время произошло лишь одно достойное внимания событие: состоялся хоккейный матч Швеция-Чехословакия, на котором присутствовали он, Бенгтссон и еще десять тысяч зрителей. В ночь с воскресенья на понедельник Колльберг нашел на Беркгатан другой дом, в парадном которого ему удалось спрятаться.

Когда в следующую субботу он увидел, как Бенгтссон входит и закрывает дверь в две минуты первого и идет в направлении Регерингсгатан, то подумал: «Ага, значит, мы идем выпить пивка». Когда же Бенгтссон открывал дверь немецкой пивной «Левёнброй», Колльберг стоял на углу Дроттнинггатан и тихо ненавидел его.

Вечером он сидел в своем кабинете в Кристинеберге и разглядывал фотографии, отпечатанные с кинопленки. Он уже сбился со счета, сколько раз это делал.

Каждую фотографию он изучал долго и тщательно, и хотя ему не хотелось в это поверить, видел перед собой все время одного и того же человека, за чьей размеренной жизнью следил вот уже четырнадцать дней.

XXIII

— Конечно, мы на ложном пути. Это не он, — сказал Колльберг.

— Тебя это начинает утомлять?

— Ты неправильно меня понял. Я ничего не имею против того, чтобы дежурить по ночам на Беркгатан, но…

— Но..?

Десять дней из четырнадцати это выглядело следующим образом: в семь часов он поднимает штору. В одну минуту восьмого открывает окно. Без двадцати пяти восемь прикрывает окно на крючок, чтобы оно оставалось полуоткрытым. Без двадцати восемь выходит из дома, отправляется на Санкт-Эриксплан и автобусом номер пятьдесят шесть едет до перекрестка Регерингсгатан и Рёрстрандгатан, там сходит и идет в контору; дверь открывает за тридцать секунд до восьми. В десять часов идет в кондитерскую-автомат «Сити», где пьет кофе и завтракает бутербродом с сыром. В одну минуту первого отправляется в один из двух ресторанов самообслуживания, находящихся неподалеку. Ест он…

— Вот-вот, что, собственно, он ест? — спросил Мартин Бек.

— Рыбу или жареное мясо. В двадцать минут первого заканчивает обед и совершает короткую быструю прогулку до Королевского сада или до Нормальмсторг, после чего возвращается на работу. В пять минут шестого закрывает контору и идет домой. Если погода плохая, едет на пятьдесят шестом. В противном случае идет домой пешком по Регерингсгатан, Кунгсгатан, Дроттнинггатан, Упландгатан, проходит через Ваза-парк, пересекает Санкт-Эриксплан и выходит на Беркгатан. По пути делает покупки в каком-нибудь универсаме, где меньше народа. Ежедневно покупает молоко и бисквиты, хлеб покупает регулярно, масло, сыр и консервы тоже.

Восемь вечеров из четырнадцати торчал дома и смотрел телевизор. В первую и вторую среду ходил вечером в кинотеатр «Лорри». Один фильм был хуже другого, и мне, естественно, пришлось их смотреть. По дороге домой покупает в киоске и съедает сосиску с горчицей. В первое и второе воскресенье ездил трамваем на зимний стадион и смотрел хоккей. Эти матчи, естественно, видел Стенстрём. В первый и второй вторник ходил в кегельбан на Кунгсхольмсгатан и два часа играл в кегли с тремя коллегами. В субботу работает до двенадцати. Потом идет в пивную «Левёнброй», где выпивает один бокал пива и съедает порцию рыбного салата. Потом бредет домой. На улице на девушек не обращает внимания, но иногда рассматривает киноафиши и витрины, главным образом, скобяных товаров и спортивных принадлежностей.

Газет не покупает и не выписывает. Впрочем, покупает два еженедельника — «Рекорд» и какой-то журнал для рыболовов, забыл его название. С моей стороны преступная небрежность. В подвале дома, где он живет, нет синего мопеда марки «Монарк», зато есть красный мопед марки «Свален». Принадлежит ему. Почту получает редко. С соседями отношений не поддерживает, но вежливо здоровается при встрече.

— Какой он?

— Откуда, черт возьми, мне это знать? Стенстрём утверждает, что он болеет за «Юргорден».

— Нет, я серьезно.

— Производит впечатление здорового, энергичного, спокойного, сильного и скучного человека. Спит с открытым окном. Ходит легко, одевается нормально, не нервничает. Никогда не спешит, но и не лодырничает. Ему бы следовало курить трубку, но он не курит.

— Он знает о вас?

— Думаю, нет. По крайней мере, обо мне нет.

Они несколько секунд сидели и молча наблюдали, как кружатся большие влажные снежинки.

— Понимаешь, — снова начал Колльберг, — у меня такое предчувствие, что в подобном духе мы будем продолжать до лета, когда он пойдет в отпуск. Это весьма занимательный театр, но его жертвой могут стать две работоспособных единицы… — Он замолчал. — Да, между прочим, работоспособных, а сегодня ночью на меня разорался какой-то пьяница, когда я там спал стоя. Со мной чуть инфаркт не случился.

— Так это он?

— На того, из кинофильма, он похож как две капли воды.

Мартин Бек покачался на стуле.

— Ладно, доставим его сюда.

— Сейчас?

— Да.

— Кто?

— Ты. Когда он закончит работу. Чтобы у него не получился прогул. Возьми его к себе наверх и запиши личные данные. Когда закончишь, позови меня.

— Так, чтобы его не спугнуть?

— Естественно.

Уже четырнадцатое декабря. Вчера был день Святой Люции, и Мартину Беку пришлось вынести полицейский вариант традиционного праздника: девушки из управления в белых одеждах, жирные пончики и два стаканчика абсолютно безалкогольного грога.

Он позвонил окружному начальнику в Линчёпинг, Ольбергу в Муталу и был немного удивлен, когда оба тут же заявили, что приедут.

Прибыли они около трех. Окружной начальник ехал через Муталу и захватил Ольберга с собой; он обменялся парой фраз с Мартином Беком и отправился к Хаммару.

Ольберг сидел в кресле для посетителей два часа, но за это время они обменялись лишь несколькими замечаниями. Ольберг сказал:

— Думаешь, это он?

— Не знаю.

— Это должен быть он.

— Гм.

Через пять минут кто-то постучал в дверь. Это были окружной начальник и Хаммар.

— Я убежден, что ты прав, — сказал начальник. — Можешь сам решить, как тебе действовать.

Мартин Бек кивнул.

Без двадцати шесть зазвонил телефон.

— Послушай, — сказал Колльберг, — ты не мог бы зайти на минутку ко мне? У меня тут господин Фольке Бенгтссон.

Мартин Бек положил трубку и встал. В дверях он обернулся и посмотрел на Ольберга. Они ничего не сказали друг другу.

Он медленно поднимался по лестнице. У него было какое-то необычное чувство пустоты в животе и левой стороне груди, хотя допросы он проводил уже тысячу раз.

Колльберг, без пиджака, облокотился на стол, он казался спокойным и доброжелательным. Меландер сидел к нему спиной и невозмутимо рылся в своих бумагах.

— Это тот самый господин Фольке Бенгтссон, — сказал Колльберг и встал.

— Бек.

— Бенгтссон.

Обычное рукопожатие. Колльберг надел пиджак.

— Ну, так я пойду. Пока.

— Пока.

Мартин Бек сел. В пишущую машинку Колльберга был вставлен лист бумаги. Он повернул валик и прочел: Фольке Леннарт Бенгтссон, служащий, родился 6.8.1926 в Стокгольме. Холост.

Он посмотрел на сидящего перед ним мужчину. Голубые глаза, обычное лицо. Кое-где седые пряди в волосах. Ни малейших следов нервозности. На первый взгляд все нормально.

— Вы знаете, почему мы попросили вас прийти к нам?

— Нет, этого я не знаю.

— Мне кажется, вы могли бы кое в чем нам помочь.

— В чем же?

Мартин Бек посмотрел в окно и сказал:

— Ну и метет, да?

— Да.

— Где вы были летом в первую неделю июля? Можете вспомнить?

— Могу, потому что у меня был отпуск. Фирма предоставляет нам ежегодный отпуск в последнюю неделю июня и три первых недели июля.

— Да, слушаю вас…

— Во время отпуска я был в нескольких местах, почти четырнадцать дней провел на западном побережье. Во время отпуска я езжу ловить рыбу. Зимой тоже, хотя бы раз в неделю.

— Как вы туда добирались? На автомобиле?

Мужчина улыбнулся.

— Нет, у меня нет автомобиля. И даже нет водительского удостоверения. Я ехал на мопеде.

Мартин Бек немного помолчал.

— Хорошее дело, у меня самого несколько лет назад был мопед. А какая у вас марка?

— Тогда у меня был «Монарк», но осенью я купил новый мопед.

— Вы помните, как провели отпуск?

— Да. Вначале я был неделю в Меме, это на восточном побережье, там, где начинается Гёта-канал. Потом поехал в Гётеборг и лен[13] Гётеборг-Бохус.

Мартин Бек встал и подошел к графину с водой, стоящему на картотечном ящике у двери. Посмотрел на Меландера. Вернулся. Открыл крышку магнитофона и подсоединил магнитофон. Меландер сунул трубку в карман и вышел. Мужчина посмотрел на магнитофон.

— Вы плыли на пароходе от Мема до Гётеборга?

— Нет, я плыл из Сёдерчёпинга.

— Как назывался пароход?

— «Диана».

— Когда вы сели на пароход?

— Точное число я не помню. В начале июля.

— По пути случилось что-нибудь необычное?

— Насколько я помню, нет.

— Вы точно это помните? Подумайте.

— Ах да, вспомнил. У парохода была какая-то авария в машинном отделении, но это произошло еще до того, как я сел. Пароход опоздал. В противном случае я бы на него не успел.

— А что вы делали, когда приехали в Гётеборг?

— Мы пристали рано утром. Я отправился в один маленький городок, он называется Хамбургсунд. У меня там был заказан ночлег.

— Как долго вы там были?

— Четырнадцать дней.

— Чем вы занимались эти четырнадцать дней?

— Ловил рыбу. Погода была отвратительная.

Мартин Бек выдвинул ящик письменного стола и вынул оттуда три фотографии Розанны Макгроу.

— Вы знаете эту женщину?

Мужчина брал снимки один за другим и рассматривал их. Он не повел и бровью.

— У меня такое впечатление, что это лицо мне знакомо, — сказал он. — Кто это?

— Она тоже плыла на «Диане».

— Ага, вот почему мне кажется, что она мне знакома, — равнодушно сказал он.

Он еще раз посмотрел на фотографии.

— Хотя я в этом не уверен. Как ее зовут?

— Розанна Макгроу. Она была американка.

— Ага, уже вспоминаю, вы правы. Она была там. Я пару раз с ней разговаривал. Так, о том, о сем.

— И с тех пор вы ее имени не видели и не слышали?

— Нет, не слышал, вплоть до этой минуты.

Мартин Бек. перехватил взгляд мужчины. Он был холодный, спокойный и любопытный.

— Вы не знаете, что Розанна Макгроу как раз во время этого рейса была убита?

Выражение его лица незначительно изменилось.

— Нет, — сказал он наконец, — нет, я в самом деле об этом не знал.

Он нахмурился.

— Это правда? — внезапно спросил он.

— Очень странно, что вы об этом ничего не слышали. Честно говоря, я вам просто не верю.

Мартин Бек понял, что мужчина совершенно его не слушает.

— Понятно. Теперь я уже знаю, зачем вы меня вызвали.

— Вы слышали, что я сказал? Очень странно, что вы ничего не читали об этом случае, ведь о нем столько писали. Я просто не могу вам поверить.

— Если бы я об этом знал, то явился бы сам.

— Явился сам?

— Ну да, как свидетель.

— Свидетель чего?

— Я бы вам сказал, что видел ее. Где это случилось? В Гётеборге?

— Нет. По пути, на пароходе, у нее в каюте. Вы тоже тогда были там.

— Невероятно.

— Почему?

— Кто-нибудь ведь должен был слышать, что-то заметить. Ведь все каюты были заняты.

— Еще более невероятно, как вы могли об этом ничего не знать. Не станете же вы требовать, чтобы я в это поверил.

— Но это легко объяснить. Дело в том, что я не читаю газеты.

— Об этом убийстве говорили и по радио, и по телевидению. Эти фотографии несколько раз показывали по телевизору. Разве у вас нет телевизора?

— Есть. Но я смотрю только передачи о природе и фильмы.

Мартин Бек ничего не ответил и в упор посмотрел на сидящего перед ним мужчину. Когда прошла целая минута, он сказал:

— Почему вы не читаете газеты?

— В них нет ничего, что бы меня интересовало. Только политика и… ну, именно такие вещи, о которых вы говорили: убийства, несчастья и прочий ужас.

— Значит, вы вообще никогда ничего не читаете?

— Нет, почему же. Читаю разные журналы. Спортивные, о рыбной ловле, природе. Иногда какой-нибудь развлекательный роман.

— Какие именно журналы?

— «Спорт», покупаю почти каждый номер, потом «Оллспорт», «Рекорд» и еще «Карманное чтение», ну, это я читаю еще с тех времен, когда учился в школе. Иногда также покупаю американские журналы о спортивном рыболовстве.

— Со своими коллегами вы никогда не обсуждаете никаких событий?

— Нет, они знают, что такие вещи меня не интересуют. Конечно, между собой они что-то обсуждают, но я почти никогда не прислушиваюсь. В самом деле, это так и есть.

Мартин Бек ничего не говорил.

— Я понимаю, вам это кажется немного странным. Но могу лишь повторить, это так и есть. Вам придется мне поверить на слово.

— Вы верующий?

— Нет. Почему вы спрашиваете?

Мартин Бек взял сигарету и протянул пачку мужчине.

— Нет, спасибо, я не курю.

— Алкоголь употребляете?

— Мне нравится пиво. В субботу после работы я обычно выпиваю один-два бокала. Но более крепких напитков не употребляю.

Мартин Бек смотрел на него в упор. Мужчина не пытался отвести взгляд.

— Главное, мы вас, наконец-то, нашли.

— Да. Но как вам это удалось? Я имею в виду, как вы узнали, что я тоже был на пароходе?

— Да так, совершенно случайно. Вас просто кое-кто опознал. Но сейчас дело вот в чем: из всех людей, кого мы знаем, вы единственный разговаривали с той женщиной. Как это произошло?

— Думаю, что… погодите, уже припоминаю. Она случайно оказалась рядом со мной и о чем-то меня спросила.

— И?..

— И я ответил. Кое-как. Английский я знаю слабовато.

— Но ведь вы читаете американские журналы?

— Да, и поэтому использую каждую возможность поговорить с американцами или англичанами. Для тренировки. Но разговариваю я редко. Раз в неделю хожу смотреть американские фильмы, все равно какие. А по телевизору часто смотрю детективы без перевода, даже если сюжет меня не особенно интересует.

— Так значит, с Розанной Макгроу вы разговаривали? О чем?

— Ну…

— Попытайтесь вспомнить. Это может быть очень важно.

— Она рассказывала о себе.

— Что же, например?

— Откуда она, но я уже забыл.

— Из Нью-Йорка?

— Нет, она называла какой-то американский штат. Может, Невада… Нет, я в самом деле не помню.

— А еще?

— Говорила, что работает в библиотеке. Это я помню хорошо. И что была на Нордкапе и в Лапландии. Что видела северное сияние. Меня она тоже о многом расспрашивала.

— Вы много раз встречались?

— Нет, я бы не сказал. Я с ней разговаривал раза три-четыре.

— Когда именно? На каком отрезке пути?

Он ответил только через минуту.

— Это было сразу же в первый день. Помню, мы шли вместе между Бергом и мостом в Люнге, там пассажиры обычно проходят часть пути пешком, когда пароход находится в шлюзе.

— Вы знаете канал и его окрестности?

— Очень хорошо.

— Вы раньше ездили по этому маршруту?

— Да, много раз. Обычно часть пути я плыву на пароходе, если это не противоречит моим планам. Таких старых пароходов уже мало осталось, а путешествовать на них одно удовольствие.

— Сколько раз?

— Так вот, сразу, я не могу сказать. Мне надо минутку подумать. Ну, примерно десять за последние годы. Разные отрезки пути. Однажды я проехал весь маршрут от Гётеборга до Стокгольма.

— Палубным пассажиром?

— Да. Места в каютах продают задолго до начала рейса. Кроме того, для меня слишком дорого ехать как туристу, с каютой.

— Наверное, не очень приятно, если у человека нет каюты?

— Я бы не сказал. Если захочется, можно спать на диванчике в салоне. А я не неженка.

— Так значит, с Розанной Макгроу вы разговаривали. Помните, что шли пешком вместе с ней в Люнге. А что было позже, может, тоже помните?

— По-моему, я говорил с ней еще раз. Так, на ходу.

— Когда?

— Этого я уже не помню.

— Вы видели ее на последнем отрезке пути?

— Насколько я помню, нет.

— Знаете, где находилась ее каюта?

Ответа не последовало.

— Вы слышали вопрос? Где находилась ее каюта?

— Я пытаюсь припомнить. Нет, по-моему, я никогда этого не знал.

— Значит, у нее в каюте вы не были?

— Нет, я там действительно не был. Там очень маленькие каюты, и к тому же в них по два пассажира.

— Всегда?

— Нет, там есть и одноместные каюты, но их мало. Они слишком дорогие.

— Не знаете, Розанна Макгроу путешествовала одна?

— Об этом я никогда не думал. Насколько я помню, она ничего об этом не говорила.

— И вы никогда не провожали ее до каюты?

— Нет.

— О чем вы разговаривали в Люнге?

— Мне кажется, я спросил, не хочет ли она посмотреть на монастырскую кирху во Врете, это недалеко. Но она не захотела. Я вообще не уверен, поняла ли она, что я сказал.

— О чем вы еще говорили?

— Честно говоря, уже не помню. Так, ни о чем особенном. Мы как раз проходили часть пути по берегу канала. Там многие пассажиры шли пешком.

— Вы видели ее с другими людьми?

Мужчина сидел молча и тупо смотрел в окно.

— Это очень важный вопрос.

— Да, понимаю. Я пытаюсь вспомнить. Да, она с кем-то разговаривала, когда я стоял рядом с ней, с каким-то американцем или англичанином. Но я его не запомнил.

Мартин Бек встал и подошел к графину с водой.

— Хотите пить?

— Нет, спасибо, я не испытываю жажды.

Мартин Бек выпил воды и вернулся к столу. Нажал кнопку под столом. Перемотал пленку и выключил магнитофон.

Через минуту вошел Меландер и направился к своему столу.

— Пожалуйста, приложи это к документам.

Меландер взял катушку с пленкой и вышел.

Мужчина, которого звали Фольке Бенгтссон, напряженно и прямо сидел на стуле и смотрел на Мартина Бека ничего не выражающими голубыми глазами.

— Как я уже сказал, из всех, кого мы знаем, вы единственный, кто ее помнит или признается, что с ней разговаривал.

— Да.

— Может быть, это вы ее убили?

— Нет, не я. А вы думаете, что это я?

— Кто-то ведь должен был это сделать.

— Но ведь я даже не знал, что она мертва. И не знал, как ее зовут. Не думаете же вы, что я…

— Если бы я ждал, что вы признаетесь, то не задавал бы вам этот вопрос таким тоном, — сказал Мартин Бек.

— Да, да, в таком случае я понимаю… или думаю, что понимаю. Вы шутили?

— Нет.

Мужчина молчал.

— А если бы я вам сказал, что нам точно известно, что вы были у той женщины в ее каюте, как бы вы к этому отнеслись?

Прошло десять секунд, прежде чем прозвучал ответ.

— Я бы так сказал, что вы ошиблись, не знаю как, но вы должны были ошибиться. Вы ведь ничего такого не сказали бы, если бы не были в этом уверены, так?

Мартин Бек ничего не говорил.

— В таком случае я сказал бы, что там был, но не отдавал себе в этом отчета.

— Вы всегда отдаете себе отчет о том, что делаете?

Мужчина приподнял брови.

— Можете не сомневаться, отдаю, — сказал он и решительно добавил: — Я там не был.

— Поймите, — сказал Мартин Бек, — это очень запутанное дело.

Слава Богу, что этого нет на магнитофонной ленте, подумал он.

— Это я могу себе представить.

Мартин Бек закурил.

— Вы не женаты?

— Нет.

— Регулярно встречаетесь с какой-нибудь женщиной?

— Нет. Мне нравится холостяцкая жизнь, я привык быть один.

— У вас есть родные братья или сестры?

— Нет, я один.

— Вас воспитывали родители?

— Мать. Отец умер, когда мне было шесть лет. Я его почти не помню.

— Вы никогда не вступаете в сношения с женщинами?

— У меня, естественно, имеется некоторый опыт. Мне уже почти сорок лет.

Мартин Бек глядел на него в упор.

— Когда у вас возникает потребность в женщине, вы обращаетесь к проституткам?

— Нет, никогда.

— Вы можете назвать мне имя какой-нибудь женщины, с которой поддерживали регулярные отношения какое-то время?

— Могу, но не хочу.

Мартин Бек выдвинул ящик сантиметров на пятнадцать и заглянул туда, теребя при этом указательным пальцем нижнюю губу.

— Было бы очень хорошо, если бы вы смогли кого-нибудь назвать, — в растерянности вздохнул он.

— Самая последняя… я встречался с ней дольше, чем с другими… она уже замужем и мы не встречаемся. Это могло бы поставить ее в неловкое положение.

— И все-таки было бы хорошо, если бы вы мне сказали, — повторил Мартин Бек, глядя в ящик.

— Мне бы не хотелось причинить ей неприятности.

— Никаких неприятностей у нее не будет. Как ее зовут?

— Вы можете мне гарантировать… хорошо, ее зовут Сив Линдберг. Но я хочу вас попросить…

— Где она живет?

— На острове Лидингё. Ее муж инженер. Адрес я не знаю, кажется, где-то в Будале.

Мартин Бек бросил последний взгляд на фотографию женщины из Векшё. Задвинул ящик и сказал:

— Благодарю вас. Мне неприятно, что я вынужден расспрашивать вас о подобных вещах. Но, к сожалению, у нас такая работа.

Вошел Меландер и уселся за свой стол.

— Будьте добры, подождите меня минутку, — сказал Мартин Бек.

В кабинете этажом ниже из магнитофона как раз раздавались последние фразы. Мартин Бек прислонился к стене и слушал.

— Хотите пить?

— Нет, спасибо, я не испытываю жажды.

Первым нарушил тишину окружной начальник.

— Ну?..

— Отправим его домой.

Окружной начальник уставился в потолок, Колльберг в пол, а Ольберг посмотрел на Мартина Бека.

— К стенке ты его не очень-то и припер, — сказал окружной начальник. — Это был короткий допрос.

— Да.

— Если мы оставим его здесь… — произнес окружной начальник.

— В четверг его все равно придется отпустить, — закончил за него Хаммар.

— Мы не можем так поступить.

— Да, — сказал Хаммар, — не можем.

— Ну, хорошо, — сказал окружной начальник.

Мартин Бек кивнул. Он вышел из кабинета и поднялся наверх, по-прежнему чувствуя пустоту в животе и с левой стороны груди. Меландер и мужчина, которого звали Фольке Бенгтссон, очевидно, даже не пошевелились за время его отсутствия, и ничто не свидетельствовало о том, что они обменялись хотя бы словом.

— Сожалею, что пришлось вас побеспокоить. Если хотите, мы отвезем вас домой.

— Спасибо, я поеду в метро.

— Возможно, так даже будет быстрее.

— Да.

Мартин Бек, как обычно, проводил посетителя.

— До свидания.

— До свидания.

Обычное рукопожатие.

Колльберг и Ольберг сидели без движения и смотрели на магнитофон.

— Будем следить за ним дальше? — спросил Колльберг.

— Нет.

— Думаешь, это он? — спросил Ольберг.

Мартин Бек остановился в центре комнаты и посмотрел на своего помощника.

— Да, — сказал он. — Конечно, это он.

XXIV

Дом был очень похож на его собственный дом в Багармуссене. Неуютная лестничная клетка, на дверях стандартные таблички с именами и на каждом этаже лючок мусоропровода. Мартин Бек находился на Фрегатгатан в Будале, он приехал сюда пригородным поездом.

Время визита он выбрал очень тщательно. В четверть второго трудолюбивый шведский служащий сидит в своем кабинете, а вероятный грудной ребенок спит после обеда. Хозяйка приглушила поп-музыку по радио и попивает кофе.

Женщина, открывшая ему дверь, была маленькой голубоглазой блондинкой. Очень красивая. Еще нет тридцати. Она нервничала и держала дверную ручку, словно собиралась захлопнуть дверь перед его носом.

— Полиция… что-то случилось? Муж…

Лицо ее было растерянным и испуганным. И очень красивым, подумал Мартин Бек. Он показал ей удостоверение; это, как ему показалось, немного ее успокоило.

— Пожалуйста, проходите, но я совсем не понимаю, в чем могу вам помочь.

Обстановка в комнате приличная, но какая-то скучная, впрочем, вид из окна прекрасный. Прямо под окном залив Лилла Вертан, отделяющий остров от центра Стокгольма, два буксира у противоположного берега толкают большое грузовое судно к причалу. Он бы охотно поменялся с ней квартирами.

— У вас есть дети? — спросил он, чтобы как-то начать разговор.

— Да, дочь, ей десять месяцев. Я только что уложила ее.

Он вынул фото.

— Вы знаете этого мужчину?

Она мгновенно покраснела, глаза у нее забегали, она неуверенно кивнула.

— Да, я знала его. Но… прошло уже много лет. Что он сделал?

Мартин Бек не отвечал.

— Для меня это очень неприятно. Понимаете, муж… Она, очевидно, не знала, как продолжить.

— Может, мы присядем? — сказал Мартин Бек. — Не сердитесь, что я предлагаю это сам.

— Да. Нет. Конечно.

Она присела на краешек тахты и напряженно выпрямилась.

— Вам не нужно бояться и нервничать. Все очень просто: этот человек нас интересует как свидетель. К вам это дело не имеет никакого отношения. Нам нужна всего лишь общая информация о его характере, а ее мы можем получить только от того, с кем он был близок.

Она еще больше разнервничалась.

— Мне очень неловко, — сказала она. — Понимаете… муж… я уже два года как замужем, а он не знает… ничего о Фольке, я никогда ему об этом человеке не рассказывала… да, конечно, он знает, что у меня кто-то был… до него… — Она еще сильнее покраснела и совсем запуталась. — Мы об этих вещах никогда не говорим, — добавила она.

— Не волнуйтесь. Я хочу, чтобы вы всего лишь ответили на несколько вопросов. Ваш муж не узнает, что вы мне ответили, об этом больше никто не узнает. Никто из ваших знакомых.

Она кивнула, но смотрела куда-то в сторону.

— Так вы знаете Фольке Бенгтссона?

— Да.

— Когда и где вы с ним познакомились?

— Я… мы познакомились… четыре года назад… Мы оба работали в одной фирме.

— Транспортная фирма Эриксона?

— Да. Я работала там кассиром.

— И вступили с ним в интимную связь?

Она кивнула, не поворачивая к нему головы.

— Она долго длилась?

— Год, — прошептала она.

— Вам было хорошо вдвоем?

Она быстро и неуверенно взглянула на него и беспомощно развела руками.

Мартин Бек смотрел через ее плечо в окно, за которым было хмурое серое зимнее небо.

— Как это началось?

— Ну… мы… виделись ежедневно и начали вместе ходить на завтрак, а потом и на обед. А… он… несколько раз провожал меня домой.

— Где вы жили?

— В районе Ваза. На Уппландгатан.

— Вы жили одна?

— Нет, с родителями.

— Он иногда заходил к вам в квартиру?

Она энергично покачала головой, по-прежнему не глядя на него.

— А что было дальше?

— Он несколько раз приглашал меня в кино. А потом… ну, потом он пригласил меня на ужин.

— К себе домой?

— Нет… сначала нет.

— Когда же?

— В октябре.

— А сколько вы до этого встречались?

— Несколько месяцев.

— А потом вы вступили в интимную связь?

Она долго сидела молча. Наконец сказала:

— Я должна обязательно ответить на этот вопрос?

— Да, это в самом деле важно. Будет лучше, если вы ответите сейчас. Этим вы избавите себя от возможных неприятностей.

— Что же вы хотите знать? Что я должна ответить?

— Вы вступили в интимную связь, так?

Она кивнула.

— Когда это началось? Когда вы там были впервые?

— Нет… в четвертый или пятый раз. Кажется, в пятый.

— И это повторялось, так?

Она беспомощно посмотрела на него.

— Как часто?

— Не очень часто, насколько я помню.

— Каждый раз, когда вы приходили к нему?

— Что вы, вовсе нет.

— Чем вы еще занимались, когда были вместе?

— Ну… разным: ели, разговаривали, смотрели телевизор, наблюдали за рыбками.

— За рыбками?

— У него был большой аквариум.

Мартин Бек сделал глухой вдох.

— Вы были с ним счастливы?

— Я…

— Попытайтесь ответить.

— Но вы… это очень тяжелые вопросы. Да, думаю, что да.

— Он обращался с вами жестоко?

— Я вас не понимаю.

— Я имею в виду, когда вы были вдвоем. Он бил вас?

— Нет-нет.

— Оскорблял?

— Нет.

— Никогда?

— Нет, никогда, вовсе нет. А зачем ему нужно было это делать?

— Вы говорили о том, что поженитесь и будете жить вместе?

— Нет.

— Почему?

— Он о таких вещах никогда не заговаривал… как-то не получалось.

— Вы не боялись забеременеть?

— Да… боялась. Но мы всегда были очень осторожными.

Мартин Бек посмотрел на нее. Она по-прежнему сидела на самом краешке тахты, выпрямившись и сжав колени, мышцы ног у нее были напряжены. У нее покраснело не только лицо, но и шея и даже та часть плеч, которая видна. На лбу, где начинались волосы, выступили маленькие капельки пота. Он сделал еще одну попытку.

— Что вы можете сказать о нем как о мужчине? Сексуальной стороны.

Вопрос ее ошеломил. Она нервно стискивала руки. Наконец сказала:

— Он был милый.

— Что вы имеете в виду?

— Он… мне кажется, он очень нуждался в нежности. А я… я… я тоже.

Хотя он сидел не далее чем в полутора метрах от нее, ему пришлось напрягаться, чтобы ее расслышать.

— Вы его любили?

— Думаю, да.

— Он вас удовлетворял?

— Не знаю.

— Почему вы перестали встречаться?

— Не знаю. Просто это кончилось.

— И еще одно. Причем на этот вопрос вы должны ответить обязательно. Когда вы с ним вступали в интимную связь, инициативу каждый раз проявлял он?

— Ну… как вам сказать… скорее всего, да. Но я против этого никогда ничего не имела.

— Сколько раз вы вступали в интимную связь с ним за все это время?

— Пять раз, — прошептала она.

Мартин Бек сидел напротив и разглядывал ее. Ему еще хотелось спросить: «Он был вашим первым мужчиной? Вы каждый раз раздевались донага? Вы оставляли свет включенным? Случалось ли иногда, что…»

— До свидания, — сказал он наконец и встал. — Не сердитесь, что я вас побеспокоил.

Он сам за собой закрыл дверь. Последние ее слова были:

— Не сердитесь, но я чуточку стыдлива.

Мартин Бек ждал поезда и прохаживался по слякотной платформе, засунув руки глубоко в карманы, сгорбившись и фальшиво насвистывая. Наконец-то он знал, что нужно делать.

XXV

Хаммар слушал и рисовал на промокашке одного маленького человечка за другим. Говорили, что это хороший признак. Наконец он сказал:

— Где ты ее возьмешь?

— Возьмем кого-нибудь из наших сотрудниц.

— В таком случае нужно подыскать ее как можно быстрее.

Спустя десять минут спросил и Колльберг:

— Где ты ее возьмешь?

— Кто из нас двоих вот уже восемнадцать лет просиживает задницу на письменных столах наших женщин? Разве это я?

— Для этого дела любая не подойдет.

— Кто подходит для такого дела, не знает никто лучше тебя.

— Ну-ну. В любом случае мне нужно немножко подумать.

— Так думай.

Меландер не проявил к разговору, как казалось, ни малейшего интереса. Не повернувшись к ним и не вынув трубки изо рта, он сказал:

— Вибеке Амдал живет на Таможенной улице, ей пятьдесят девять, она вдова пивовара. Не помнит, чтобы видела Розанну Макгроу еще где-либо, кроме фотоснимка, который сделала на острове Риддархольмен. Карин Ларссон сбежала с судна в Роттердаме. Но полиция сообщает, что там ее уже нет, она, очевидно, уплыла на каком-то другом судне с фальшивыми документами.

— Как иностранка, естественно, — сказал Колльберг. — Мы найдем ее не раньше, чем через год. Или через пять лет. И все равно она ничего нам не скажет. Кафка еще но ответил?

— Нет.

Мартин Бек спустился на нижний этаж и позвонил в Муталу.

— Да, — спокойно сказал Ольберг. — Это единственная возможность. Но где ты найдешь эту девушку?

— Рассчитываю на какую-нибудь коллегу. Например, у вас.

— Нет. У нас такой нет.

Мартин Бек положил трубку. Телефон зазвонил. Это был один из тайных агентов с участка в округе Клара.

— Мы сделали точно так, как ты хотел.

— Ну и..?

— Парень выглядит самоуверенно, но ясно, что он насторожился. Напряжен, оглядывается и часто останавливается. Теперь уже будет трудно за ним следить так, чтобы он не заметил.

— Он мог обнаружить кого-либо из вас?

— Нет. Нас было трое, мы не ходили за ним, стояли месте и ждали, пока он пройдет. Кроме того, мы в этом деле специалисты. Он нас не обнаружит. Мы можем для тебя еще что-то сделать?

— Пока не нужно.

Следующий звонок был из округа Адольф-Фредерик.

— Это Хансон из пятого. Я наблюдал за ним на Броваллгатан утром и сейчас, когда он шел домой.

— Как он себя вел?

— Спокойно, но у меня такое впечатление, что он настороже.

— Он ничего не заметил?

— У него не было никаких шансов. Утром я сидел в автомобиле, а вечером везде толпы народу. Я только раз приблизился к нему, у газетного киоска на Санкт-Эриксплан, стоял в очереди за два человека от него.

— Что он покупал?

— Газеты.

— Какие?

— Разные. Четыре утренних и две вечерних сплетницы.

Меландер затюкал в дверь, как дятел, и заглянул.

— Ну так я пойду. Ты не имеешь ничего против? Иду покупать рождественские подарки, — объяснил он.

Мартин Бек кивнул, положил трубку и вдруг вспомнил: «О Господи, рождественские подарки!», но тут же забыл об этом.

Домой он ехал поздно, но избежать неприятной давки не удалось. Рождественская толкотня была в разгаре, и магазины закрывались позже чем обычно.

Дома жена сказала, что у него отсутствующий вид, но он ее не слушал и поэтому на замечание не отреагировал.

Утром за завтраком она спросила:

— У тебя на праздники будет выходной?

До четверти пятого ничего не происходило, как вдруг шумно ввалился Колльберг и объявил:

— Думаю, я нашел то, что нам нужно.

— У нас?

— Она работает в полицейском участке на Бергсгатан. Завтра в половине десятого придет тебе показаться. Если она подойдет, Хаммар договорится, чтобы ее к нам откомандировали.

— Как она выглядит?

— Я тебе уже говорил, немного похожа на Розанну. Фигура у нее получше, она красивее и, думаю, более ловкая.

— Что она умеет?

— Пару лет уже служит. Спокойная, здоровая и сильная.

— Ты настолько хорошо ее знаешь?

— Я почти ее не знаю.

— А она не замужем?

Колльберг вынул из нагрудного кармана лист бумаги с машинописным текстом.

— Здесь все, что тебе нужно знать. А я иду покупать рождественские подарки.

Рождественские подарки, подумал Мартин Бек и посмотрел на часы. Половина пятого. Тут же ему в голову пришла какая-то мысль, он придвинул к себе телефон и позвонил женщине в Будале.

— Ах, это вы. Послушайте…

— Я звоню не вовремя?

— Нет, дело не в этом… муж придет только без четверти шесть.

— Я хочу вас спросить еще об одной вещи. Тот мужчина, о котором мы говорили, получил от вас какой-нибудь подарок? Что-нибудь на память или просто так?

— Нет, мы никогда не дарили друг другу подарков. Понимаете, он был…

— Скупой?

— Нет, скорее экономный. Я тоже. Разве только…

Тихо. Он почти слышал, как она краснеет.

— Что вы ему дали?

— Такой… такой талисман… или медальон… очень дешевый.

— Когда это было?

— Когда мы расставались… хотел, чтобы я ему дала его… я его никогда не снимала.

— Он снял его сам?

— Но я с радостью его отдала ему. Человеку всегда приятно получить что-нибудь на память… даже если… я имею в виду воспоминания о тех временах…

— Огромное вам спасибо. До свидания.

Потом он позвонил Ольбергу.

— Я разговаривал с Ларссоном и советником. Начальник болен.

— Что они сказали?

— Одобрили. Им ясно, что другого выхода нет. Метод несколько неортодоксальный, но…

— Его уже использовали многократно, даже у нас в Швеции. Я хотел тебе предложить кое-что значительно более неортодоксальное.

— Это звучит многообещающе.

— Дай в газеты сообщение, что расследование близится к завершению.

— Сейчас?

— Да, сегодня же. Ты понимаешь мой замысел?

— Да, это был иностранец.

— Вот именно. Что-то в таком роде: мы получили сообщение, что американская полиция арестовала человека, которого уже длительное время разыскивал Интерпол в связи с убийством Розанны Макгроу.

— И мы все это время знали, что преступник находится не в Швеции?

— Что-то похожее. Главное, чтобы это было как можно быстрее.

— Ясно, понимаю.

— А лучше всего, если ты сам приедешь.

— Тоже как можно быстрее?

— Желательно.

В кабинет вошла курьерша. Мартин Бек прижал трубку к уху левым плечом и раскрыл телеграмму. Она была от Кафки.

— Что он пишет? — спросил Ольберг.

— Всего два слова: «Ставьте капкан».

XXVI

Служащая уголовной полиции Соня Хансон действительно немного напоминала Розанну Макгроу. Колльберг был прав.

Она сидела у Мартина Бека в кресле для посетителей, сложив руки на коленях, и смотрела на него спокойными серыми глазами. Ее темные волосы были подстрижены под мальчика, челка чуть прикрывала левую бровь. Лицо ее было свежим и открытым, казалось, она не пользуется косметикой. Выглядела она лет на двадцать пять, но Мартин Бек знал, что ей двадцать девять.

— Во-первых, — а это самое главное — я хочу, чтобы ты поняла, что это дело добровольное, — сказал он. — Так что можешь спокойно отказаться, если тебе не захочется. Мы выбрали тебя, потому что ты больше других подходишь для выполнения этой задачи. Прежде всего благодаря тому, как ты выглядишь.

Девушка в кресле отбросила челку со лба и с любопытством посмотрела на Мартина Бека.

— Во-вторых, — продолжил он, — ты живешь в центре и у тебя нет мужа и, насколько мне известно, друга, как это сейчас называется.

Девушка покачала головой.

— Надеюсь, что смогу вам помочь, — сказала она. — Но что плохого в том, как я выгляжу?

— Помнишь Розанну Макгроу, ту девушку из Америки, которую летом кто-то убил на Гёта-канале?

— Еще бы не помнить! Я занимаюсь у нас пропавшими женщинами, так что над этим делом тоже какое-то время работала.

— Мы знаем, кто ее убил, этот человек здесь, в городе. Я допросил его, он признается, что был на пароходе, когда это случилось, но утверждает, что об убийстве вообще ничего не слышал.

— Но ведь такое исключено. Об этом убийстве писали многие газеты.

— Он не читает газеты. Допрос зашел в тупик, он выглядит вполне заслуживающим доверия, а на все вопросы отвечает вроде бы честно. Задерживать его мы не могли, а теперь и следить прекратили. У нас есть единственная надежда, что он попытается сделать это снова. Именно поэтому ты нам и нужна. Конечно, если сама захочешь и если уверена, что справишься. Ты должна стать его следующей жертвой.

— Приятная перспектива, — сказала Соня Хансон и вытащила из кармана сигарету.

— Ты похожа на Розанну, и поэтому мы хотим попросить, чтобы ты побыла в роли подсадной утки. Это может выглядеть примерно так. Он работает диспетчером в транспортной фирме на Смоландсгатан. Ты пойдешь туда и сделаешь заказ на перевозку, немного с ним пофлиртуешь и, главное, постараешься, чтобы он записал твой адрес и телефон. У него должен возникнуть интерес к тебе. Будем надеяться, он клюнет.

— Но ты ведь его допрашивал. У него не возникнет подозрений?

— Мы дали в газеты сообщение, которое его абсолютно успокоит.

— Другими словами, я должна его соблазнить. Надо обдумать, как это сделать. А что будет, если мне это удастся?

— Можешь ничего не бояться. Мы все время будем рядом. Но сначала ты должна все это дело тщательно изучить. Прочесать огромный материал, который у нас есть. Это очень важно. Ты должна быть Розанной Макгроу. Я имею в виду, быть похожей на нее.

— В школе я играла в любительском театре, но в основном исполняла роли ангелочков или мухоморов.

— Ну, ничего, это пригодится.

Мартин Бек помолчал и добавил:

— Это наш единственный шанс. Ему нужен лишь импульс, и этот импульс должны ему предоставить мы.

— Хорошо, я попытаюсь. Надеюсь, мне это удастся. Но это будет нелегко.

— Ты должна сейчас все изучить: протоколы, пленки, показания свидетелей, письма, фотографии. Потом поговорим.

— Сейчас?

— Да, еще сегодня. Хаммар договорится, чтобы тебя отпустили с работы, пока мы тут не закончим. И еще. Мы должны посмотреть твою квартиру, изготовить дубликаты ключей. Впрочем, это мы сделаем потом.

Через десять минут он усадил ее в кабинете рядом с Колльбергом и Меландером. Когда он выходил, она уже сидела, положив локти на стол, и читала первое донесение.

После обеда приехал Ольберг. Он еще не успел сесть как следует, когда примчался Колльберг и начал так энергично хлопать его по спине, что едва не сбросил с кресла для посетителей.

— Гуннар завтра возвращается домой, — сказал Мартин Бек. — Ему тоже стоило бы до отъезда взглянуть на Бенгтссона.

— Ладно, только очень осторожно, — сказал Колльберг. — Мы могли бы успеть прямо сейчас, когда он будет возвращаться после работы домой. Конечно, если поторопимся. Весь город и еще половина страны бегает по улицам и скупает рождественские подарки.

Ольбсрг щелкнул пальцами и шлепнул себя ладонью по лбу.

— О Господи! Рождественские подарки! Я совершенно об этом забыл.

— Я тоже, — сказал Мартин Бек. — Вернее, иногда я об этом вспоминаю, но тут же забываю.

Пробки на улицах были просто ужасные. Без двух минут пять они высадили Ольберга на Нормальмсторг и он исчез в толпе на Смоландсгатан.

Колльберг и Мартин Бек припарковали автомобиль у ресторана «Бернс Салонгер» и остались ждать, сидя в машине. Через двадцать пять минут Ольберг уселся на заднее сиденье и сказал:

— Конечно, это человек из фильма. Он уехал автобусом номер пятьдесят шесть.

— На Санкт-Эриксплан. Потом покупает молоко, масло, хлеб и идет домой. Поест, поглазеет в телевизор и отправляется в постельку, — молол языком Колльберг. — Куда вас отвезти?

— Останемся здесь. Последняя возможность купить рождественские подарки, — сказал Мартин Бек.

Через час Ольберг простонал в отделе игрушек:

— Колльберг ошибается. Вторая половина страны тоже здесь.

Они потратили почти три часа на покупки и еще час, чтобы добраться до Багармуссена.

На следующий день Ольберг впервые увидел женщину, которая должна была играть роль подсадной утки. Она успела прочесть лишь малую часть материалов дела.

XXVII

Это было скучное рождество. Мужчина по имени Фольке Бенгтссон провел его в тишине и спокойствии у своей матери в Сёдертелье. Мартин Бек думал о нем непрерывно, даже в кирхе, и тогда, когда обливался потом под маской усатого деда-мороза, раздающего подарки. Колльберг объелся и провел три дня в больнице. Ольберг, чуточку пьяный, позвонил в день Святого Стефана[14]. В газетах появилось несколько не очень ловко сформулированных сообщений, из которых следовало, что в Америке близки к раскрытию убийства на шведском канале и шведская полиция может больше не заниматься этим делом.

Традиционное новогоднее убийство на этот раз произошло в Гётеборге и было расследовано менее чем за двадцать четыре часа. От Кафки пришла поздравительная открытка гигантского размера, изображающая оленя в лучах заходящего солнца на отвратительном фиолетовом фоне.

Седьмое января было обычным январским днем. На улицах толпились бледноватые, замерзшие люди, не имеющие ни кроны в кармане. Начинались дешевые распродажи, но в магазинах еще почти не появились покупатели. Кроме того, стояли туманные холодные дни.

Седьмое января было днем X.

Утром Хаммар устроил смотр боевых сил. Потом сказал:

— Как долго будет продолжаться этот эксперимент?

— Пока успешно не закончится, — быстро ответил Ольберг.

Хаммар представил себе возможные ситуации, в которых он может оказаться. Ну, например, Мартин Бек и Колльберг могут понадобиться и для других дел. Это касается Меландера и Стенстрёма, которые иногда также вынуждены заниматься этим делом. Кроме того, вскоре начнет скандалить третий полицейский участок и требовать возвращения своей сотрудницы.

— Ну, ни пуха ни пера, ребята, — сказал он наконец.

Через минуту там осталась одна Соня Хансон. У нее была простуда, она сидела в кресле для посетителей и сморкалась. Мартин Бек смотрел на нее: серый свитер, спортивные брюки и бесформенные сапоги.

— Хорошо же ты нарядилась, — произнес он без особого энтузиазма.

— Не волнуйся, я пойду домой и переоденусь. Но мне бы хотелось обратить твое внимание на одну вещь. Третьего июля было лето, а сейчас у нас зима. Наверное, покажется несколько странным, если я заявлюсь в фирму по перевозкам в бикини и темных очках и спрошу, могут ли они перевезти комод.

— Тебе нужно приложить все силы. Главное, чтобы ты поняла, что именно от тебя требуется. — Он несколько секунд сидел молча, а потом добавил. — Если, конечно, я сам это понимаю.

Женщина неуверенно смотрела на него.

— Думаю, в общем я это поняла, — сказала она. — Я прочла каждое слово о ней, перечитывала снова и снова. Фильм я смотрела по меньшей мере раз десять. Подобрала себе одежду и часами тренировалась перед зеркалом. Но легко это не получится, потому что она была совсем не такая, как я, у нее был другой характер и другие привычки. Я не жила так, как она, и никогда так жить не буду. Но я сделаю все, что в моих силах.

— Отлично, — сказал Мартин Бек.

Она выглядела неприступной, и он чувствовал себя с ней не очень умным. О ее личной жизни он знал лишь то, что у нее есть пятилетняя дочь, которая живет в деревне у ее родителей. По-видимому, замужем она никогда не была. И все же, хотя он как следует ее не знал, она ему нравилась. Она умная и деловая девушка и к работе относится добросовестно. А это главное.

Она позвонила в четыре.

— Я там уже была. Оттуда пошла прямо домой, надеюсь, ты ничего не имеешь против.

— В любом случае он вот так сразу не примчится. Как все прошло?

— Думаю, хорошо. Вряд ли можно было ожидать большего. Комод привезут завтра.

— Ты ему понравилась?

— Не знаю, хотя мне показалось, что какая-то искорка у него в глазах промелькнула. Впрочем мне трудно судить, потому что я не знаю, как он ведет себя обычно.

— Это было нелегко?

— Вовсе нет. Мне показалось, что он выглядит вполне приятно. Он в самом деле привлекательный мужчина. Думаешь, это действительно он? Я вообще-то не очень часто имела дело с убийцами, но как-то не могу себе представить, что это именно он убил Розанну.

— Я абсолютно уверен, что это он. Что он говорил? У него есть твой телефон?

— Да, он записал мой адрес и телефон на листке бумаги. Кроме того, я сказала ему, что у меня есть домофон, но я не отзываюсь, если никого не жду, поэтому пусть предварительно позвонит мне и скажет, когда они приедут. В общем-то он немногословен.

— Вы были в кабинете вдвоем?

— Да. За стеклянной перегородкой сидела какая-то толстая женщина, но она не могла нас слышать. Она как раз разговаривала по телефону, и я ее не слышала.

— Ты пыталась поговорить с ним еще о чем-нибудь, кроме комода?

— Да, я сказала, что погода отвратительная, он согласился. Тогда я сказала, как хорошо, что рождество уже закончилось, он ответил, что у него такое же чувство. Потом я сказала, что когда человек так одинок, как я, то рождество вовсе не кажется веселым.

— Что же он на это ответил?

— Что тоже одинок, что рождество его особенно не развлекает, тем более что он проводит его у мамочки.

— Отлично, — сказал Мартин Бек. — Вы говорили еще о чем-нибудь?

— Нет, кажется, нет. — Несколько секунд в трубке была тишина, потом она добавила: — Да, еще. Я попросила его написать имя и адрес фирмы, чтобы мне не нужно было искать в телефонном справочнике. Он дал мне визитную карточку.

— И после этого ты ушла?

— Да. Не могла же я стоять там вечно и болтать с ним, но я и не особенно торопилась. Плащ я расстегнула, чтобы он видел, какой у меня облегающий свитер. Кстати, чуть не забыла, я еще сказала ему, что если комод привезут вечером, это не страшно, я по вечерам сижу дома одна и жду, чтобы мне хоть кто-нибудь позвонил. Но он ответил, что они приедут в первой половине дня.

— Прекрасно. Я уже тебе говорил, что сегодня вечером надо устроить генеральную репетицию. Мы будем в полицейском участке округа Клара. Стенстрём сыграет роль Бенгтссона и позвонит тебе. Как только положишь трубку, сразу же позвонишь мне в участок, мы приедем к тебе и подождем Стенстрёма. Понятно?

— Вполне. Я позвоню тебе сразу после того, как закончу разговор со Стенстрёмом. Когда это будет?

— Этого я тебе не скажу. Ты ведь знаешь, когда позвонит Бенгтссон?

— Ты прав. Послушай, Мартин…

— Да?

— Он в самом деле довольно милый человек. Вовсе не неприятный или странный. Наверное, Розанне он тоже казался таким.

Кабинет в полицейском участке пятого округа на Регерингсгатан был уютным, но расположились они там с трудом.

Было без четверти девять, Мартин Бек уже дважды с начала до конца прочел вечернюю газету, за исключением спорта и объявлений. Ольберг и Колльберг два часа разыгрывали шахматную партию и не обращали внимания на то, что происходит вокруг. Стенстрём сидел в кресле у двери и спал с открытым ртом. Никто его не упрекал, потому что всю прошлую ночь он занимался каким-то другим делом. Кроме того, ему предстояло сыграть роль злодея и он мог не находиться в полной готовности.

Время от времени сюда входили полицейские в форме, чтобы посидеть у телевизора. Некоторые с любопытством посматривали на людей из уголовного розыска.

В восемь минут десятого Мартин Бек встал, подошел к Стенстрёму и взял его за плечо.

— Начинаем.

Стенстрём проснулся, подошел к телефону и набрал номер.

— Привет, — сказал он. — Можно придти? Отлично.

Он вернулся в свое кресло и мгновенно задремал.

Мартин Бек смотрел на часы. Через пятьдесят секунд зазвонил телефон. Для этой цели им выделили одну прямую линию, которую никто не мог занимать.

— Бек слушает.

— Привет, это Соня. Он только что звонил. Будет здесь через полчаса.

— Хорошо.

Он положил трубку.

— Так, ребята, выходим.

— Ты уже можешь спокойно сдаться, — сказал Ольберг.

— Ладно, — кивнул Колльберг. — Один ноль в твою пользу.

Стенстрём приоткрыл один глаз.

— С какой стороны мне подойти?

— Это мы оставляем на твое усмотрение.

Они спустились к автомобилю, стоявшему во дворе полицейского участка. Это был личный автомобиль Колльберга, он же и сел за руль. Когда они выехали на Регерингсгатан, он сказал:

— Я буду стоять в гардеробе.

— Еще чего, это место Ольберга.

— Почему?

— Потому что он единственный из нас, кого Бенгтссон не узнает, если случайно встретит в доме.

Соня Хансон жила на третьем этаже на углу Рунебергсгатан и Эриксбергсплан.

Колльберг запарковал автомобиль между театром и Тегнергатан. Они разошлись в разные стороны. Мартин Бек пересек улицу, вошел в сквер и укрылся за бюстом Карла Staafa.[15] Отсюда хорошо просматривались дом, Эриксбергсплан и начальные участки улиц, выходящих на площадь. Он видел, как по правой стороне Рунебергсгатан с беззаботным видом неторопливо приближается Колльберг. Ольберг сразу же направился к входной двери дома, открыл ее и исчез внутри. Он делал вид, что является обычным жильцом и сейчас

возвращается домой. Через сорок пять секунд Ольберг должен был уже войти в квартиру, а Колльбергу следовало занять свой пост в подъезде на Эриксбергсгатан. Мартин Бек остановил секундомер. Прошло точно пять минут и десять секунд с того момента, когда он положил трубку после разговора с Соней Хансон.

Мартин Бек поднял воротник, чтобы защититься от пронизывающего холода, и грозно отогнал пьяного, пытавшегося выпросить сигаретку.

Стенстрём к своей роли отнесся серьезно: он пришел на двенадцать минут раньше и к тому же вовсе не с той стороны, откуда его ждали. Он вынырнул из-за угла и смешался с толпой, которая валила из кинотеатра. Мартин Бек заметил его только тогда, когда Стенстрём подкрадывался к дому.

Колльберг тоже, очевидно, его проворонил, потому что столкнулся к Мартином Беком прямо у входа в дом.

Они одновременно вошли в дом и открыли внутреннюю, стеклянную, дверь. Колльберг начал подниматься по лестнице. Он должен был остановиться на полэтажа ниже и дальше действовать только по условному сигналу. Мартин Бек нажал кнопку вызова лифта, однако лифт не работал. Он побежал наверх по лестнице и на первом этаже обогнал изумленного Колльберга. Естественно, лифт стоял на третьем этаже. Стенстрём неплотно прикрыл дверь шахты и вывел лифт из строя. Тем самым ему удалось нарушить ту часть плана, по которой Мартин Бек должен был подняться лифтом на четвертый этаж и спускаться сверху.

В квартире все еще было тихо, но Стенстрём, очевидно, не терял времени даром, потому что уже через тридцать секунд внутри раздался приглушенный крик и звук удара. Мартин Бек заранее держал ключ в руке наготове и через десять секунд уже стоял в спальне у Сони Хансон.

Девушка сидела на постели. Стенстрём стоял в центре комнаты и зевал, а Ольберг держал его, завернув руку за спину.

Мартин Бек свистнул, и Колльберг, как скорый поезд, ворвался в квартиру. В спешке он опрокинул столик в прихожей. Ему не нужно было тратить время на то, чтобы открывать дверь.

Мартин Бек потер нос и посмотрел на девушку.

— Отлично, — сказал он, — отлично.

Она избрала реалистический стиль исполнения, на который он и надеялся. Она была босиком, без чулок, в тоненьком летнем хлопчатобумажном платье, из-под которого виднелись колени. Под платьем на ней наверняка больше ничего не было.

— Я только немножко оденусь и сразу сделаю кофе, — сказала она.

Они вышли в другую комнату. Она появилась очень быстро, теперь на ней были джинсы, коричневый свитер и шлепанцы. Уже через минуту на столе стоял кофе.

— Тот ключ, который вы мне дали, нужно немного подогнать, — сказал Ольберг. — Мне пришлось повоевать с замком, прежде чем удалось открыть дверь.

— Это не страшно, — сказал Мартин Бек. — Ты намного сильнее нас.

— Я слышал твои шаги на лестнице, — заметил Стенстрём, — в тот момент, когда Соня открывала дверь.

— Резиновые подошвы, — объявил Колльберг.

— Щель в шкафу превосходная, — сказал Ольберг. — Я видел тебя почти постоянно.

— В следующий раз вытащи ключ из двери, — заметил Стенстрём. — У меня было огромное желание закрыть тебя там.

Зазвонил телефон. Все замолчали. Девушка взяла трубку.

— Алло… да, привет… нет, сегодня вечером нет… ну, в ближайшие дни, у меня сейчас очень мало времени… познакомилась ли я с каким-то мужчиной… ну, это можно и так назвать.

Она положила трубку и посмотрела на них.

— Обычные дела, — сказала она.

XXVIII

Соня Хансон полоскала белье в ванной. Она закрыла воду и услышала телефонный звонок. Выбежала из ванной, бросилась к телефону, даже не вытерев рук.

Это был Бенгтссон.

— Комод уже повезли, — сказал он. — Они могут быть у вас минут через пятнадцать.

— Благодарю, очень любезно с вашей стороны, что вы позвонили. Я уже вам говорила, что не открываю никому, кто предварительно не позвонит, но я не рассчитывала, что вы так быстро его привезете. Мне нужно прийти заплатить к вам в контору или…

— Можете расплатиться с шофером, у него счет с собой.

— Хорошо, я расплачусь с ним. Вы очень любезны, большое вам спасибо, господин…

— Бенгтссон. Надеюсь, вы останетесь нами довольны, фрекен Хансон. Через пятнадцать минут вам его доставят. Спасибо и до свидания.

Когда он положил трубку, она набрала номер Мартина Бека.

— Комод будет здесь через четверть часа. Он только что звонил. Я просто чудом услышала этот телефонный звонок. Мне совершенно не пришло в голову, что когда в ванной включена вода, телефон совсем не слышно.

— Теперь тебе какое-то время нельзя будет принимать ванну, — сказал Мартин Бек. — Придется все время сидеть возле телефона. Не выходи на улицу и в прачечную, ну, в общем, в те места, куда ты обычно ходишь.

— Да, понятно. Мне идти туда сразу же после того, как привезут комод?

— Да. А потом позвони мне.

Он сидел в своем кабинете вместе с Ольбергом, который с любопытством вскинул брови, когда Мартин Бек положил трубку.

— Она пойдет туда через полчаса, — сказал Мартин Бек.

— В таком случае, нам остается только ждать. Хорошая девушка, она мне очень нравится.

После двух часов ожидания Ольберг сказал:

— Может быть, с ней что-то случилось?

— Спокойствие, — сказал Мартин Бек. — Она позвонит.

Через полчаса телефон наконец зазвонил.

— Что случилось? — спросил Мартин Бек и закашлялся.

— Начну с самого начала. Через двадцать минут после его звонка пришли два грузчика с комодом. Я на него как следует не посмотрела, только сказала, куда поставить. После их ухода выяснила, что это не мой комод, тут же собралась и пошла к ним жаловаться.

— Ты была там довольно долго.

— Да, там уже был какой-то клиент, когда я пришла. Я стояла за стеклом и ждала, а он каждую минуту на меня поглядывал, и мне казалось, что он хочет побыстрее спровадить того клиента. Он был очень расстроен, но я сказала, что за такую ошибку фирма не отвечает; мы даже поспорили, кто за что должен отвечать. Потом он попытался найти кого-нибудь, кто бы привез мне мой комод еще сегодня вечером.

— Ну и?

— Он никого не нашел. Обещал, что его обязательно привезут завтра утром. Сказал, что с удовольствием бы привез этот комод сам, а я ответила, что такого, естественно, не могу от него требовать, хотя с его стороны это очень мило.

— Гм. А потом ты ушла?

— Куда там, вцепилась в него, как клещ.

— С ним трудно разговаривать?

— Вовсе нет. Он выглядит немножко несмелым.

— О чем вы говорили?

— О том, что вокруг полно автомобилей, что раньше Стокгольм был намного приятнее. Я сказала, что если человек одинок, ему в этом городе не слишком весело, и он искренне согласился, но тем не менее утверждал, что лично ему хорошо, хотя он и одинокий.

— Как ты думаешь, ему было приятно с тобой разговаривать?

— Думаю, да. Но я не могла, естественно, сидеть там целую вечность. Он говорил, что иногда с удовольствием ходит в кино, но в компаниях не бывает. Потом я ушла. Он проводил меня до выхода и вообще был очень любезен. Что будем делать дальше?

— Ничего. Ждать.

Через два дня Соня Хансон еще раз пришла в контору.

— Я хотела поблагодарить вас за помощь и сказать, что комод довезли в полном порядке. Сожалею, что доставила вам столько хлопот.

— Ну, какие там хлопоты, фрекен Хансон, — сказал Фольке Бенгтссон. — Мы рады вас видеть в любое время. Всегда к вашим услугам.

В этот момент в кабинет вошел какой-то мужчина, судя по всему, начальник Бенгтссона, и их разговор прервался.

Выходя, она заметила, что Бенгтссон на нее смотрит. Когда она закрывала входную дверь, их взгляды встретились.

Медленно протекла скучная неделя, и они повторили попытку. На этот раз в качестве предлога снова использовали перевозку. Квартира на Рунебергсгатан была у нее недавно, и она еще не успела доставить туда все вещи, мебель и прочее.

Через пять дней она снова пришла в агентство, за несколько минут до пяти, просто так, шла мимо и решила зайти и посмотреть на него.

Она позвонила совершенно подавленная.

— Он по-прежнему не реагирует?

— Почти. Я думаю, что это не он.

— Почему?

— Он ужасно стесняется. И вообще не проявляет интереса. В предыдущий раз и сегодня я пустила в ход тяжелую артиллерию, явно ему навязывалась. Семь мужчин из десяти уже неделю сидели бы перед моей дверью и выли, как мартовские коты. По-моему, я его абсолютно не привлекаю. Что нам делать?

— Продолжать.

— Может быть, вам лучше найти кого-нибудь другого?

— Ты должна продолжать.

Продолжать. Как долго? Взгляд Хаммара с каждым днем выражал все большее любопытство, а лицо, которое смотрело на Мартина Бека из зеркала, становилось все более бледным и измученным.

Электрические настенные часы в полицейском участке района Клара отбили три часа бесконечной и бесплодной ночи. С тех пор, как они провели генеральную репетицию, прошло

три недели. План уточнили до мельчайших деталей, но ничто не свидетельствовало о том, что его когда-нибудь удастся осуществить. Совершенно ничего не происходило. Мужчина по имени Фольке Бенгтссон жил своей спокойной и размеренной жизнью, пил кефир, работал и спал свои десять часов каждую ночь. Все остальные уже начинали понемногу терять контакт с нормальной жизнью и окружающим миром. Все смертельно устали, но пользы от всего этого не было. Странная ситуация, думал Мартин Бек.

Он с ненавистью смотрел на черный телефон, который за эти три недели так ни разу и не звякнул. Женщина в квартире на Рунебергсгатан имела право воспользоваться им лишь в единственном случае. Для контроля ей звонили дважды каждый вечер, в шесть и в двенадцать. Кроме этого, вообще ничего не происходило.

Дома обстановка была напряженной. Жена ничего не говорила, но взгляд ее становился все более недоверчивым. Она уже давно перестала верить в это странное дело, которое никак не закончится и из-за которого мужа почти каждую ночь не бывает дома. А он не мог и не хотел ничего ей объяснять.

Колльбергу было полегче. Каждую третью ночь его сменяли Меландер или Стенстрём. Это страшно не нравилось Ольбергу, потому что он должен был играть в шахматы сам с собой. Как он выражался, решать шахматные задачи. Все темы для разговоров давно уже были исчерпаны.

Мартин Бек окончательно запутался в газетной статье и перестал делать вид, что читает ее. Он зевал и глядел на своих сонных коллег, сидящих понурив головы. Он посмотрел на часы. Без пяти десять. Снова зевнул, поднялся со стула и неверным шагом медленно направился в туалет. Помыл руки и ополоснул лицо ледяной водой. Пошел обратно.

За три шага до двери он услышал, как звонит телефон.

Колльберг уже закончил разговор и собирался положить трубку.

— Он в…

— Нет, — сказал Колльберг. — Он стоит на улице под окнами.

В течение последующих трех минут Мартин Бек еще раз успел повторить весь план до мельчайших подробностей. Этот ход был довольно неожиданным, но в плане ничего не изменялось. Он не попадет в дом, а если даже и попадет, едва ли доберется до лестницы раньше, чем туда подоспеют они.

— Действуйте осторожно.

— Да, — сказал Колльберг.

Он затормозил у театра. Они разделились.

Мартин Бек стоял в сквере. Он видел, как Ольберг входит в дом. Посмотрел на часы. Прошло четыре минуты с того момента, когда она звонила. Он думал об одинокой женщине на третьем этаже. Мужчины по имени Фольке Бенгтссон нигде не было видно.

Через тридцать секунд появился свет на третьем этаже. Кто-то подошел к окну и тут же исчез. Свет погас. Ольберг был на месте.

Они молча ждали у окна в спальне. Здесь было темно, но в окно пробивалась полоска света. В гостиной горел свет, чтобы было видно, что она дома. Окно гостиной выходило на улицу, из спальни была видна Эриксбергсплан, нижняя часть парка, часть Биргер-Ярлсгатан, Регерингсгатан, Тегнергатан и прямо под ними нацело Рунебергсгатан.

Бенгтссон стоял на автобусной остановке напротив дома и смотрел вверх на ее окна. На остановке он был один; он немного постоял там, потом огляделся по сторонам, медленно подошел к углу улицы и исчез за телефонной кабиной.

— Вот он, — прошептал Ольберг и сделал в темноте движение рукой.

Они видели, как от остановки отъехал автобус и на противоположной стороне площади свернул на Тегнергатан, а Бенгтссона нигде не было. Возможно, он стоял в телефонной кабине; они ждали, что вот-вот зазвонит телефон, и Ольберг держал руку на трубке.

Телефон упорно молчал, а через несколько минут Бенгтссон снова перешел на противоположную сторону улицы.

Вдоль тротуара тянулась каменная стена, которая заканчивалась у самого дома, прямо под окнами. За стеной поднимался травянистый склон, у его подножия были два общественных туалета, с дверьми, вмонтированными в стену.

Мужчина остановился на тротуаре и снова посмотрел вверх, на окна. Потом медленно направился ко входу в дом.

Он исчез из виду, и Ольберг долго напрягал зрение, прежде чем разглядел Мартина Бека, который неподвижно подпирал ствол дерева в сквере. Его на несколько секунд закрыл трамвай, появившийся на Биргер-Ярлсгатан, а когда трамвай проехал, Бека уже не было.

Через пять минут они снова увидели Бенгтссона.

Он шел так близко к стенке, что они заметили его только тогда, когда он пересек улицу и направился к остановке трамвая посреди площади. Остановился у киоска и купил сосиску. Стоял и, не торопясь, ел сосиску, при этом смотрел вверх, на окна. Потом начал прохаживаться взад-вперед по остановке, держа руки в карманах.

Спустя четверть часа Мартин Бек по-прежнему стоял у того же дерева.

Движение стало более оживленным, возле парка и по улице повалила толпа. Закончились сеансы в кинотеатрах.

Они на пару минут потеряли Бенгтссона из виду, но быстро разглядели его в группке людей, возвращающихся из кинотеатра. Он направился к телефонной кабине, но в двух метрах от нее остановился. Потом внезапно быстро зашагал к скверику. Мартин Бек повернулся к Бенгтссону спиной и предусмотрительно удалился.

Бенгтссон обогнул сквер, прошел мимо ресторана и исчез на Тегнергатан. Через несколько минут он снова появился на противоположном тротуаре и принялся ходить вокруг Эриксбергсплан.

— Как ты думаешь, он уже здесь когда-нибудь был? — спросила женщина в хлопчатобумажном летнем платье. — Ведь я… я заметила его только сегодня вечером, да и то чисто случайно.

Ольберг курил, прислонившись к стене у окна, и смотрел на нее. Она стояла лицом к окну, чуть расставив ноги и засунув руки в карманы платья, и ее глаза в слабом свете, падающем с улицы, казались темными впадинами на бледном лице.

— Может, он ходит здесь каждый вечер, — сказала она.

Когда мужчина пересек Тегнергатан и закончил четвертый круг по площади, она сказала:

— Если он будет так бродить вокруг всю ночь, я сойду с ума, а Леннарт с Мартином замерзнут.

Без пяти час он, все более ускоряясь, совершил уже восемь кругов по площади. У подножия лестницы в парк остановился, посмотрел вверх на окна и потом медленно перешел на противоположную сторону улицы.

К тротуару подъехал и остановился автобус, а когда он тронулся, Фольке Бенгтссона там уже не было.

— Смотри! Вон там Мартин! — сказала Соня Хансон. Услышав ее голос, Ольберг вздрогнул. До сих пор они только шептались, и впервые за два часа она заговорила нормальным голосом.

Он видел, как Мартин Бек мчится по улице и вскакивает в автомобиль, как и раньше стоящий у театра. Автомобиль рванул с места еще до того, как Мартин Бек успел захлопнуть за собой дверь, и поехал вслед за автобусом.

— Спасибо за компанию, — сказала Соня Хансон. — Я иду спать.

— Это мудро с твоей стороны, — похвалил ее Ольберг.

Сам он тоже охотнее всего отправился бы спать, но уже спустя десять минут входил в полицейский участок района Клара. Еще через минуту явился Колльберг.

Они успели сделать пять ходов до того, как вернулся Мартин Бек.

— Он поехал на автобусе до Санкт-Эриксплан и пошел домой. Свет погас почти сразу же. Наверняка он уже спит.

— Она заметила его случайно, — сказал Ольберг. — Наверное, он уже был здесь несколько раз.

— Даже если и был, это ничего не доказывает.

— Неужели?

— Колльберг прав, — сказал Мартин Бек.

— Естественно, я прав. Я тоже, бывало, бродил, как мартовский кот, возле домов, где жили приветливые девушки.

Ольберг пожал плечами.

— Конечно, тогда я был моложе. Причем намного.

Мартин Бек ничего не говорил. Его коллеги предприняли вялую попытку закончить шахматную партию. Через минуту Колльберг начал повторять ходы и партия закончилась вничью, хотя у него были шансы на выигрыш.

— Черт возьми, — сказал он. — Из-за этого субъекта я потерял нить игры. Какое у тебя уже преимущество?

— Четыре очка, — ответил Ольберг с важным видом. — Двенадцать с половиной на восемь с половиной.

Колльберг встал и принялся кружить по комнате.

— Вызовем его снова, сделаем тщательный обыск в квартире и как следует припрем к стенке, — сказал он.

Никто ему не ответил.

— Нужно снова начать следить за ним и привлечь для этого свежие силы.

— Нет, — сказал Ольберг.

Мартин Бек сидел, не говоря ни слова, и грыз сустав указательного пальца. Через минуту он сказал:

— Девушка начинает бояться?

— Я бы не сказал, — ответил Ольберг. — Ее нелегко так вот сразу вывести из равновесия.

Розанну Макгроу тоже нелегко было вывести из равновесия, подумал Мартин Бек.

Больше они об этом не разговаривали, но все уже пришли в себя, когда по усиливающемуся шуму транспорта на Регерингсгатан поняли, что рабочий день у них закончился — а у других он только начинался.

Следующие двадцать четыре часа прошли точно так же, как и предыдущие. Ольберг увеличил счет еще на одно очко. Но это было все.

На следующий день была пятница. Только три дня оставалось до конца первого месяца года, было тепло, серо и влажно. А вечером опустился туман.

В десять минут десятого тишину взорвал телефонный звонок. Мартин Бек взял трубку.

— Он уже здесь. На автобусной остановке.

На этот раз они приехали на пятнадцать секунд раньше, потому что Колльберг припарковался на Биргер-Ярлсгатан. Прошло еще полминуты, и Ольберг подал сигнал, что он уже на месте.

Дальше все повторилось. Мужчина по имени Фольке Бенгтссон продержался на Эриксбергсплан четыре часа. Четыре или пять раз он в нерешительности останавливался у телефонной кабины, съел одну сосиску. Потом уехал домой. Вслед за ним отправился Колльберг.

Мартин Бек ужасно замерз. Он быстро шел по Регерингсгатан, держа руки в карманах и глядя в землю.

Колльберг вернулся через полчаса.

— На Рёрстрандгатан все спокойно.

— Он тебя видел?

— Он шел, как лунатик. Думаю, он не заметил бы и бегемота в двух метрах перед собой.

Мартин Бек набрал номер служащей уголовной полиции Сони Хансон. У него было такое ощущение, что он вряд ли выдержал бы все это, если бы не думал о ней как о коллеге.

— Завтра суббота, вернее, уже сегодня. Он работает до двенадцати. Когда он будет уходить с работы, ты должна проходить мимо. Пробеги мимо него, словно куда-то спешишь, тронь его за рукав и скажи: «Добрый день, а я думала, что вы ко мне зайдете. Почему вы мне не звоните?» В общем, что-нибудь в таком духе. Больше ничего. И сразу исчезни. И постарайся не очень много на себя надевать. — Он помолчал. — Эта встреча должна быть решающей.

Он закончил разговор. Коллеги уставились на него.

— Кто у нас лучший специалист по слежке? — рассеянно спросил он.

— Стенстрём.

— Хорошо, с той минуты, когда он утром откроет дверь, будем за ним следить. Пусть Стенстрём этим займется. Будет докладывать о каждом его движении. По другой линии: у телефона будем находиться постоянно вдвоем, из комнаты может выйти только один.

Ольберг и Колльберг продолжали на него смотреть, но он этого не замечал.

В семь тридцать восемь открылась дверь на Рёрстрандгатан и Стенстрём приступил к выполнению своего задания. Он все время держался поблизости от конторы на Смоландсгатан, а без четверти двенадцать зашел в ресторан и сел у окна.

Без пяти двенадцать на углу Норландсгатан появилась Соня Хансон.

Она была в тонком синем твидовом жакете с большим вырезом в виде буквы «V» и с поясом, который как следует затянула на талии. Под жакетом был надет черный тонкий свитер; она была с непокрытой головой, в перчатках, но без сумочки. Колготки и черные туфельки для этого времени года выглядели чересчур субтильно.

Она перешла на другую сторону улицы и исчезла из поля зрения Стенстрёма.

Сотрудники транспортной фирмы уже начали появляться в подъезде, последним, как всегда, вышел мужчина по фамилии Бенгтссон и запер дверь в контору. Он пересек тротуар и уже был в метре от проезжей части, когда мимо него пробежала Соня Хансон. Она остановилась, взяла его за рукав и что-то сказала ему, глядя прямо в лицо. Тут же его отпустила, продолжая что-то говорить, отошла на пару шагов, повернулась и побежала дальше.

Стенстрём видел ее лицо, в нем были радость, страсть и призыв. Он мысленно аплодировал тому, как она играла свою роль.

Мужчина стоял и смотрел ей вслед. Он сделал неуверенное движение, словно хотел броситься за ней, но передумал, засунул руки в карманы и пошел дальше, наклонив голову.

Стенстрём надел шляпу, расплатился у стойки и осторожно высунул голову за дверь. Когда Бенгтссон исчез за углом, он закрыл за собой дверь и направился за ним.

Мартин Бек сидел в полицейском участке округа Клара и мрачно смотрел на телефон. Ольберг и Колльберг уже прекратили играть в шахматы и молча прятались за газетами. Колльберг сражался с кроссвордом и в азарте грыз карандаш.

Когда телефон наконец зазвонил, Колльберг так укусил карандаш, что сломал его.

Мартин Бек схватил трубку еще до того, как закончился первый звонок.

— Привет, это Соня. По-моему, все получилось хорошо. Я сделала так, как ты сказал.

— Хорошо. Стенстрёма ты видела?

— Нет, но он наверняка был где-то поблизости. Я боялась обернуться и бежала до угла, до универмага.

— Ты волнуешься?

— Нет. Вовсе нет.

Было уже четверть второго, когда телефон зазвонил вторично.

— Я возле табачной лавки на Йернторгет, — сообщил Стенстрём. — Соня просто чудо. Ты бы только видел, как она вскружила ему голову. Мы погуляли по Кунгсгатан, перешли через мост и теперь бродим по Старому Городу.

— Ты только не спугни его.

— Можешь не опасаться. Он ходит, как лунатик, не видит и не слышит ничего, что происходит вокруг. Ну, я побегу, а то еще потеряю его.

Ольберг ходил по комнате.

— Для нее это занятие приятным не назовешь, — наконец сказал он.

— Она справится с ним одной левой, — заверил его Колльберг, — запросто. Все будет в полном порядке, лишь бы Стенстрём не напортил. — Он подумал и добавил: — Нет, Стенстрём в таких делах гений.

Мартин Бек ничего не говорил.

Настенные часы показывали две минуты третьего, когда Стенстрём снова позвонил.

— Мы на Фолькунгсгатан. Он идет куда глаза глядят, не останавливается, не смотрит по сторонам. Выглядит каким-то апатичным.

— Продолжай, — сказал Мартин Бек.

Мартина Бека трудно было вывести из себя, но после сорокапятиминутного ожидания в абсолютной тишине, он вскочил и выбежал из комнаты.

Ольберг и Колльберг посмотрели друг на друга. Колльберг пожал плечами и начал расставлять шахматные фигуры.

Мартин Бек ополоснул лицо и руки холодной водой, тщательно вытерся полотенцем. Когда он шел по коридору, открылась дверь и полицейский с засученными рукавами крикнул, что ему звонят. Это была его жена.

— Я не видела тебя уже целую вечность и к тому же теперь даже не могу до тебя дозвониться. Что, собственно, происходит? Когда ты придешь домой?

— Не знаю, — устало сказал он. Она начала снова, голос у нее сорвался и стал визгливым. Он перебил ее на полуслове.

— У меня сейчас нет времени, — разозлился он. — До свидания. Не звони мне больше.

Ему стало стыдно за свой тон, но он только пожал плечами и пошел к двум своим шахматистам.

В третий раз Стенстрём позвонил с Шепсброн. Было без двадцати пять.

— Только что он зашел в ресторан. Сидит один в уголке и пьет пиво. Мы излазили весь Сёдермальм. Он по-прежнему странно выглядит.

Спазм в желудке напомнил Мартину Беку, что целый день у него не было ни крошки во рту. Он послал за едой в автомат напротив полицейского участка. После того, как они поели, Колльберг уснул, скрючившись в кресле, и начал храпеть. Когда зазвонил телефон, он вздрогнул и проснулся. Было семь часов.

— Он все время сидел там и выпил четыре бокала пива. Теперь возвращается в центр. Идет еще быстрее, чем раньше. Как только появится возможность, я позвоню.

Стенстрём говорил запыхавшись, словно ему пришлось бежать, и положил трубку раньше, чем Мартин Бек успел хоть что-то сказать.

— Он идет туда, — заявил Колльберг.

Следующий разговор состоялся в половине восьмого, он был еще короче и такой же односторонний.

— Энгельбректсплан. Идет по Биргер-Ярлсгатан все быстрее и быстрее.

Они ждали. Переводили глаза с часов на телефон. Пять минут девятого. В голосе Стенстрёма звучало разочарование.

— Он повернул на Эриксбергсгатан и перешел через виадук. Мы идем сейчас по Оденгатан в направлении Оденплан. Похоже на то, что он направляется домой и уже не спешит.

— А черт! Позвони, когда он придет домой.

Не прошло и получаса, как Стенстрём снова позвонил.

— Он пошел не домой, а дальше, по Уппландгатан. По-моему, он вообще не знает, что такое усталость. Просто идет вперед и вперед. Я уже ног под собой не чувствую.

— Откуда ты звонишь?

— С Северного вокзала. Он сейчас проходит мимо Городского театра.

Мартин Бек думал о мужчине, который сейчас шел мимо театра. О чем он думает? Думает ли вообще, или просто ходит и ходит, подгоняемый каким-то темным импульсом? Что он чувствует? Уже более восьми часов он бродит по городу, не обращая внимания на то, что происходит вокруг, погруженный в себя, сосредоточенный на какой-то мысли или на созревающем решении.

В течение следующих трех часов Стенстрём звонил четырежды из разных мест. Бенгтссон держался поблизости от Эриксбергсплан, но ни разу не подошел к дому.

В половине третьего Стенстрём сообщил с Рёрстрандгатан, что Фольке Бенгтссон наконец пошел домой и свет в его квартире сразу же погас.

Мартин Бек велел Колльбергу сменить своего коллегу.

В воскресенье, в восемь часов утра Колльберг вернулся, разбудил Ольберга, который спал на кушетке, свалился на нее сам и мгновенно заснул.

Ольберг подошел к Мартину Беку, сторожившему телефон.

— Колльберг вернулся? — спросил Мартин Бек и посмотрел на Ольберга красными глазами.

— Спит. Свалился, как сноп. Теперь там Стенстрём.

Первого сообщения они ждали всего лишь два часа.

— Он уже на улице. Идет в направлении моста на Кунгсхольмен.

— Как он выглядит?

— Как всегда. Одет точно так же, черт его знает, может, он вообще не раздевался.

— Быстро идет?

— Нет, нормально.

— Ты выспался?

Немного. Но, конечно, не могу сказать, что чувствую себя, как супермен.

— Хорошо.

Стенстрём звонил примерно один раз в час вплоть до четырех дня. Фольке Бенгтссон гулял уже шесть часов и сделал только две коротких остановки, когда на минутку заходил в закусочные-автоматы. Он бродил по Кунгсхольмену, Сёдермальму и Старому Городу. К дому Сони Хансон он вообще не приближался.

В половине шестого Мартин Бек заснул у телефона. Через четверть часа Стенстрём его разбудил.

— Нормальмсторг. Идет в направлении Страндвеген и выглядит теперь совершенно иначе.

— Как?

— Словно проснулся и ожил. Он как-то странно возбужден.

Через полчаса.

— Приходится быть осторожнее. Он как раз повернул с Оденгатан на Свеавеген. Смотрит на девушек.

Половина десятого.

— Он на перекрестке Карл-Стуре. Медленно идет к Стуреплан. Еще больше успокоился и по-прежнему разглядывает девушек.

— Действуй осторожнее, — сказал Мартин Бек.

Наконец-то ему было хорошо, он чувствовал себя свежим, несмотря на то, что два дня и две ночи почти не сомкнул глаз.

Он встал и глянул на карту, по которой Колльберг красным карандашом пытался следить за метаниями Бенгтссона. Зазвонил телефон.

— Это сегодня уже десятый раз, — сказал Колльберг.

Мартин Бек поднял трубку и взглянул на настенные часы. Без одной минуты одиннадцать.

Он услышал голос Сони Хансон, хриплый и немного взволнованный.

— Мартин! Он уже здесь.

Он сжал трубку в руке.

— Мы едем к тебе, — сказал он.

Соня Хансон положила трубку и посмотрела на часы. 23.01. Через четыре минуты в квартиру войдет Ольберг и освободит ее от неприятного чувства беспомощности, которое усиливалось, когда она вспоминала, что живет одна.

У нее потели ладони, она вытирала их о хлопчатобумажное платье. При этом ткань натягивалась на бедрах.

Она пошла в темную спальню и посмотрела в окно. Босиком на паркетном полу было холодно стоять, она поднялась на цыпочки, рукой оперлась на оконную раму и осторожно отодвинула тоненькую занавеску. Внизу было много людей, в основном перед рестораном напротив дома. Она обнаружила его только через полторы минуты. Он шел по Рунебергсгатан прямо к дому, медленно миновал низкую стенку и продолжил путь в направлении Биргер-Ярлсгатан. Дойдя до трамвайных рельсов, повернул направо. Через тридцать секунд исчез из виду. Передвигался он быстро, плавным шагом, устремив взгляд

прямо перед собой, словно не обращал внимания на происходящее вокруг или ни о чем не думал.

Она вернулась в гостиную, где было тепло и светло. Закурила и жадно вдохнула дым. Она уже знала, чего ему нужно, но каждый раз чувствовала облегчение, когда он исчезал и оставлял в покое телефонную кабину. Слишком долго она ждала этого пронзительного телефонного звонка, который должен был уничтожить покой в ее душе и принести в ее дом нечто иррациональное и тревожное. Теперь она надеялась, что до этого дело вообще не дойдет. Что все это лишь глупая ошибка, что она наконец сможет вернуться к своим привычным служебным делам и больше никогда не должна будет помнить об этом мужчине.

Она взяла свитер, который вязала уже третью неделю. Подошла к зеркалу и приложила свитер к себе. Он был уже почти готов. Она снова посмотрела на часы. Ольберг опаздывал почти на десять секунд. Сегодня он не сможет побить свой собственный рекорд. Она улыбнулась, потому что знала, что он будет злиться. Увидела в зеркале свою спокойную улыбку и заметила, что на лбу у самых волос появилось несколько маленьких капелек пота.

Соня Хансон пошла в ванную. Она слегка расставила ноги на холодных плитках, наклонилась вперед и сполоснула лицо и руки холодной водой.

Закрыв кран, она услыхала, как у двери возится Ольберг. У него уже было больше минуты опоздания.

С полотенцем в руке она выбежала в прихожую, сняла цепочку и открыла дверь.

— Слава Богу, хорошо, что ты уже здесь, — сказала она.

Это был не Ольберг.

Она все еще улыбалась и при этом пятилась от двери.

Мужчина по имени Фольке Бенгтссон не спускал с нее глаз, когда захлопывал за собой дверь и закрывал ее на цепочку.

XXIX

Мартин Бек выходил последним. Он уже стоял в дверях, когда зазвонил телефон.

— Я звоню из холла отеля «Амбасадор», — сказал Стенстрём. — Он исчез в толпе на улице, это было максимум четыре-пять минут назад.

— Он уже на Рунебергсгатан. Мчись туда как можно быстрее!

Он бросил трубку и побежал по лестнице вслед за остальными. Втиснулся на заднее сиденье. На переднем всегда сидел Ольберг, чтобы иметь возможность выйти первым.

Колльберг включил скорость, но тут же вынужден был выжать сцепление и пропустить во двор серый полицейский автобус. Потом он выехал на улицу и ухитрился втиснуться между зеленым «вольво» и бежевой «шкодой». Мартин Бек сидел, сложив руки на коленях, и смотрел на моросящий холодный дождь. Он ощущал огромное напряжение, но вместе с тем чувствовал себя спокойным и хорошо подготовленным. Как спортсмен в пике формы, готовящийся установить рекорд.

Через десять секунд зеленый «вольво» столкнулся с пикапом, который выехал на перекресток с запрещенного направления. Перед столкновением водитель «вольво» вывернул вправо и Колльберг мгновенно повторил его маневр. Он среагировал вовремя и даже не прикоснулся к переднему автомобилю, но теперь они стояли дараллельно, вплотную друг к другу. Колльберг начал сдавать назад, но в этот момент в их правую дверь с оглушительным жестяным звуком врезалась бежевая «шкода». Водитель резко затормозил, что при таком состоянии проезжей части было грубой ошибкой.

В общем-то ничего страшного не произошло. Через десять минут явится дорожная полиция. Запишет фамилии и номера, проверит водительские удостоверения, справки о техническом осмотре и квитанции об уплате страховки. Впишет в протокол что-то о поврежденных кузовах, пожмет плечами и уедет. Если ни от кого из участников дорожного

происшествия не будет за десять шагов нести алкоголем, люди, которые сейчас гневно кричат и в ярости размахивают руками за окнами, снова усядутся в свои разбитые жестяные божества и разъедутся кто куда.

Ольберг выругался. Только через десять секунд Мартин Бек понял, почему он это сделал. Они не могли выйти из автомобиля. Обе двери были заблокированы так основательно, словно кто-то их заварил.

В тот момент, когда Колльберг предпринял отчаянную попытку выбраться из этой кучи, сзади остановился автобус номер пятьдесят пять. Они потеряли последнюю возможность выбраться. Мужчина из бежевой «шкоды» выбежал под дождь. Его нигде не было видно, вероятно, он ругался где-то сбоку от двух заклиненных автомобилей.

Ольберг уперся в дверь обеими ногами и толкал изо всей силы, но у «шкоды» была включена первая передача и ее невозможно было сдвинуть с места.

Три или четыре минуты пронеслись, как ночной кошмар. Ольберг ругался и жестикулировал. Заднее стекло под дождем мгновенно затянуло серой пеленой. Снаружи неясно просматривались блестящие контуры полицейского в черном резиновом плаще.

Наконец несколько зевак поняли, в чем дело, и начали откатывать бежевую «шкоду». Они делали это медленно и неуклюже. Полицейский пытался им в этом помешать, но через минуту начал помогать. Между машинами уже был метровый зазор, однако дверные петли, очевидно, согнуло и дверь не поддавалась. Ольберг ругался и дергал дверь. Мартин Бек чувствовал, как у него с затылка под воротник течет пот и стекает на спину в холодную ложбинку между лопатками.

Медленно и со скрипом дверь открылась.

Ольберг вылетел наружу. Мартин Бек и Колльберг попытались пролезть в дверь одновременно, и каким-то чудом им это удалось.

Полицейский стоял наготове с блокнотом в руке.

— Что здесь произошло?

— Заткнись! — заорал Колльберг. Полицейский тут же его узнал.

— Бежим! — закричал Ольберг, имея уже фору в пять метров.

Несколько неуверенных рук пытались их задержать. Колльберг врезался в перепуганного продавца сосисок.

Четыреста пятьдесят метров, подумал Мартин Бек. Тренированный спортсмен преодолеет их за минуту. Но они не тренированные спортсмены. И бежали они не по гаревой дорожке, а по асфальту под ледяным дождем. После ста метров Мартин Бек почувствовал, что у него вот-вот разорвется грудная клетка. Ольберг бежал в пяти метрах впереди, но на пригорке поскользнулся и едва не упал. Это стоило ему форы, теперь они бежали рядом к Эриксбергсплан. У Мартина Бека перед глазами мигали жгучие точки. Он слышал, как сзади тяжело сопит Колльберг.

Они прибежали на угол, повернули и мчались по парку. Все трое одновременно увидели слабый прямоугольник света на третьем этаже дома на Рунебергсгатан. Он означал, что в спальне горит свет и опущена штора.

Точки перед глазами исчезли, боль в груди тоже прошла. Пробегая по Биргер-Ярлсгатан, Мартин Бек подумал, что ни разу в жизни так быстро не бегал, но, тем не менее, Ольберг был в трех метрах перед ним, а Колльберг рядом. Когда они добежали до дома, Ольберг уже открыл дверь.

Лифта внизу не было, но никто о нем и не вспомнил. На первой лестничной площадке Мартин Бек понял, что, во-первых, он не может отдышаться, а во-вторых, Колльберг куда-то исчез. План работает, этот чертов план, думал он, преодолевая последние ступеньки с ключом в вытянутой руке.

Он вставил ключ в замок, повернул, толкнул дверь, она приоткрылась на десять сантиметров. Он видел, как в щели натягивается цепочка. Из квартиры не доносилось никаких звуков, кроме непрерывного, дребезжащего звона домофона. Время остановилось, он видел в прихожей узор ковра, полотенце и одну туфлю.

— Пригнись, — хрипло, но, к удивлению Мартина Бека, спокойно сказал Ольберг.

Раздался грохот, словно весь мир разлетался на кусочки. Ольберг выстрелил в цепочку, и Мартин Бек скорее ввалился, а не вбежал в прихожую и гостиную.

Картина была нереальной и неподвижной, как в музее восковых фигур. Она производила такое же впечатление, как недоэкспонированная фотография, залитая беловатым светом, на которой Мартин Бек различал самые незначительные смертельные детали.

Мужчина все еще был в плаще. Коричневая шляпа лежала на полу, наполовину прикрытая разорванным платьем из голубого хлопка.

Это был мужчина, который убил Розанну Макгроу. Он склонился над постелью, левой ногой он стоял на полу, коленом правой упирался в левое бедро женщины. Большая загорелая рука закрывала ей рот, а два пальца сжимали нос. Это была левая рука. Правая находилась ниже, она искала горло и почти его нащупала.

Женщина лежала на спине. Между растопыренными пальцами были видны вышедшие из орбит глаза. По ее лицу стекала тонкая струйка крови. Правую ногу она согнула и ступней упиралась ему в грудь. Двумя руками судорожно держала его правое запястье. Она была голая. Каждая ее мышца напряглась, сухожилия были видны, как в учебнике анатомии.

Сотой доли секунды хватило, чтобы все эти мельчайшие подробности глубоко и надолго врезались в его память. Мужчина в плаще ослабил захват, встал на обе ноги, восстановил равновесие и обернулся; все это он сделал мгновенно.

Мартин Бек впервые увидел человека, которого искал шесть месяцев и девятнадцать дней. Человека по имени Фольке Бенгтссон, так не похожего на мужчину, с которым однажды утром незадолго до рождества он беседовал в кабинете Колльберга.

Лицо его было каменным и без всякого выражения, зрачки сужены, глаза бегали, как у куницы, готовящейся напасть. Он стоял наклонившись и согнув колени, а тело его ритмично покачивалось.

Это длилось лишь десятую долю секунды, потом он бросился вперед, придушенно всхлипнув. Мартин Бек рубанул его ребром правой ладони по ключице, а Ольберг бросился на него сзади и попытался схватить за руки.

Ольбергу мешал пистолет, а Мартина Бека застала врасплох быстрота прыжка, потому что он не мог думать ни о чем, кроме того, что женщина на постели должна шевелиться, а не лежать неподвижно с чуть открытым ртом и закрытыми глазами.

Мужчина ударил его головой в живот с неожиданной силой, так, что Мартин Бек отлетел к стенке. Одновременно безумец вырвался от Ольберга и большими прыжками помчался к двери, все еще в полуприседе, его руки и ноги мелькали с быстротой, которая была такой же нереальной, как и вся эта абсурдная картина.

Непрерывно продолжал звонить домофон.

Мартин Бек отставал от него на половину лестничного марша, и это расстояние увеличивалось.

Мартин Бек слышал его шумное дыхание, но увидел его только тогда, когда выбежал в вестибюль на первом этаже. Он уже миновал внутреннюю стеклянную дверь И быстро приближался к относительной свободе на улице.

Колльберг отпустил кнопку домофона и отклеился от стены. Мужчина в плаще быстро размахнулся, целясь Колльбергу прямо в лицо.

В этот момент Мартин Бек понял, что все наконец-то кончилось, и через долю секунды действительно услышал короткий, болезненный вой, когда Колльберг перехватил руку мужчины и быстрым жестоким рывком завернул ее за спину. Мужчина в плаще беспомощно лежал на полу.

Мартин Бек прислонился к стене и слушал, как, казалось, сразу со всех сторон приближается звук сирены. Полицейский автомобиль уже приехал и на тротуаре патрульные отгоняли зевак.

Он смотрел на мужчину по имени Фольке Бенгтссон, который лежал там, где упал, лицом к стене, и по лицу у него текли слезы.

— Скорая помощь уже приехала, — сказал Стенстрём.

Мартин Бек поднялся лифтом на третий этаж. Соня сидела в кресле, на ней были вельветовые джинсы и шерстяной свитер. Он посмотрел на нее с виноватым видом.

— Приехала скорая. Они сейчас поднимутся.

— Я могу идти сама, — бесцветным голосом ответила она.

В лифте она сказала:

— Не смотри так печально. Не нужно. Со мной в общем-то ничего не случилось.

Он не смотрел ей в глаза.

Если бы он попытался меня изнасиловать, я бы, возможно, сумела с ним справиться. Но ему нужно было вовсе не это. У меня попросту не было шансов, абсолютно никаких. Она вздрогнула.

— Еще какие-нибудь десять-пятнадцать секунд и… или если бы не вспомнили о домофоне там, внизу: это его напугало. Словно перетерлась изоляция. Бр-р-р. Это было ужасно.

Когда они подходили к скорой помощи, она сказала:

— Бедняга.

— Кто?

— Он.

Через четверть часа перед домом на Рунебергсгатан остались только Колльберг и Стенстрём.

— Я приехал как раз вовремя и видел, как ты его скрутил. Я стоял прямо напротив дома. Где ты этому научился?

— Понимаешь, я старый десантник. Пользуюсь этим иногда.

— Дьявольская штука. Я такого еще никогда не видел. Таким приемом кого угодно можно скрутить.

— В августе шакал родился, в сентябре первый дождик пролился, я такого потопа никогда не видал, сразу же завыл шакал.

— Что это?

— Цитата, — ответил Колльберг. — Это написал некто Киплинг.

XXX

Мартин Бек смотрел на сидящего перед ним с угрюмым видом мужчину, с рукой на перевязи. Он наклонил голову и упорно разглядывал пол.

Этой минуты Мартин Бек ждал шесть с половиной месяцев. Он подался вперед и включил магнитофон.

— Вас зовут Фольке Леннарт Бенгтссон, вы родились в Стокгольме шестого августа 1926 года, живете на Рёрстрандгатан в Стокгольме. Правильно?

Мужчина едва заметно кивнул.

— Вы должны отвечать вслух, — сказал Мартин Бек.

— Да, — ответил мужчина по имени Фольке Бенгтссон. — Да, правильно.

— Вы признаете себя виновным в убийстве на сексуальной почве американской гражданки Розанны Макгроу и в том, что совершили это убийство в ночь с четвертого на пятое июля прошлого года?

— Я никого не убивал, — прошептал Фольке Бенгтссон.

— Говорите громко.

— Не признаю.

— Вы уже признались, что познакомились с Розанной Макгроу четвертого июля прошлого года на экскурсионном пароходе «Диана». Правильно?

— Нет. Я не знал, как ее зовут.

— У нас есть доказательства, что вы были с ней четвертого июля. Ночью у нее в каюте вы убили ее и бросили труп в воду.

— Нет, это неправда!

— Вы убили ее тем же способом, которым пытались убить женщину на Рунебергсгатан?

— Я не хотел ее убивать.

— Кого вы не хотели убивать?

— Эту девушку. Она ходила за мной. Приглашала к себе домой. Она говорила со мной несерьезно. Хотела только унизить меня.

— Розанна Макгроу тоже хотела вас унизить? Поэтому вы ее убили?

— Не знаю.

— Вы были у нее в каюте?

— Не помню. Может, и был. Не знаю.

Мартин Бек молча смотрел на него. Наконец спросил:

— Вы очень устали?

— Нет, не очень. Я совсем не устал.

— Рука болит?

— Уже нет. В больнице мне сделали укол.

— Когда вчера вечером вы увидели эту женщину, то вспомнили о другой, в прошлом году на пароходе?

— Это были не женщины.

— Как вы сказали? Да нет же, это были женщины.

— Нет… они были как животные.

— Не понимаю.

— Они как зверь… во власти… во власти…

— Чьей? Вашей власти?

— Господи, вы смеетесь надо мной. Во власти своего распутства. Они обе жертвы своего бесстыдства.

Тридцать секунд тишины.

— Вы действительно так думаете?

— Так думаю я и все порядочные люди, кроме развратников и дегенератов.

— Вам не нравились эти женщины? Розанна Макгроу и девушка с Рунебергсгатан, как же ее зовут…

— Соня Хансон. — Он буквально выплюнул из себя это имя.

— Правильно. Она не нравилась вам?

— Я ненавижу ее. Ту, другую, я тоже ненавидел. Я уже ее хорошо не помню. Разве вы не видите, как они себя ведут? Разве не понимаете, что значит быть мужчиной?

Он говорил торопливо и жадно.

— Нет. Что, собственно, вы имеете в виду?

— Бр-р-р. Они гнусные. Ходят по земле высокомерные и развратные, каждому навязываются и надоедают.

— Вы иногда ходите к проституткам?

— Проститутки совсем не такие отвратительные и бесстыдные. Кроме того, они за это берут деньги, у них остались хотя бы остатки целомудрия.

— Вы помните, что ответили, когда я задал вам этот вопрос в прошлый раз?

— Нет…

— Вы не помните, как я вас спрашивал, ходите ли вы к проституткам?

— Нет, вы в самом деле меня об этом спрашивали?

Мартин Бек молчал и тер кончик носа.

— Я могу вам помочь, — сказал он наконец.

— Как вы сказали? Помочь? Как вы можете мне помочь? Теперь? После всего того…

— Я хочу помочь вам вспомнить.

— Ага.

— Но вы тоже должны пытаться.

— Да.

— Попытайтесь вспомнить, что происходило, когда вы в Сёдертелье сели на «Диану». Вы были с мопедом и везли с собой рыболовные снасти; пароход намного опоздал.

— Да, это я помню. Была прекрасная погода.

— Что вы делали, когда сели на пароход?

— Наверное, пошел завтракать. Помню, я был голоден и рассчитывал поесть на пароходе.

— Вы разговаривали с людьми, которые сидели с вами за столом?

— Нет, я был один. Остальные уже поели.

— А потом? После завтрака.

— Я вышел на палубу. Была прекрасная погода.

— Вы с кем-нибудь разговаривали?

— Нет, я в одиночестве стоял на носу. Потом был обед.

— За обедом вы тоже сидели один?

— Нет, за столом сидели еще какие-то люди, но я с ними не разговаривал.

— Розанна Макгроу сидела за вашим столом?

— Не помню. Я не обратил внимания, кто сидит со мной за столом.

— Вы помните, как с ней встретились?

— Нет, не помню.

— В прошлый раз вы сказали, что она вас о чем-то спросила и вы разговорились.

— Да, уже вспоминаю. Она спросила, как называется город, мимо которого мы как раз проплывали.

— И как же он назывался?

— По-моему, Норсхольм.

— А потом она осталась стоять рядом с вами и вы разговаривали?

— Да. Но я уже не помню, о чем мы говорили.

— Она была вам несимпатична сразу, с самого начала?

— Да.

— Почему же вы с ней разговаривали?

— Она мне навязалась. Стояла рядом, болтала и смеялась. Она была такая же, как и все остальные. Бесстыдная.

— Что вы делали потом?

— Потом?

— Да, вы сходили вместе на берег?

— Она шла за мной, когда я спустился на берег.

— О чем вы говорили?

— Не помню. О том, о сем. Я еще подумал, что теперь, по крайней мере, потренируюсь в английском.

— Что вы делали, когда вернулись на пароход?

— Не знаю. Наверное, пошли ужинать.

— На этот раз вы сидели за одним столом?

— По-моему, нет. Не помню.

— Попытайтесь вспомнить.

— Нет, я в самом деле не знаю.

— А вечером вы с ней снова встретились?

— Помню, я стоял на носу, когда стемнело. Но я был один.

— Вы встречались с ней вечером? Постарайтесь вспомнить.

— Думаю, да. Я не уверен, но мне кажется, что мы сидели на корме, на скамеечке и разговаривали. Я предпочел бы, чтобы она оставила меня в покое, но она навязалась мне.

— Она пригласила вас к себе в каюту?

— Нет.

— Позднее в этот вечер вы ее убили, да?

— Нет. Я ничего похожего не делал.

— Вы в самом деле не помните, что убили ее?

— Нет. Я говорю правду.

— Да. Я знаю, что вы ее убили.

— Зачем вы мучите меня? Зачем все время повторяете это слово? Я ничего не сделал.

— Я не хочу вас мучить.

Действительно не хочет? Мартин Бек не знал. Зато он знал, что мужчина, сидящий перед ним, ушел в защиту, что уже начинает срабатывать инстинкт самосохранения и что чем дальше, тем труднее будет одержать победу.

— Мне вовсе это не нужно.

Взгляд мужчины стал тупым, глаза испуганно забегали.

— Вы меня не понимаете, — сдавленно сказал он.

— Я пытаюсь. Понимаю: многие люди вам не нравятся. Они вызывают у вас отвращение.

— Вас это удивляет? Люди умеют быть гнусными.

— Да, я понимаю. Особенно вам не по душе одна категория людей — женщины, которых вы называете бесстыдными. Правильно?

Мужчина ничего не отвечал.

— Вы верующий?

— Нет.

— Почему?

Он неопределенно пожал плечами.

— Вы читаете иногда религиозные книги или журналы?

— Я читал Библию.

— Вы верите в нее?

— Нет, там много такого, что нельзя объяснить и даже невозможно читать.

— Например?

— Там слишком много грешного.

— Вы хотите сказать, что такие женщины, как Розанна Макгроу и фрекен Хансон, тоже грешные?

— Да. Вы, конечно, с этим не согласны? Посмотрите, сколько гнусных дел творится вокруг. В конце года несколько недель читал газеты и каждый день в них появлялись все новые и новые мерзости. Как вы думаете, почему это происходит?

— И с этими грешными людьми вы не хотите иметь ничего общего?

— Нет.

У него на мгновение перехватило дыхание, потом он добавил:

— Ни при каких обстоятельствах.

— Хорошо. Предположим, они вам не нравятся. Но все же разве такие женщины, как Розанна Макгроу и Соня Хансон, не притягивают вас? Вам не хочется на них смотреть и прикасаться к ним? Прикасаться к их телу?

— Вы не имеете права говорить мне подобные вещи.

— Смотреть на их ноги и руки? Прикасаться к их коже?

— Зачем вы все это мне говорите?

— Вам не хочется прикасаться к ним? Раздевать их? Видеть их голыми?

— Нет, нет, только не это.

— Вам не хочется ощущать их руки на своем теле? Вам не хочется, чтобы они к вам прикасались?

— Замолчите! — закричал мужчина и попытался встать.

Он сделал слишком резкое движение, застонал и закусил губы. Очевидно, у него заболела раненая рука.

— Но ведь в этом нет ничего странного. Более того, это совершенно нормально. У меня тоже мелькают в голове похожие мысли, когда я вижу женщин определенного типа.

Мужчина смотрел на него.

— Значит, вы утверждаете, что я ненормальный?

Мартин Бек не ответил.

— Вы хотите сказать, что я ненормальный, потому что во мне есть немного стыда?

Молчание.

— Я имею право жить своей собственной жизнью.

— Конечно, но вы не имеете права отнимать ее у других. Сегодня вечером я видел собственными глазами, как вы едва не убили женщину.

— Вы ничего не видели. Я ничего не сделал.

— Я никогда не говорю того, чего не знаю наверняка. Вы пытались ее убить. Если бы мы не пришли вовремя, на вашей совести была бы сейчас человеческая жизнь. Вы были бы убийцей.

Он странно отреагировал. Долго шевелил губами и наконец прошептал, почти беззвучно:

— Она это заслужила. В этом была ее вина, а не моя.

— Как вы сказали? Извините, но я вас не понял.

Тишина.

— Пожалуйста, повторите то, что вы только что сказали.

Мужчина упорно молчал, глядя в пол. Наконец Мартин Бек сказал:

— Вы мне лжете.

Мужчина покачал головой.

— Вы утверждаете, что покупаете только журналы о спорте и рыбной ловле. Но в то же самое время покупаете также журналы с фотографиями голых женщин.

— Это неправда.

— Вы забываете, что я никогда не обманываю.

Тихо.

— Дома, в печи, у вас лежит сотня таких журналов.

Он отреагировал очень быстро:

— Откуда вы знаете?

— Наши люди сейчас делают у вас обыск. В печи они нашли эти журналы. Они нашли и много других вещей, например, темные очки, которые принадлежали Розанне Макгроу.

— Вы ворвались ко мне в квартиру, суете нос в мою личную жизнь. Зачем все это?

Через несколько секунд он повторил свой вопрос. Потом добавил:

— Я не хочу с вами разговаривать. Вы отвратительны.

— Но послушайте, смотреть на фотографии не запрещено, — сказал Мартин Бек. — Вовсе нет. В этом нет ничего плохого. Женщины в этих журналах выглядят точно так же, как и все другие женщины. Особей разницы между ними нет. Если бы на этих фотографиях была Розанна Макгроу, Соня Хансон или Сив Линдберг…

— Замолчите! — закричал мужчина. — Вы не смеете так говорить! Вы не смеете упоминать это имя!

— Почему же? Что бы вы сделали, если бы я вам сказал, что в одном из таких журналов были фотографии Сив Линдберг?

— Ты лжешь, негодяй!

— Вспомните, что я вам говорил. Что бы вы сделали?

— Я бы покарал… я бы убил и вас за то, что вы это сказали…

— Меня вы убить не можете. Что бы вы сделали с той женщиной, как же ее зовут… ах, да, Сив…

— Я бы покарал ее… я бы ее…

— Да, я слушаю.

Мужчина сжимал и разжимал кулаки.

— Да, я бы это сделал, — сказал он.

— Убили ее?

— Да.

— Почему?

Тишина.

— Вы не смеете говорить о таких вещах, — сказал мужчина. По его левой щеке стекала слеза.

— Вы испортили много журнальных фотографий, — тихо сказал Мартин Бек. — Вы прокалывали их ножом. Зачем вы это делали?

— В моей собственной квартире… вы были в моей квартире… следили и вынюхивали…

— Зачем вы прокалывали эти фотографии?

Мужчина нервно огляделся по сторонам.

— Зачем все это? — прошептал он. — Как человеку жить, если каждый…

— Зачем вы прокалывали эти фотографии? — громко спросил Мартин Бек.

— Какое вам дело до этого, — истерически завыл мужчина. — Вы негодяй… Свинья…

— Зачем?

— Я бы покарал… вас бы тоже покарал.

Две минуты тишины. Мартин Бек мягко произнес:

— Вы убили ту женщину на пароходе. Вы этого не помните, но я помогу вам вспомнить. Каюта была маленькая, узкая, света мало… Пароход как раз плыл по какому-то озеру, так?

— По озеру Бурен.

— А вы были у нее в каюте и там ее раздевали.

— Нет. Она сама начала раздеваться. Хотела осквернить меня своей греховностью. Она была гнусная.

— Вы покарали ее? — мягки спросил Мартин Бек.

— Да. Я покарал ее. Разве вы не понимаете? Я вынужден был ее покарать, она была развратной и бесстыдной.

— Как вы ее покарали? Вы убили ее, да?

— Она заслужила смерть. Иначе она осквернила бы и меня. Она выставляла свое бесстыдство на обозрение. Неужели вы не понимаете, — вдруг завыл он, — что я вынужден был ее убить? Я должен был убить ее греховное тело.

— Вы не боялись, что вас кто-нибудь увидит в иллюминатор?

— Там не было никакого иллюминатора. Я не испытывал страха. Знал, что поступаю правильно. Она сама виновата. Она заслужила это.

— Вы убили ее. Что вы делали потом?

Мужчина скрючился на стуле и начал бормотать:

— Перестаньте меня мучить. Почему вы все время об этом говорите? Я уже ничего не помню.

— Вы вышли из каюты, когда она была мертва?

Мартин Бек говорил мягко, успокаивающим голосом.

— Нет. Да. Не знаю, не помню.

— Она лежала на койке голая, да? И вы ее убили. Вы остались в каюте?

— Нет. Я ушел. Не знаю.

— Где именно на пароходе находилась ее каюта?

— Не помню.

— Под палубой?

— Нет, на корме.

— Что вы сделали с той женщиной, когда она была мертва?

— Перестаньте меня наконец расспрашивать об этом, — сказал он плаксиво, как малое дитя. — Я ни в чем не виноват. Она сама виновата.

— Я знаю, что вы ее убили, вы сами только что об этом сказали. Что вы с ней сделали потом? — мягко спросил Мартин Бек.

— Я бросил ее в воду, я все бросил в воду, я не мог больше на это смотреть, — закричал мужчина.

Мартин Бек спокойно глядел на него.

— Где в этот момент находился пароход?

— Не знаю. Я просто бросил ее в воду.

Он согнулся и заплакал.

— Я не мог на нее смотреть, я не мог на нее смотреть, — монотонно повторял он, по его щекам текли слезы.

Мартин Бек выключил магнитофон и вызвал конвой.

Мужчину, который убил Розанну Макгроу, увели. Мартин Бек закурил. Он неподвижно сидел и смотрел прямо перед собой.

Глаза у него горели огнем, он помассировал их пальцами.

Потом взял из стаканчика на столе карандаш и начал писать по-английски: «МЫ АРЕСТОВАЛИ ЕГО. СОЗНАЛСЯ ПОЧТИ…». Хотел написать: «НЕМЕДЛЕННО», — но забыл, как это будет по-английски. Положил карандаш, смял лист бумаги и выбросил его в корзинку. Решил, что лучше выспится, а потом позвонит Кафке.

Мартин Бек надел шляпу, плащ и вышел. Около двух начался снегопад и теперь все было покрыто тридцатисантиметровым слоем снега. Снежинки были большие и влажные. Они медленно кружились в воздухе, пушистые и красивые, приглушая все звуки. Весь мир казался далеким и таинственным. Началась настоящая зима.

Розанна Макгроу поехала в Европу. Недалеко от Норсхольма она встретилась с мужчиной, который направлялся в лен Гётеборг-Бохус, чтобы ловить рыбу. Она бы не встретила его, если бы у парохода не случилась поломка в машине и если бы официантки в столовой не пересадили ее за другой стол. Судьбе было угодно, чтобы он ее убил. Точно так же она могла попасть под машину на Кунгсгатан в Стокгольме или упасть с лестницы в гостинице и сломать себе позвоночник. А женщина по имени Соня Хансон, возможно, уже никогда не сможет полностью расслабиться и спать глубоким и спокойным сном, засунув руки между колен, как спала она с тех пор, когда была еще маленькой девочкой. А ведь ко всему этому она не имела никакого отношения. И они в Мутале, в Кристинеберге и Линкольне, штат Небраска, расследовали это дело таким способом, что теперь оно уже никогда не будет подлежать оглашению. Они не забудут об этом деле до самой смерти, но, вспоминая о нем, не почувствуют большой гордости.

Мартин Бек шагал сквозь метель, чуть сутулился и тихонько насвистывал. Он направлялся к станции метро. Те, кто видел его, изумились бы, узнав, о чем он сейчас думает.

Мартин Бек шагает сквозь метель, на его шляпу падает снежок, все отлично, все прекрасно, друзья, хейя! Под ногами поскрипывает снег, прекрасная зимняя ночь, хейя! Стоит только пожелать, и мы поедем солнышко встречать. Городским общественным транспортом. В Багармуссен и Вантёр.

Он шел домой.

1

Штейнер Р. (1861—1925) — основатель антропософии — учения о путях освобождения скрытых духовных сил человека (здесь и далее — прим. пер.).

2

Балтазар фон Платен (1766—1829) — шведский граф, создатель крупнейшего в Швеции Гёта-канала. Похоронен недалеко от г. Мутала на берегу Гёта-канала. Сооружен памятник в г. Мутала.

3

Там Вильгельм (1839—1911) — шведский инженер и промышленник, директор военного завода в г. Хускварна; широко вводил передовую технологию и новые методы организации труда рабочих.

4

Адвокат Перри Менсон — главный герои детективных романов Э.С. Гарднера, многие из которых экранизированы.

5

Мартин Бек диктует имя и фамилию в английской транскрипции: Roseanna McGraw.

6

Район Стокгольма.

7

Стен Стуре Младший (1492 —1520) — регент Швеции, погиб в сражении с войсками датского короля Кристиана I.

8

Кинси Альфред Чарлз (1894—1956) — сексолог, провел исследование сексуального поведения мужчин и женщин, основанное на 18.500 интервью. Директор института сексуальных исследований.

9

Да, Ольберг слушает *(нем.).*

10

Немецкие предлоги.

11

Национальный этнографический парк-музей в Стокгольме.

12

Император Эфиопии.

13

Административная единица в Швеции.

14

В Швеции отмечается 26 декабря.

15

Стааф Карл (1860—1915) — шведский государственный и политический деятель, премьер-министр.